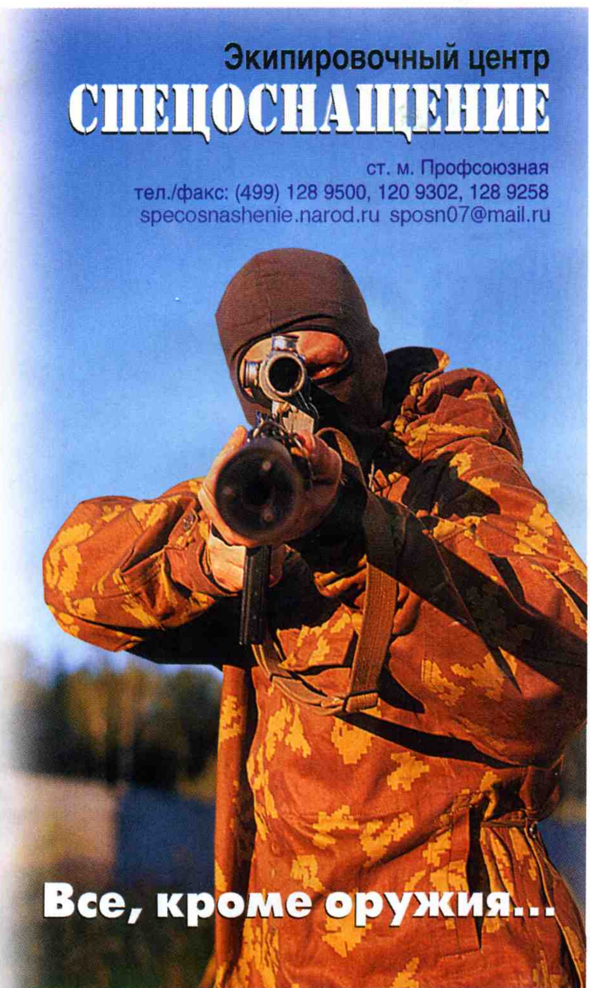

Издание для сильных и жестких мужчин
СОЛДАТ
УДАЧИ
№ 2 (173)
февраль 2009
Теория загнивания
Атака захлебнется
после... удара по своим
Авантюры Легиона
ISSN 0201-7121
02
ИНДЕКС 26319
ИНДЕКС 71223
9 770201 712002

Уважаемые читатели!

Если вам не удалось по каким-то причинам провести подписку в почтовом отделении или приобрести очередной номер в киоске, это можно сделать, обратившись в редакцию по адресу: 115162 г. Москва, ул. Люсиновская, д. 68, указав свой обратный адрес. Мы вышлем вам этот журнал. Новые номера продаются по цене 70 рублей. Почтовые оплаты по пересылке редакция берет на себя.

Для тех, кого интересуют номера прошлых лет, сообщаем, что в архиве редакции есть журналы за 1996 год – 9, 10, 11, 12; 1997 год – 12; 1998 год – 6, 10, 11; 1999 год – 2, 3, 5, 6, 11, 12; 2000 год – 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12.
С 2001 по 2008 год в наличии имеются все номера.
Стоимость архивных номеров – 60 рублей.
Чтобы прибрести как новые, так и архивные журналы, вам следует предварительно перевести деньги на расчетный счет
ООО «Интернет-Медиа». Обращаем особое внимание – перевести деньги следует не по почте, а через банк. В маленьких населенных пунктах это, как правило, отделение Сбербанка России. Итак:
Банк получателя: «Мастер Банк» (ОАО) г. Москва
ИНН 7713549910
КПП 771301001
БИК 044525353
р/с 40702810100001016475
к/с 30101810000000000353
Заявки на получение журналов вы можете высылать письмом, сделав телефонный звонок в редакцию, отправив факс или электронку.

С уважением
редакция журнала «Солдат удачи»

Главный редактор Михаил ЕФИМОВ
Зам. главного редактора Игорь МИХАЙЛОВ
Ответственный секретарь Олег ЗИНОВЬЕВ
Специальный корреспондент Олег КОЛОМИЕЦ
Эксперт-консультант Дмитрий ШИРЯЕВ
Экономический отдел Нона ЧЕРНЫШОВА
Отдел распространения Николай ДАРИНСКИЙ

Телефон/факс редакции:
(495) 958-1699,
(495) 237-6270
Адрес редакции:
115162 Москва, ул. Люсиновская, 68.
E-mail: info@soldat-udachi.com
www.soldat-udachi.com
По вопросам рекламы и распространения звонить:
958-1699, 237-6270.

Приглашаем к сотрудничеству рекламных агентов и частных распространителей.

Учредитель и издатель:
ООО «Интернет-Медиа»

Подписано в печать 19.01.09

Издание зарегистрировано в Министерстве печати и информации РФ,
свидетельство ПИ № ФС 77 - 21960 от 15.09.2005

Цена свободная.

Подписные индексы:
71223 по каталогу Роспечати,
99268 по каталогу российской прессы «Почта России»
(адресная подписка)

© «Солдат удачи»,
ООО «Интернет-Медиа»

Допечатный процесс:
дизайн и верстка Петр КОЛОТИЛОВ

Отпечатано в типографии
ОАО «Кострома»
Заказ № 180
Тираж – 21.500

Точка зрения редакции не обязательно совпадает с мнением авторов

К сведению авторов!
Редакция не имеет возможности рецензировать получаемые материалы.
Рукописи и иллюстрации не возвращаются, кроме уникальных, если это оговорено владельцем. Тексты принимаются в форматах Word.

Перепечатка или воспроизведение в любом ином виде целиком или по частям материалов из журнала «Солдат удачи» без ведома и согласия редакции запрещается.

Михаил ЕФИМОВ

Пираты XXI века

Недавно в печати было опубликовано очередное сообщение: судовладелец заплатил сомалийским пиратам выкуп в 2 млн. долларов за судно и жизни членов экипажа. Еще один хозяин сухогруза (трудно подсчитать, который по счету) не поверил в мощь военно-морских сил доброй половины мира и решил не рисковать кораблем и людьми.

Странное положение, не правда ли? Вблизи Африканского Рога собрались боевые корабли сильнейших стран – США, Франции, Италии, Испании, Великобритании, Индии, Нидерландов, Дании, Южной Кореи, Малайзии. Там же несет службу и российский большой противолодочный корабль «Адмирал Виноградов».

Вся эта немаленькая военно-морская сила обеспечивает безопасность плавания судов своих стран. В печати, по телевидению чаще стали мелькать сообщения: мол, боевой вертолет отогнал от торгового корабля пиратов или морские пехотинцы, действующие на быстроходных лодках, окружили и захватили пиратский баркас. И добавляется, что пираты сдались сразу. Да, на конкретном баркасе сдались. А вообще сдаваться не собираются. Они как кот Васька из басни: слушает да ест.

Хотелось бы задать закономерный вопрос: что происходит? А происходит то, что мировое сообщество с его мощными дипломатическими, финансовыми, военными возможностями не может справиться с сомалийскими пиратами. Пока, во всяком случае.

Что это такое – пиратство? Конвенция об открытом море, принятая в 1958 году, трактует это явление как неправомерный акт насилия, задержания или грабежа, совершаемый в личных целях в открытом море против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства.

В Морской доктрине Российской Федерации тоже говорится о пиратстве и о том, что борьба с ним является одним из направлений деятельности государства.

Однако надо сказать, что есть нестыковки в международном морском праве. Та же Конвенция об открытом море не разрешает применение боевых кораблей против пиратов. Правда, Совбез ООН еще летом прошлого года принял резолюцию, которая разрешает применять силу против пиратских судов. Но, оказывается, даже после принятия этой резолюции не все так просто. Применять эту самую силу можно только в тот момент, когда пираты захватывают судно. Вот и попробуй выследи их...

Некоторые журналисты, правоведы считают, что современное пиратство является одной из составляющих мирового терроризма. Действительно, некоторые черты террористических действий присутствуют, хотя мы, например, никогда не слышали, чтобы при захвате судна пираты выдвигали какие-то политические требования.

Но, как мне кажется, дело не в теоретических спорах. В конечном итоге ученые, эксперты как-нибудь классифицируют это явление. Дело в другом – надо победить пиратов. Ведь право же нелегко читать статистику захватов, ограблений судов в Мировом океане. Они уже исчисляются трехзначными числами. И это только за один год.

В 2007 году число пиратских нападений составило 213 раз, в прошлом и того больше. Что же нас ждет в 2009 году? Сможет ли мировое сообщество справиться с этим позорным явлением?

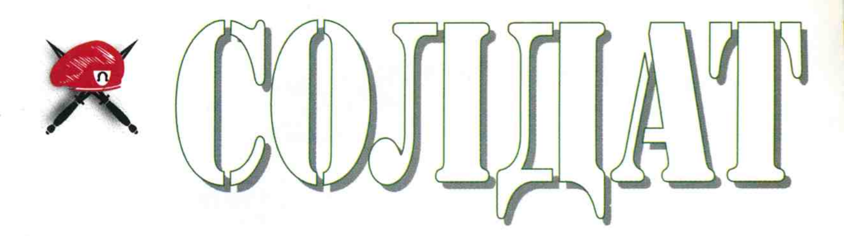
Пока ответа на подобный вопрос нет. Бытуют разные мнения. Например, такое: современный мир настолько ожирел, что не способен справиться со средневековыми угрозами, или это якобы выгодно США. Мол, они стараются довести «пиратскую» ситуацию до предела мирового терпения, а потом, добившись разрешения ООН, ввести свои войска в Сомали. И таким образом взять под контроль крупнейший нефтяной район, а заодно и транспортный путь мирового значения.

Кто прав в этом споре, покажет время. Сдается только, что в одиночку «пиратскую» проблему никому решить не удастся. Как, впрочем, и решить ее только военными методами. Значит, остается один путь – действовать сообща и подходить к решению задачи комплексно. Я бы сказал, и с моря, и с суши.

Только вот способен ли на такое объединение современный цивилизованный мир? Или, раздираемый собственными противоречиями и амбициями, он будет по-прежнему гоняться за отдельными пиратскими баркасами. Но вот догонит ли?

Журнал тех, чья работа – защищать

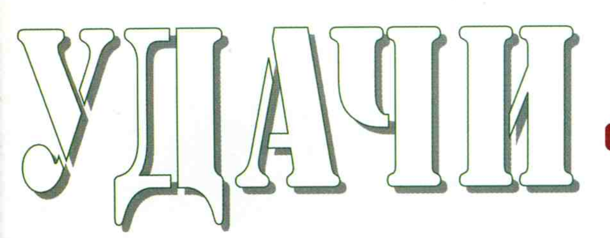
Издается с октября 1994 года

№ 2 (173)
февраль 2009

Фото Виталия АНЬКОВА

В номере использованы фотографии Андрея Кириллова, Сергея Сидорова, Владимира Веленгурина, Виталия Анькова, Сергея Плотникова,Сергея Коломнина, из каталога «Оружие России», а также иллюстрации с профильных интернет-сайтов.

ПРО ТЕПЛЫЕ КУНГИ, ТЕПЛЫЕ ПАЛАТКИ И ПРО ТО, КАК МЫ ДАЛЬШЕ УБОРНЫХ НИКУДА НЕ ХОДИЛИ

Борис ЦЕХАНОВИЧ

(Окончание. Начало в № 1)

Так что теплые палатки и кунги мы видели и ощущали их тепло только поздней ночью.

Ну а теперь о том, с чего начался наш спор, – о рубеже безопасности. Вы невнимательно прочитали мою статью, особенно то место, где я пишу: ***«Итог: исходя из собственного боевого опыта, могу сделать следующий вывод – принимая то или иное решение в боевой обстановке, трезво оцените реальную ситуацию, возможности своего подразделения и, главное, не переоцените свои. Считаю, что рубеж безопасного удаления огня каждый артиллерийский офицер должен определять, учитывая сложившуюся реальную боевую обстановку».***

Из этих слов видно, что я не отказываюсь от этих 200–400 метров рубежа безопасного удаления, как он описан в Боевом уставе. Я лишь говорю – уверен в себе. Уверен в своем подразделении. Что ж, ради того, чтобы помочь пехоте, почему бы и не сократить рубеж безопасности. Не уверен – тогда есть эти 200–400 метров, и никто тебя не осудит. Но главное, что хочется сказать, не надо **трусливо** прятаться за статьи устава, наставлений, когда необходимо срочно принять решение и взять за это на себя ответственность.

Вы пишете, что содержание вашей статьи и таблицы предназначены для разведчиков и спецназовцев. Вы наивный человек и никогда не были хотя бы в нормальном бою. Я уже не говорю про бой, когда просто надо крутиться и **выживать**. Их, внештатных артиллерийских корректировщиков из разведчиков и спецназовцев, надо просто обучать, организовывать хорошие, на солидной основе сборы. Как минимум месяц, по окончании которого дать пострелять на полигоне каждому до двадцати снарядов. Чтобы корректировщик не только выполнил простейшую артиллерийскую задачу, но и «погонял» снаряд по полю, почувствовал, как от его изменений корректур снаряд «гуляет» по полигону. Вот тогда будет толк.

■ **25 декабря 1999 года. НП начальника артиллерии на мусорной свалке (Старопромысловский район). Боевики в 2,5 км впереди на высоте отм. 284.4**

Давайте посмотрим глазами тех же разведчиков и спецназовцев на тот случай, когда нужно вызвать огонь артиллерии. Хочу напомнить, что задачи этих разведгрупп – не ведение боевых действий или уничтожение противника, а разведка, банальное добывание информации. И в бой эти группы ввязываются только тогда, когда их обнаружили и зажали. Как правило, превосходящими силами. Вот зажали в «зеленке» группу, в ней разведчик-арткорректировщик, с которым накануне полковой артиллерист в течение нескольких часов проводил занятия по корректировке. Рассказывал о НП и ОП, о том, что он (корректировщик) должен всегда помнить, с какой стороны от траектории полета снарядов должен находиться НП. Глядя в широко раскрытые, удивленные глаза разведчика, полковой артиллерист рассказывал про правило «правой и левой руки» и о многих других артиллерийских штучках, которые изучаются месяцами. Вы что думаете, этот разведчик, отбиваясь изо всех сил от боевиков на расстоянии 40–50 метров, в лесу, когда он перебегает с одного места на другое, даст на ОП точные координаты или хотя бы нормальную команду? Да никогда. Ситуации иной раз были такие, что даже нормальный артиллерист в бою не сразу сообразит.

17 января 2000 года. Я вырвался с остатками вэвэшников из цеха, где погибли генерал Малофеев и мой разведчик. Моя радиостанция разбита. Есть только связь с командиром вэвэшников – позывной «Пихта», у него на русском кладбище развернуты три минометные батареи. Принимаю решение нанести по занятому боевиками цеху огневой налет минометами. Цель от нас в пятидесяти метрах. ОП минометчиков – в 4,5 км. А это практически огонь на себя. Открываю карту и передаю открытые координаты, а меня не понимают. Координаты Х=00 000, У=54 300, Н=154 (это реальные координаты цеха, где погиб генерал). «Пихта» не понимает координаты Х и все тут, как бы я ему по радиостанции ни объяснял про пять нулей и другие варианты. Лишь после того, как я его обматерил и приказал посмотреть на карту, только тогда «Пихта» все понял и открыл огонь.

Часто, наблюдая со стороны за работой артиллеристов, глядя, с какой легкостью они руководят корректировкой, многие разведчики, да и другие офицеры считают, что так же легко смогут работать с артиллерийскими подразделениями. Эта болезнь не обошла и наш полк. С начала боевых действий не сложились отношения между моими артиллеристами и полковой разведкой. К концу ноября разведчики возомнили себя подготовленными корректировщиками, способными грамотно и толково руководить огнем. Вступали в споры с артиллеристами и пытались навязывать свое видение решения разных артиллерийских проблем. День прозрения настал 3 декабря 1999 года. Разведрота готовилась сделать бросок и захватить важные позиции. Командир разведывательной роты капитан Н., умный, грамотный офицер, но в силу своей молодости чересчур самонадеянный, впервые в категорической форме отказался от офицера-корректировщика.

– Товарищ подполковник, я и сам срулю, если что, – с апломбом заявил молодой офицер.

Рота пошла вперед, а через пятнадцать минут была атакована с трех сторон превосходящими силами противника. Первую команду капитан Н. подал довольно уверенно и быстро. Но когда я дал первый залп по его координатам, то ни дальнейшей корректировки, ни еще чего-то добиться от него не мог. Он просто перестал мне отвечать. Ну а я не мог стрелять, так как не знал, где наши, а где боевики. И лишь увидев на гребне холма отступа-

7 декабря 1999 года. НП в канаве на окраине пос. Кирово. До боевиков 200 метров. В центре – старший сержант А. Шароборин. Он погибнет 17 января 2000 года в бою вместе с генералом Малофеевым

3 декабря 1999 года. Палатка ЦБУ. (Теплая штабная палатка.) Старший помощник начальника артиллерии майор Х. доводит до офицеров планируемые огневые налеты

ющую цепь разведчиков, я дал команду на открытие огня, чтобы отсечь боевиков от наших. Результат неудачного боя – трое раненых: двое тяжело, один легко. Вернувшись, капитан Н. подошел ко мне и честно признался в своих заблуждениях. На мой вопрос, почему он не отвечал, офицер откровенно сказал: «Борис Геннадьевич, первую команду я еще подал, но потом у меня просто не было времени не только корректировкой руководить, но даже вам отвечать. Я понял одно: каждый должен заниматься своим делом, командир роты – руководить боем, а артиллерист – руководить корректировкой. Давайте дружить».

После этого никаких разногласий в полку между артиллеристами и разведчиками не было.

Или еще показательный случай, закончившийся трагически.

27 декабря 1999 года группе спецназа была поставлена задача захватить в Старопромысловском районе жилые здания, являвшиеся ключевой позицией на данном направлении. Закрепившись в них, они должны были «вытаскивать» на себя остальных и с их помощью продвигаться вперед, расширяя захваченные позиции. В качестве корректировщика им придали командира минометной батареи. Капитан-артиллерист оказался трусом и непосредственно перед атакой напился до такой степени, что его не могли растолкать. Майор, старший группы спецназовцев, принимает решение: «А, ерунда, пойдем без него... Я видел, как артиллеристы корректируют...»

В результате безграмотной корректировки майор вызвал огонь минометной батареи на себя – семь трупов и куча раненых спецназовцев. Атака была сорвана, что потянуло невыполнение задач другими подразделениями. Я застал концовку напряженного разговора между майором спецназа и начальником артиллерии, откуда был капитан-минометчик, над телами погибших спецназовцев, завернутыми в блестящую пленку.

– ...Вот смотри, артиллерия: я их всех не один год знаю. Не один гекалитр водки вместе выпит, не на одну операцию вместе ходили. Я их жен, детей прекрасно знаю, и они меня тоже. И я их убил из-за этого трусливого капитанишки. Как я вернусь обратно? Как я им в глаза смотреть буду? Майор, пойми, у меня сейчас только один выход – это смерть в бою. Но перед этим отдай мне капитана, и мне легче умирать будет. Отдай, я прошу...

Как говорится, без комментариев. Но комментарии все же необходимы.

Корректировкой должен заниматься артиллерист или же хорошо (подчеркиваю, хорошо) подготовленный внештатный спецназовец, о чем я писал выше.

В 2003 году, когда я уже был на пенсии, ко мне обратилась группа спецназовцев, знавших меня как артиллериста по первой и второй чеченским войнам, с просьбой провести с ними трех-, четырехчасовые занятия по корректировке. Они через две недели уезжали в командировку в Чечню и должны были действовать в горной местности. Я согласился и организовал занятия на базе полкового лазерного артиллерийского полигона. Результаты меня поразили. Во-первых, я удивился тому, как много должен знать и уметь арткорректировщик. Во-вторых, 3–4 часа – это крайне мало. В-третьих, чем больше я рассказывал, тем больше они запутывались в обилии понятий, способов и методов корректировки. После занятия понял, что у них в головах

мешанина. Не оттого, что я бестолково объяснял, а оттого, что они не были готовы к занятиям, считая корректировку «плевым делом». После всего этого я сделал им встречное предложение:

– Договаривайтесь со своим начальством. Мне не нужна зарплата – деньги у меня есть. Я увольняюсь с работы, еду вместе с вами и буду ходить с каждой группой в качестве корректировщика, благо я в прекрасной физической форме...

Их начальство отказало. Впоследствии им пришлось действовать на равнине и в других операциях без привлечения артиллерии.

Хочу немного сказать насчет осколков снарядов, которые могут поразить наших бойцов при близком разрыве снарядов. Это только в кино: наш дал очередь – и десять немцев, смешно дрыгая ногами и руками, падают убитыми. Показал командир позицию вражеского пулеметчика – и через минуту туда прилетает снаряд, а из окопа в одну сторону вылетает пулемет, а в другую – сам пулеметчик. На настоящей войне, не киношной, все по-другому. Осколочно-фугасный снаряд, прежде чем разорваться, углубляется в землю сантиметров на 50–80. И от 50 до 80 процентов осколков остается в земле, а остальные под углом 70–80 градусов уходят вверх и падают за спинами атакующих. Так что находиться в двадцати–тридцати метрах от разрыва снаряда достаточно безопасно. В крайнем случае можно получить контузию или же ранения фрагментами грунта. Я знаю около десятка случаев сокращения рубежа безопасности до 30 метров до своих, и не было ни одного случая поражения осколками. Страшно здесь лишь прямое попадание или близкий (5–10 метров) разрыв снаряда. В этом плане гораздо опаснее для живой силы минометный разрыв, где осколки буквально стелются по земле и выкашивают все кругом.

Да, я во многом согласен, что опыт локальных войн не подходит для полномасштабной войны, где придется применять на 80–90 процентов все статьи уставов, наставлений и различных руководств, в полном объеме выполнять все мероприятия в подготовке и открытии огня.

Но меня беспокоит другое. Изношенное и старое артиллерийское вооружение, минимальнейшие поставки новой техники и вооружения в подразделения, сокращение артиллерийских училищ, сокращение срока срочной службы до одного года, контрактники, которые не внушают доверия, и так далее и тому подобное...

В первую чеченскую войну мы, артиллеристы, не испытывали нужды в различных боеприпасах. Сколько нам было надо – столько и поставляли. После первой войны я был в командировке на одном из складов ГРАУ, где мне рассказали, что с этого склада ежедневно отправляли в Чечню по эшелону артиллерийских снарядов и за полтора года такой поставки сумели вывезти лишь 10 процентов запаса данного склада. Меня это очень обнадежило – есть в стране запасы. Но во вторую войну картина изменилась. С самого начала не стало осветительных ракет. Потом мы стали ощущать капитальнейший недостаток осветительных снарядов. Причем 30 процентов осветительных снарядов были негодными: смерзшиеся парашюты не раскрывались или не загорался сам факел. В январе 2000 года мы столкнулись с фактом отсутствия осколочно-фугасных снарядов переменного заряда, и нам из-за этого поставляли снаряды на полном заряде или, что еще хуже, на специальном заряде, что снижало по известным причинам эффективность артиллерийских подразделений. Я уже не говорю о том, что применение данных зарядов приводило к выходу из строя сначала противооткатных устройств, а уж потом остальной самоходки. Много было вопросов и к самим снарядам. В результате неправильного хранения на складах усиленные крышки в гильзах разгерметизировались и внутри гильз было достаточно много воды. Скорость горения пороха снижалась – снижалась точность, я уже не говорю о дальности полета снаряда. Непременным атрибутом пейзажа Чечни являлись торчащие из земли неразорвавшиеся ракеты «Ураганов», что тоже говорило о ненадлежащем хранении боеприпасов. В нашей Свердловской области есть завод, который выпускает тротил для начинки снарядов. В результате отсутствия оборонного заказа предприятие обанкротилось. Государство ничего не сделало для того, чтобы сохранить это предприятие. И это тоже меня беспокоит, как офицера и гражданина...

P. S. Большое спасибо вам, товарищ А. Кириллов, за то, что вы втянули меня в этот спор. Он всколыхнул целый пласт воспоминаний. Каждый из нас имеет свой опыт, свой взгляд на артиллерию, и после этого спора каждый из нас останется при своем мнении. Да ради бога. Если какой-нибудь артиллерист или не артиллерист почерпнет из наших статей хоть крупицу чего-то полезного, крупицу нашего с вами опыта – это и есть самое главное.

Хотелось бы, чтобы к нам присоединились и другие артиллеристы и на страницах уважаемого журнала поделились своим опытом и видением дальнейшего развития артиллерии.

ТЕОРИЯ ЗАГНИВАНИЯ

Сергей ИСАКОВ

Многим знакомо высказывание, что без войны армия деградирует. Оно и понятно, любой предмет, не используемый по прямому назначению, в конечном итоге быстрее выходит из строя, что уж говорить о целой структуре. Но, казалось бы, лучшего периода для эффективного преобразования военной системы, чем мирное время, нет. Есть возможность детально спланировать процесс, обеспечить средства, выбрать подходящее время. Ведь именно время, вернее, его наличие, – главное преимущество мирного периода. Но на практике, к сожалению, все получается в точности до наоборот. Вместо повышения эффективности происходят процессы деградации, идет разрушение.

Есть точка зрения, что виновата сама система, существующая сама по себе и не зависящая от частного влияния. Другие винят конкретных должностных лиц. В подобных подходах есть доля истины, но все это лишь следствия. Причиной деградации является ряд объективных и субъективных причин, в условиях которых происходит функционирование военной системы в мирное время.

Для обоснования данного утверждения выберем вполне научный способ – метод дедукции, использовавшийся еще древнегреческими философами две тысячи лет назад. Метод заключается в переходе при логическом умозаключении от общего к частному. То есть приводится общее предположение, и если оно истинно и вы не нарушаете никаких правил при его применении к конкретному частному случаю, то и единичные примеры будут стопроцентно подтверждать ваше основное предположение. Примерно так мы рассуждаем в школьном курсе геометрии, применяя аксиомы и теоремы при рассмотрении конкретных задач.

Итак, возьмем предположение:

Система, основанная на авторитарной власти и принципе единоначалия, при ее использовании не по прямому назначению с течением времени деградирует, и этот процесс заключается:

1) в извращении принципов кадрового отбора;

2) в упрощении наглядных проявлений функционирования и преобладании в них показательной, парадной стороны;

3) в фактической смене приоритетов и целей, для достижения которых эта система создавалась изначально.

Теперь попробуем доказать истинность данных предположений. Но для начала нужно четко определить, для чего создана такая авторитарная система, как Вооруженные Силы, далее – армия. Возьмем самую благородную цель – защиту Отечества от внешней агрессии. То есть армия нужна для нанесения военного поражения противнику, начавшему войну. Следовательно, в мирное время, в периоды между войнами, армия должна комплектоваться и оснащаться с основной целью – поддержания высокой боеспособности.

ИЗВРАЩЕНИЕ ПРИНЦИПОВ КАДРОВОГО ОТБОРА

Основу любой армии составляет ее командный состав. Моральный дух, дисциплина и боеспособность подчиненных напрямую зависят от личных качеств их командира. Поэтому, говоря о кадровом отборе, влияющем на функционирование всей системы, мы будем подразумевать только отбор на командные должности. Давайте посмотрим, какие общие требования предъявляют два разных периода – военный и мирный – к морально-психологическим качествам командира любого ранга.

Итак, военное время с его экстремальными физическими и морально-психологическими условиями и жесткой «системой аттестации» требует наличия боевых качеств, таких как:

Смелость и решительность. Трудно представить боевого командира трусом, по крайней мере, очень не хочется. Но смелость может быть безрассудной, а решительность непреклонной, поэтому существует такое понятие, как отвага – качество воина, проявляющееся в смелом и решительном порыве, стойкости в бою и другой сложной обстановке, в умелом и расчетливом преодолении трудностей, дерзком навязывании своей воли противнику. На разных уровнях командования эти качества будут проявляться по-разному – командиру дивизии, может, и не придется непосредственно ходить в атаку, его смелость будет заключаться в принятых им решениях, а также в отстаивании своих взглядов перед вышестоящим начальством.

Самообладание и уверенность в себе. Это командирское качество особенно важно при неблагоприятном развитии событий. Поддадутся ли солдаты панике или сохранят боеспособность, во многом будет зависеть именно от поведения их командира.

Способность к самостоятельности и проявлениям личной инициативы. Значение этого качества при ведении боевых действий, особенно на современном этапе, подробно рассматривалось в статье «Цена инициативы» («СУ» № 11, 12 за 2008 г.).

Наличие аналитических способностей. Ведь, чтобы принять самостоятельное решение, нужно сначала проанализировать ситуацию и из нескольких возможных вариантов действий выбрать самый подходящий. Все современные военные тенденции указывают, что будущие войны, какими бы они ни были по масштабам, – это интеллектуальные войны. И интеллектуальность их будет заключаться не только в широком боевом применении сложных технических устройств, а прежде всего в мыслительных способностях личного состава. Чтобы обслуживать и применять в бою современное вооружение, нужны знания, но многознание и наличие ума – это не одно и то же. Способность к самостоятельному поиску (именно поиску, а не «домашним заготовкам») оптимальных путей применения сложной боевой техники на поле боя в условиях стремительно меняющейся обстановки – вот смысл интеллектуальности будущих войн.

Дисциплинированность и способность ее поддержания в боевых условиях. История знает немало примеров, когда командиры, проявляющие в бою исключительную отвагу и инициативность, не могли поддерживать дисциплину в своих войсках на должном уровне вне поля боя. В отечественной военной истории достаточно вспомнить начальный период Гражданской войны.

Проявление заботы и ответственности за своих подчиненных, выражаемое в готовности командира разделить со своими солдатами тяготы войны и их судьбу. «Дешевая» забота – вроде «как, сынок, служится?» – на войне имеет малую цену. Только искреннее внимание и уважение старшего по чину возвышают подчиненных в собственных глазах и внушают им чувство доверия к своему командиру. Если взаимное уважение и доверие между начальниками и подчиненными отсутствуют, то последние будут выполнять приказы (а в боевых условиях неповиновение карается очень жестоко), повинуясь в основном чувству страха – наихудшему из побудительных мотивов. Многие великие полководцы добивались и дорожили этим чувством веры солдат в свое командование. Наполеон, чтобы воодушевить свои войска, идущие на сближение с противником, демонстративно садился обедать под артиллерийским обстрелом на поле боя. Суворова солдаты без преувеличения боготворили, безоговорочно ему верили и шли за ним на любого противника, добиваясь совершенно невозможных с точки зрения «сухой» военной теории побед.

Наличие чувства долга и способности к самопожертвованию. Являясь образцом для подчиненных, командир имеет моральное право требовать от своих солдат самоотверженности в бою, только если таковую проявляет сам.

Наличие здорового чувства юмора и оптимизма отражает степень моральной устойчивости. Оптимизм к тому же способствует поддержанию веры в свою победу даже при неблагоприятных условиях.

Присутствие вышеперечисленных качеств является только требованием войны, а вовсе не обязательным условием присутствия их у каждого командира. Личности, сочетающие в себе все вышеперечисленное в полной мере, – довольно исключительное явление в военной истории. Причем обладание «боевыми» качествами нельзя относить только к категории профессиональных военных. Эти качества может иметь любое гражданское лицо, в мирное время никоим образом не связанное с военной службой. Известно множество

случаев, когда человек, работающий на «гражданке», к примеру, простым школьным учителем или бухгалтером, попавший на войну и по причине своего образования назначенный командиром, начинает воевать значительно лучше любого профессионального военного. Подобных индивидуумов, которые по своим морально-психологическим качествам наилучшим образом приспособлены к боевым условиям, можно определить как *«человек войны»*.

Теперь о том, что касается мирного времени. Здесь условия функционирования военной системы значительно отличаются от боевых. И самое главное отличие в том, что наряду с задачами по поддержанию высокой боеспособности на первый план выходит вопрос обеспечения безопасности жизни и здоровья всего личного состава. То есть никто не должен в армии гибнуть и увечиться в мирное время. Эти две равноправные и противоречивые задачи оказывают значительное влияние как друг на друга, так и на предъявляемые требования к командному составу Вооруженных Сил в мирное время.

Итак, четкая регламентация и прогнозируемость событий, несравнимо более комфортные бытовые условия, отсутствие явной угрозы для жизни и здоровья – все это требует от командиров проявления гарнизонных качеств, таких как:

– *дисциплинированность;*

– *исполнительность* – старательное выполнение своих служебных обязанностей и поручений начальства;

– *педантичность* – строгость в выполнении всех формальных требований, заключающаяся в чрезвычайной точности и аккуратности, особенно в вопросах обеспечения различных мер безопасности;

– *сообразительность и рассудительность*. Существует, особенно в гражданском обществе, мнение, очень точно выраженное словами английского авиаконструктора периода Второй мировой войны Де Хевилленда: «В мирное время в армии умных людей нет, они приходят туда во время войны». Абсолютно не согласен с подобным мнением. Не знаю, как обстояли дела в английской армии 40-х годов прошлого века, но, по крайней мере, судя по своей военной службе, в Советской Армии 1980-х годов было предостаточно умных людей, и не только на технических специальностях. Взять хотя бы такой факт: конкурс абитуриентов во многие гражданские вузы был значительно ниже конкурса в военные училища;

– *коммуникабельность* – способность к общению и умение налаживать отношения с окружающими;

– *наличие педагогических способностей*. Командир любого ранга в той или иной мере является учителем для своих подчиненных, а для командиров взводного уровня это входит в их прямые обязанности. Отмечено, что одним из самых сильных побуждений солдата для совершенствования своих боевых навыков является стремление заслужить похвалу своего командира, и для стимулирования таких побуждений командиру нужно быть педагогом и психологом. Здесь имеется в виду не профессиональная принадлежность, а сам подход к процессу обучения, ведь отличным психологом может быть и простой сержант.

– *наличие чувства долга и способности жертвовать личными интересами ради общих целей* – это моральная и мотивационная стороны смысла профессиональной военной службы. Что является мотивом для поступков и решений командира: личная выгода и собственная карьера или чувство долга?

Теперь если сравнить две вышепредставленные группы, то налицо имеется явное несоответствие их друг другу. Получается, что одна и та же система, имеющая одну и ту же основную задачу – достижение высокой боеспособности, в различные периоды своего функционирования требует проявления совершенно разных качеств. Военное время требует боевых качеств, а мирное время – гарнизонных. Именно данное противоречие и является причиной процессов деградации, происходящих в любой военной системе в мирный период. Вернее, не само противоречие, так как оно является всего лишь следствием объективных причин, а отношение системы к данному противоречию.

У системы есть выбор:

– учитывать наличие и значительное влияние данного противоречия на кадровый отбор, выработав «правильный подход» к этому вопросу;

– не учитывать этого влияния и пустить все на самотек.

«Правильный подход» будет выражаться в разработке и эффективном применении ряда мер, позволяющих в ***мирное время проводить кадровый отбор по «боевым качествам»***. То есть в мирное время кадровые органы Вооруженных Сил должны заниматься поиском и привлечением на профессиональную военную службу «человека войны». И

речь тут идет не о пустых декларациях, можно хоть все стены исписать лозунгами «учить войска только тому, что необходимо на войне» и т.п. Речь – о создании четкой и однозначной системы отбора на все командные должности, а также об ответственности должностных лиц, нарушивших обозначенные принципы кадрового отбора, как за подрыв боеспособности всей военной системы в целом.

ГЛУПЫЕ И СТАРАТЕЛЬНЫЕ

Если бы все ограничивалось только объективной стороной противоречия между требованиями мирного и военного времени, было бы не так страшно. Начнись война, среди гарнизонных командиров нашлось бы немало смелых и инициативных людей. Но у этого противоречия есть еще субъективная сторона, и именно она оказывает на систему самое разрушительное влияние в плане выполнения последней своей главной задачи – поддержания высокой боеспособности.

Функционирование военной системы в мирное время четко регламентировано, поэтому проявление самостоятельности и инициативы отдельными ее «винтиками» по большому счету системе не требуется. На многих должностях по вопросам функционирования не требуется даже приложения особых умственных усилий, все уже давно продуманно и расписано. ***Требуется лишь четкое функционирование, то есть проявление исполнительности.*** Это обстоятельство и есть «ахиллесова пята» любой системы, построенной на принципе единоначалия: будь то религиозная, государственная или военная. Система становится уязвимой при сочетании в одном должностном лице таких качеств, как глупость и исполнительность. Это убийственное сочетание первыми на общесистемном уровне заметили немцы, об этом я уже писал в статье «Цена инициативы». У кого не было возможности ознакомиться с ней, еще раз рассмотрим принципы кадрового подхода в германской армии периода рейхсвера 20-х годов прошлого столетия.

Офицеров условно делили на четыре категории:

– умные и решительные люди годились на высокие командные должности;

– кто умен и ленив, подходил для самого высокого командования, ибо считалось, что у него хорошие нервы, он способен справиться с любой ситуацией;

– на определенных должностях можно было также использовать глупого и ленивого офицера;

– но глупый и старательный офицер, по мнению немцев, должен был быть немедленно смещен.

В данном подходе две интересные категории: «умные и ленивые» и «глупые и старательные». Сочетание качеств в первой категории может вызвать недоумение, да и представлен данный кадровый отбор в русскоязычных источниках всегда именно в ироничном контексте. Кто так воспринимает – плохо знает немцев. Это очень практичная нация. Объяснение же выбора ленивых офицеров как наиболее психологически устойчивой категории звучит, по крайней мере, наивно. Нет, здесь все определения очень точны и продуманны. Но не будем гнаться за двумя зайцами, обратимся к последней, самой интересной категории.

Почему же стоит так опасаться «глупых и старательных»?

Чувство долга, идеалы служения Отечеству вряд ли свойственны глупцу – для таких высоких чувств требуются размышления. Что же тогда является побудительным мотивом для исключительной старательности этой категории людей при выполнении ими своих служебных обязанностей? Искать причины исполнительности стоит в честолюбии – стремлении занять более высокое служебное положение. А так как их честолюбие не связано с желанием принести пользу обществу, то речь идет о банальном карьеризме – продвижении по службе в личных интересах.

В основе успеха карьерного роста категории «глупых и старательных» людей лежит субъективный фактор – стремление человеческой натуры по возможности занять более комфортное для себя состояние, проще говоря, «меньше работать, больше отдыхать». Какому начальнику не хотелось бы иметь исполнительного и дисциплинированного помощника? А то, что не очень умен, так не беда – начальник за него додумает. Умный начальник ушел на повышение. Кто займет его место? Глупые и старательные, как оборотни, тщательно и беспрекословно выполняют свои обязанности, будучи подчиненными, а став начальниками, беспощадно борются со всем, что не укладывается в их представление о службе. Все сложное, а тем более новое, им чуждо. Прикажут сверху – исполним, не прикажут – начальству виднее. Для мирного времени позиция беспроигрышная, поэтому и карьерный рост у «глупых и старательных» людей значительно быстрее, особенно на штабных должностях, где особо заметно их усердие. Став начальниками, будут ли они поощрять своих умных и инициативных подчиненных? А ведь именно эта категория так необходима для армии в военное время. Нет, «задвинут» от себя подальше, ища помощников по образу и подобию своему. Несколько десятилетий подобного кадрового отбора – и от самой лучшей боевой армии остается лишь жалкое подобие своего былого победного образа.

Как бороться с «глупыми и старательными»? Как и с любой другой болезнью – сначала диагностика, затем изоляция или удаление. В западных армиях уже давно введено такое понятие, как IQ – коэффициент интеллекта. Что-то подобное нужно вводить и нам. Если кандидат на командную должность не проходит пороговый «показатель способности думать и принимать самостоятельные решения», то занимать данную должность он не должен ни при каких условиях. Почему? Цена вопроса – боеспособность.

УПРОЩЕНИЕ И СТРЕМЛЕНИЕ К ПАРАДНОСТИ

Нежелание учитывать особенности мирного времени приводит к засилью на командных должностях в армии людей, ценящих не функциональность и эффективность, они слишком для них сложны, а прежде всего наглядную сторону – внешний вид. Для этой категории командиров начищенные до блеска сапоги подчиненного намного важнее наличия у него боевых навыков.

Требования, предъявляемые к подготовке войск условиями ведения современных мобильных боевых действий, – практические знания по оказанию первой медицинской помощи, способы выживания в экстремальных условиях, групповая тактика «зачистки» помещений (городской бой), навыки по ведению наблюдения и разведки, развитие снайперского искусства – все это довольно сложно. Ограниченные интеллектуальные способности не приемлют сложных и абстрактных форм, они требуют простоты и наглядности. Но что может быть нагляднее строевой подготовки? Строевые занятия просты и удобны: солдаты рядом, на виду, кроме плаца ничего не требуется.

Строевой шаг с оттягиванием носка и печатанием ноги, доставшийся в наследство от Советской Армии, красив, спору нет. Но, кроме красо-

ты, он не несет в себе ровным счетом ничего. Даже в XVIII–XIX веках при сплоченных боевых порядках требовалась прежде всего способность быстрого перестроения на поле сражения, а для этого достаточно было поддерживать организованность строя в виде равнения в шеренгах и движения в ногу. Печатание шага и оттягивание носка – изобретение «глупых и старательных», которое пришло в Россию из прусской муштры времен Фридриха Великого и так полюбилось императорам Петру III, Павлу I и Александру I, что прочно вошло в традицию сначала Русской, а затем и Советской Армии. Подавляющее большинство развитых стран уже давно отказалось от этого «изобретения» в своих армиях, так как прекрасно осознает, что время, потраченное на плацпарадную красоту, слишком дорого обходится для их налогоплательщиков.

При деградации военной системы упрощение и стремление к парадности происходит не только с второстепенными сторонами военной службы мирного времени, но и с большинством мероприятий по выполнению основной задачи системы – поддержанию высокой боеспособности.

В любой воинской части есть полоса препятствий. Цель данного сооружения – научить солдата оптимально преодолевать различные препятствия в боевой обстановке. Как все это происходит на практике? В большинстве случаев все сводится к формальному выполнению временного норматива. Тренирующемуся личному составу зачастую даже не выдается оружие. О правильности выполнения тех или иных элементов речь уже не идет, так как боевая эффективность применения полученных знаний куда менее важна, чем выполнение норматива. В итоге большинство обученных подобным образом даже не подозревает, что «стенка» должна преодолеваться путем быстрого переваливания, чтобы солдат не выставлял своего силуэта на фоне неба. Это требование элементарной маскировки. Куда там, временной норматив диктует свои правила – бойцы садятся верхом и еще товарищу помогают забраться.

Другой пример. Как можно научиться эффективному применению ручных гранат, бросая боевую гранату пару раз в год на полигоне? Если набирать солдат из австралийских аборигенов, этого, может быть, было бы и достаточно, но в современных армиях большинство призывников – городские жители. С таким подходом боеспособного солдата не получишь. Заметьте, речь идет о навыках применения «личного» оружия пехоты начиная с XVII века (гренадеры). Казалось бы, к XXI столетию значение этих навыков ни у кого не должно вызывать вопросов. Из мемуаров ветерана вермахта Ги Сайера, описывающего один из своих дней на полуторамесячных учебных сборах осенью 1942-го перед отправкой на Восточный фронт: «В стрельбе мне сопутствовал успех. Раз пятьдесят я удачно бросил гранату». Рядового Сайера готовили в части обеспечения для подвоза боеприпасов на передовую. Не думаю, что его тренировали исключительно на боевых гранатах, для получения навыка метания ручной гранаты достаточно подходящей по весу болванки или даже простого камня и нескольких макетов бронетехники, оконных и дверных проемов и других целей.

О стрельбах и учениях – отдельный разговор. В деградирующей военной системе эти важнейшие мероприятия принимают вид дешевого спектакля с неизменным из года в год сценарием, по которому «противник» глухой, слепой и безногий. Из них исключается любой элемент неожиданности («туман войны» по Клаузевицу), личный состав и боевая техника жестко ограничиваются в пространстве (расположение, направление движения и т.д.) и времени. В итоге все связанные с поддержанием высокой боеспособности мероприятия упрощаются в своей боевой части и в то же время буквально «разбухают» в процедурных вопросах.

Почему же так происходит? Казалось бы, появись одна «светлая» начальствующая голова, указавшая своим подчиненным, как в мирное время правильно поддерживать боеспособность армии, и они старательно будут претворять эти замыслы в жизнь. Но на практике же все будет согласно поговорке: хотели как лучше, получилось как всегда!

СМЕНА ПРИОРИТЕТОВ

Заняв большинство командных должностей в деградирующей системе, «старательные» карьеристы с течением времени становятся определяющей и диктующей свои условия силой. Все, что мешает их продвижению по службе, – чуждо и неприемлемо для этой категории. Поэтому задачи по поддержанию высокой боеспособности таких командиров мало интересуют, им гораздо важнее вопросы обеспечения безопасности, так как любое ЧП может больно ударить по их личной карьере.

Боеспособность – это стрельбы, учения, походы, это обстановка, приближенная к боевой. Все эти мероприятия сопряжены с опасностью, поэтому стараниями карьеристов они «обрастают» толстым слоем инструкций и ограничений. Все это прикрывается «благой» заботой о безопасности личного состава, но мера этой заботы настолько велика, что от мероприятий по поддержанию боеспособности порой остаются одни названия: «боевые стрельбы» или «боевые учения». Когда большинство командного состава служит по принципу «как бы чего не

случилось», ни о какой эффективной боевой учебе и речи быть не может.

В итоге деградирующая военная система фактически меняет приоритеты с задач по поддержанию боеспособности на задачи комфортного функционирования и обеспечения личных нужд управляющего ею звена. То есть система начинает работать как «дойная корова», приносящая выгоды своему бюрократическому аппарату. Официально – все довольно прилично, руководящие документы и лозунги свидетельствуют, что система настойчиво стремится к выполнению своих основных задач, но на деле эти задачи мало интересуют ее командный состав. Что из подобного в итоге получается, история наглядно показала на примере Римско-католической церкви, также являющейся авторитарной системой, действующей на принципе единоначалия. Созданная для несения в европейское общество христианских заповедей, к Средним векам эта система деградировала до изуверств инквизиции и оптового отпущения будущих грехов путем продажи индульгенций. Для военной системы все на свои места ставит очередная война. С началом боевых действий оказывается, что эффективно воевать некому. Вернее, солдаты есть, да и вооружения за мирный период накоплено достаточно. Нет только боеспособных командиров. Результат такого состояния вооруженных сил можно обобщить старой римской пословицей: «Стадо баранов во главе со львом – львы, а стадо львов во главе с бараном – бараны».

УМНЫЕ И ЛЕНИВЫЕ

Винить во всех бедах системы «глупых и старательных» очень удобно, так как данная категория проста и наглядна. Но данный подход будет весьма примитивным. Во-первых, оценка человеческой глупости относительна, ведь глупые поступки в силу обстоятельств могут совершать и довольно умные люди. Во-вторых, обобщающей категории «глупые» объективно не существует по той причине, что любой глупец всегда считает себя не глупее окружающих его людей. И, в-третьих, влияние «глупых и старательных» в современное время ограничивается в основном средними эшелонами власти. Это происходит потому, что командные структуры перестали формироваться из привилегированных сословий, как это было лет сто назад. Теперь, чтобы достичь высокого поста, не нужно быть бароном или графом, требуются способности, и прежде всего умственные. Поэтому правильнее было бы не углубляться в оценку величины ума, а присмотреться ко второй части – «старательности».

У внимательного читателя, наверное, уже давно возник вопрос: «Почему бы не остановиться на категории «умных и старательных»? На первый взгляд эта категория просто замечательная и даже, можно сказать, идеальная. Все так, но только в том случае, если старательность «умных» не является следствием их целеустремленного карьеризма. Для любой системы это – зло, особенно для высших командных должностей, на которых принимаются ключевые для системы решения. Когда карьерист, каким бы умным он ни был, оказывается перед выбором – отстаивать интересы дела, которому служит система, или принять выгодную для своей карьеры сторону, он, не задумываясь, выберет последнее. Карьерист никогда не будет перечить своему начальству, отстаивая полезные для системы решения, и в лучшем случае угодливо промолчит. Именно поэтому прагматичные немцы даже не упоминали эту категорию в своем кадровом подходе. Они старались «обезопасить» верховное командование от карьеристов выдвижением на эти посты «умных и ленивых». «Ленивым» в их понимании был офицер, не проявляющий по отношению к начальству раболепства и угодливости, способный иметь по всем вопросам собственное суждение, а самое главное – иметь смелость это суждение отстаивать. Для такого офицера честь, личное достоинство, а самое главное – интересы дела, которому он служит, гораздо важнее его карьерного роста.

К слову сказать, «идеальную» командную систему к началу Второй мировой войны немцы так и не выстроили. По правде говоря, у них на это было не так много времени. С XIX века и до момента поражения в Первой мировой войне «кадровая селекция» прусских реформаторов ограничивалась в основном генеральным штабом. Это происходило по причине того, что военные амбиции Пруссии значительно превышали имеющиеся в стране кадровые ресурсы. К тому же очень много сил уходило на борьбу с консервативной реакцией дворянского офицерского корпуса. Лишь в единственное десятилетие 20-х годов прошлого века ограниченный условиями Версальского договора рейхсвер смог полноценно распространить нормы кадрового отбора своего генштаба на всю армию. С приходом к власти нацистов в командные структуры армии и государства хлынул поток партийных выскочек, людей с низкими моральными качествами и непомерными амбициями. В итоге нацистское руководство совершило ряд стратегических просчетов, приведших к полному разгрому Германии.

Все вышесказанное является лишь субъективным взглядом автора и служит почвой для размышлений читателя. Закончить же статью можно общеизвестным высказыванием – кадры решают все!

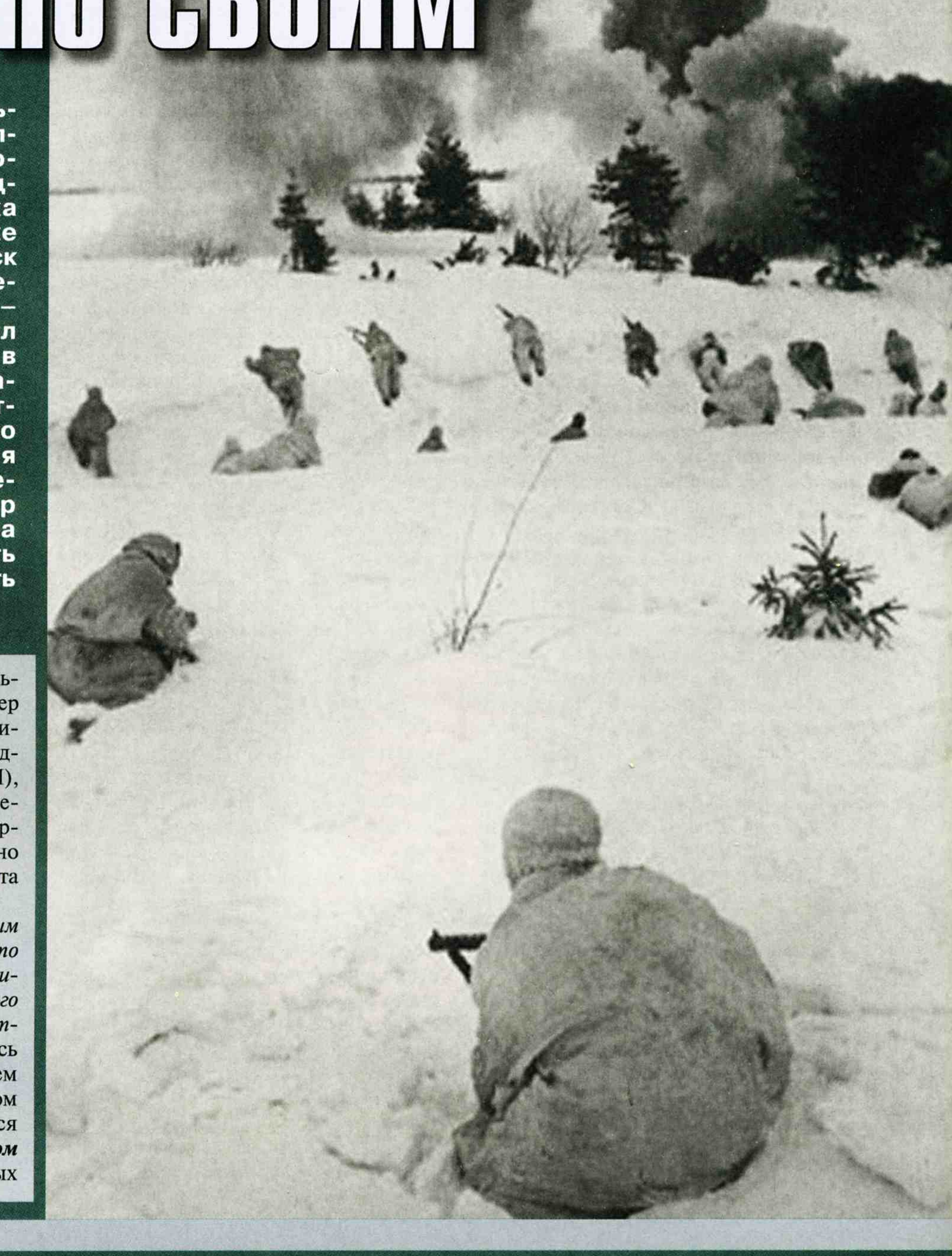

Андрей КИРИЛЛОВ

АТАКА ЗАХЛЕБНЕТСЯ ПОСЛЕ... УДАРА ПО СВОИМ

«Стоит лишь сожалеть о теории, которая противоречит здравому смыслу. Никакая скромность не сможет загладить это противоречие; на самом деле, чем скромнее будут ее притязания, тем скорее она будет предана осмеянию и изъята из реальной жизненной практики...»

(Генерал-майор Карл фон Клаузевиц)

В прошлогоднем апрельском номере журнала «Солдат удачи» была опубликована очередная статья Андрея Маркина «Чтобы атака не захлебнулась» о рубеже безопасного удаления войск от разрывов своих артиллерийских снарядов (далее – РБУ). Совершенно не хотел отвечать на нее, так как в предыдущих своих публикациях о РБУ я, как мне кажется, достаточно убедительно опроверг все заблуждения А. Маркина. Но в своей очередной публикации автор опять выдает желаемое за действительное. Оставлять это без ответа нельзя, пусть читатель сам рассудит нас.

Во-первых, автор для «доказательства» своей правоты приводит пример из книги о тактике действий наемников арабов в Чечне при штурме взводного опорного пункта (далее – ВОП), расположенного на горе, при поддержке минометов. Автор статьи, наверное, думает, что его «лапшу», обильно навешиваемую им читателям «Солдата удачи», никто и не заметит?

«Здесь «выныривание перед самым носом обороняющихся» означает, что дистанция, на которую атакующие сблизились перед прекращением минометного огня, намного короче «уставных» 400 метров...» – пишет он. Только при чем здесь РБУ? Автор вообще понимает, о чем он пишет? Наемники арабы, в данном конкретном случае поднимающиеся по склону горы, находятся ***в мертвом пространстве*** для своих минометных

осколков. И речи о РБУ здесь идти не может, так как при малых дальностях стрельбы миномет обладает снайперскими возможностями.

Пространство за укрытием, непробиваемое от его гребня до точки встречи, называется прикрытым пространством. Часть прикрытого пространства, на котором цель не может быть поражена при данной траектории, называется ***мертвым (непоражаемым) пространством***. Мертвое пространство тем больше, чем больше высота укрытия, меньше высота цели и настильней траектория.

Для наглядности моей доказательной базы посмотрим на рисунок, иллюстрирующий пример, приведенный автором (рис. 1). Вот боевики незаконных вооруженных формирований (далее – НВФ) поднимаются в гору, и никакие минометные осколки им не страшны, поскольку они грамотно используют рельеф местности, находясь в мертвом (непоражаемом) пространстве. Если взрыватель мины установлен на осколочное действие (сплошная линия А на рис. 1), то «духи» могут «вынырнуть» на плато у гребня укрытия уже на расстоянии, равном радиусу плато (высоты), отсчитываемом от его центра до гребня укрытия. Напомню, что при осколочном действии мины ее разрыв происходит через десятитысячные доли секунды после удара взрывателя о грунт, поэтому и воронка образуется маленькая, глубиной до 30 см, а разлет осколков получается круговым, равномерным, и осколки летят практически параллельно горизонту. По уму, у гребня укрытия плато и должен прекратиться минометный обстрел. В случае, когда взрыватель установлен на фугасное действие, наемники могут идти в полный рост не только до гребня укрытия, но и на самом плато или вершине высоты (пунктирная линия Б на рис. 1). Напомню, что при фугасном действии мины осколочное ее воздействие незначительное, так как мина войдет в грунт глубже и большая часть осколков при этом уйдет в стенки воронки, а веер остальных пойдет вверх примерно под углом 45 градусов, в зависимости от качества и плотности грунта плато.

Автор же ловко «приплел» сюда РБУ: вот, дескать, смотрите, реальный боевой пример, который позволяет плевать на рубеж безопасности, как это делают наемники арабы. Только не надо путать совершенно разные понятия и вводить в опасное заблуждение уважаемого читателя!

Во-вторых, теперь о самом примере про то, как 15–20 подготовленных

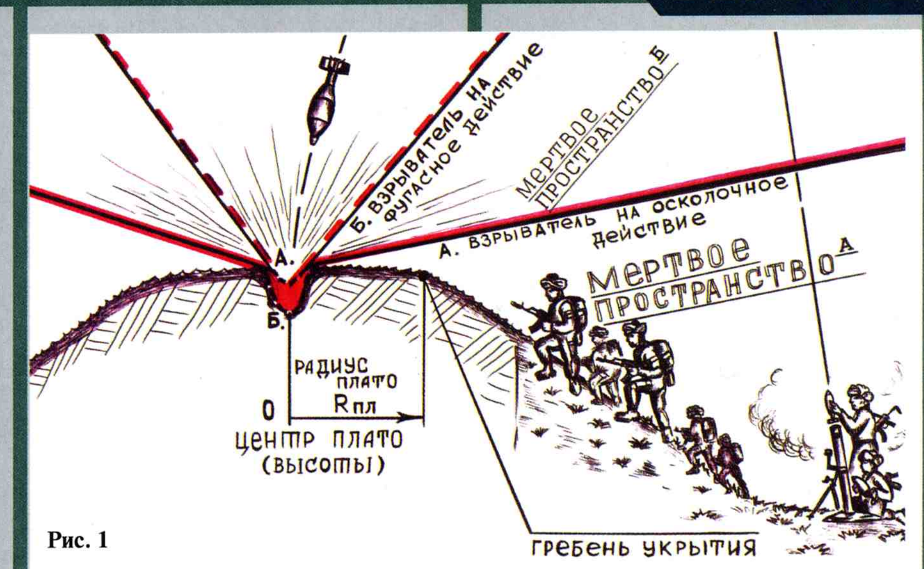

Рис. 1

наемников НВФ с тремя минометами штурмуют ВОП на горе. Если честно, то этот пример слишком нереален и фантастичен. Почему? Давайте рассудим вместе логически.

Из штурмовой группы вычитаем три минометных расчета, по четыре человека в каждом. Почему четыре? В Афганистане «духи» не носили опорную плиту к миномету с собой, так как для упора минометного ствола при стрельбе использовали каменистые расщелины. В Чечне данный вид стрельбы не проходил из-за другого – мягкого грунта. Поэтому обязанности номеров минометного расчета наемников НВФ распределялись следующим образом: первый несет минометный ствол, второй – опорную плиту, третий – двуногу-лафет, минометный оптический прицел и часть минометных выстрелов, четвертый – остальные минометные выстрелы. В итоге получается, что реально на штурм горы из заявленных 15–20 боевиков пойдут всего лишь 3–8, вооруженные лишь автоматами, так как на вершине горы, на плато, они должны начать *«сплошной автоматный огонь. Да такой, что головы не поднять...»* Пойдем дальше. Что же противопоставят наши военнослужащие этим 3–8 обколотым наркотой наемникам НВФ? ВОП на горе с грамотным командиром – это неприступная крепость с системой инженерных сооружений, состоящей из траншей, окопов, дзотов, подготовленных к длительной круговой обороне. До бойцов ВОПа постоянно доводится боевой расчет с отработкой действий по нему, как по нормативу, – до седьмого пота. По боевому расчету ВОП превращается в «ощетинившегося ежа», стволы-«иглы» которого смотрят в свои назначенные сектора на все 360 градусов. И вооружение этого «ежа» серьезное: три боевые машины – БМП, БМД или БТРы, в зависимости от рода войск, до трех расчетов пулеметов ПКМ, до двух снайперов с СВД, до трех гранатометчиков с РПГ-7, до пяти человек с пулеметами РПК, до пяти автоматчиков с «подствольниками». Кроме того, зачастую на ВОПе бывает значительное усиление огневой мощи: расчетами «зушки» ЗУ-23, станкового противотанкового гранатомета СПГ-9ДМ, двух автоматических гранатометов АГС-17. А надежную систему огня дополняют минно-взрывные заграждения, ведь все возможные и невозможные пути подхода к ВОПу минируются сигнальными и осколочными минами, минами-ловушками. Прибавьте сюда проволоку МЗП, леску с консервными банками и колокольчиками, сухие ветки и другие всевозможные хитрые приспособления и уловки, и станет ясно, что подойти незаметно к ВОПу становится практически невозможно. То есть все «телодвижения» наемников НВФ наши засекут и вычислят на раздва на большом удалении и с лихвой «умоют их кровью», так что ни о каком штурме бандиты больше помышлять не будут.

Вспомните, сколько сотен наемников уничтожила в неравном бою за высоту 776.0 героическая 6-я гвардейская парашютно-десантная рота 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Тогда десантники вступили в бой с ходу, не успев оборудовать свои позиции в инженерном отношении, не имели они с собой и тяжелого вооружения. А силы были неравные: против одной роты шли три отряда боевиков из группировки Хаттаба общей численностью

до 2.500 человек. Банда прорывалась из Аргунского ущелья. Десантники стояли насмерть на высоте. Не помогли бандитам прорваться ни минометы, ни их превосходящая численность. Здесь нашли свою смерть более 400 бандитов, в том числе и полевой командир НВФ Идрис.

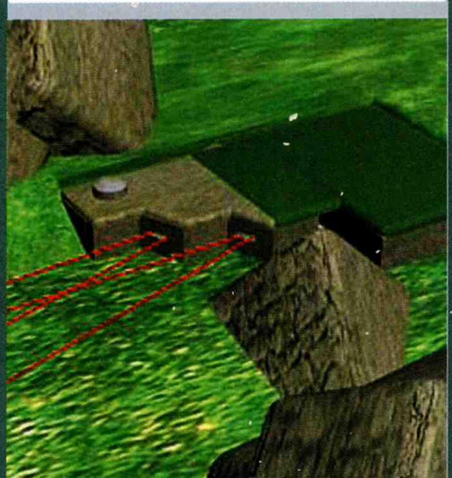
Думаю, теперь всем понятно, что ВОП на горе с толковым взводным может сдерживать штурм тысячной банды наемников, а с поддержкой артиллерии и авиации этот «крепкий орешек» «духам» вообще будет не по зубам! Поэтому автору, прежде чем приводить какой-то факт, все же следует немного подумать.

В-третьих, опять вернемся к бронещиткам. Автор пишет, что *«цель щитков – защищать не от пуль противника, а от осколков своих снарядов во время сближения с его позициями». Однако ранее в статье он упоминает: «Риск того, что пулеметы противника выкосят атакующих, считался куда более значимым, чем риск поражения отдельных солдат осколками своих снарядов».* Ну а пехотинцу с бронещитком большой разницы нет, как встретить свою смерть и от чего погибать: то ли от осколков своих разорвавшихся снарядов, то ли от пуль противника, выпущенных им из снайперского вооружения и пулеметов. Автор опять возвращается к советско-финской войне, упоминая, *«что функцию по обеспечению относительно безопасного сближения с противником щитки выполнили – они позволили пехотинцам добраться до финских надолб»* (далее это будет первый пункт для обсуждения) и *«было бы странным ожидать, что с помощью щитков можно будет безопасно заползти в окопы противника»* (далее – второй пункт). Опять автору не все понятно из моей статьи «Рубеж между жизнью и смертью» («Солдат удачи» № 5 за 2007 г.). Поэтому вынужден довести до сведения автора то же самое, что было написано ранее, но в более доступной и популярной форме и развеять очередную его фальшь.

По первому пункту. Во время финской войны эти щитки не пользовались популярностью у красноармейцев и они не способствовали успеху атаки. Что вообще представлял собой этот бронещиток? Вот как описывал его один из специалистов: *«...В этой же «мастерской» готовили стальные щиты, предназначенные для защиты идущих в наступление солдат. В центре средневекового щита находилось отверстие, из которого торчала винтовка».* Поэтому-то до надолб доползали лишь те подразделения красноармейцев, которые использовали овраги, лощины, рвы,

Рис. 3

заросли кустарника, канавы, воронки. Только благодаря мертвому пространству от этих естественных и искусственных укрытий они и добирались до первых линий надолб. Другие же подразделения, ползущие с бронещитками по открытому полю, беспощадно и прицельно расстреливались финнами минометно-пулеметным огнем, и добраться до надолб суждено было единицам. Вот что пишут Э. Энгл и Л. Паананен в книге «Советско-финская война. Прорыв «линии Маннергейма»: *«...Русские прекратили практиковать атаки сбившейся в кучу пехоты. Вместо этого пехота стала прибегать к тому, что финны называли «тактикой сурка». Небольшие группы солдат ползли вдоль рвов в заросли кустов или прятались в воронках от снарядов. Они окапывались в снегу и устанавливали перед окопами подпираемые при помощи воткнутых в снег лыж броневые листы, надеясь таким образом закрепиться внутри финской линии обороны на небольших, слабых позициях, которые они могли использовать в разведывательных целях. Проводимые с таких позиций атаки красных были малоэффективны. Самая большая из таких «нор» была устроена 20 декабря около озера Муолаа после первого наступления русских. Целый батальон солдат с артиллерией и танками находился здесь все то время, что длилось затишье. Там же окопалось несколько рот, но впоследствии они были уничтожены...»*

Теперь по второму пункту. К сведению автора, «заползти в окопы противника» было практически невозможно. Напомню, что собой представляли сильно подготовленные в инженерном отношении полосы, позиции и укрепления так называемой «линии Маннергейма»: в среднем 30 рядов проволочных заграждений каждое, надолб до 12 рядов, 350 сооружений были железобетонными, а 2.400 – дерево-земляными. Р. Португальский в книге «Маршал Тимошенко» так описывает «линию Маннергейма»: *«Главная полоса, глубина которой достигала 10 километров, состояла из более чем двух десятков узлов обороны, многочисленных опорных пунктов (рис. 3). Узел сопротивления занимал площадь от 9 до 25 квадратных километров. Опорные пункты были связаны между собой ходами сообщения и траншеями с широко развитой системой противотанковых препятствий и различных заграждений. Вторая полоса находилась в 3–5 километрах от главной, соединялась с ней отсечными позициями, имела более двухсот дотов и дзотов. На подступах к Выборгу проходила третья полоса, состоявшая из двух позиций с многочисленными дотами и дзотами, опорными пунктами, линиями надолб и участками минирования».* Противник, прекрасно зная местность, заманивал части и подразделения Красной армии в дремучие леса и непроходимые болота, представлявшие собой настоящие ловушки, где подразделения красноармейцев и уничтожались в засадах. В тыльной зоне укреплений у финнов имелись дополнительные силы – мобильные резервы хорошо подготовленных лыжных отрядов с автоматическим оружием и минометами. Широко применяли финны и минирование местности, вероятных путей подхода атакующих советских частей. По всему фронту и в тылах Красной армии широко действовали финские «кукушки» – снайперы, доставлявшие много бед атакующим красноармейцам. Сюда еще надо прибавить низкий уровень подготовки командиров Красной армии, так как их лучшие кадры были репрессированы в 1937–1938 гг.

В ноябре 1939 года на Главном

военном совете командования Красной армии в Кремле витал шапкозакидательский настрой, к доводам и опасениям опытных генералов прислушиваться никто не стал, поэтому и был утвержден «сырой», непродуманный план предстоящей военной кампании. В соответствии с ним были установлены в приказном порядке и сроки завершения «победоносной» кампании Красной армии в Финляндии в 12 дней. Жизнь показала правильность опасений опытных командиров Красной армии: война продлилась 105 суток – с 30 ноября по 13 марта.

В начале финской кампании молодые «дикорастущие» неопытные командиры бросали свои подразделения в многочисленные лобовые атаки, не делая попыток отойти от шаблона, применения новых подходов в использовании сил, средств огневого поражения противника. Э. Энгл и Л. Паананен в упоминавшейся книге так описывают происходившее: *«Первоначальный успех противника оказался незначительным, потери же были огромными, финские пулеметы с долговременных огневых сооружений буквально косили ряды наступающих. Тысячи убитых русских лежали перед финскими блиндажами, и свежие силы шли в атаку по замерзшим трупам. В Красной армии было не принято считаться с потерями, поэтому командование не мучили угрызения совести при столь безжалостном способе ведения боевых действий...»*

«Линию Маннергейма» бойцы Красной армии пытались прорвать с начала декабря, но каждый раз несли огромные потери и откатывались назад. Р. Португальский отмечает, что *«соединения и части 7-й армии попытались с ходу прорвать главную полосу «линии Маннергейма», но понесли значительные потери, задач не решили. Отразив атаки советских войск, противник даже попытался перехватить инициативу, проведя серию контрударов».*

Из журнала боевых действий 245-го стрелкового полка 123-й стрелковой дивизии:

«1.2.1940 г. 19.00. Рота медленно продвигается вперед, прикрываясь бронещитками. Часть бронещитков поломана, часть застряла в проволоке и надолбах. Противник периодически ведет минометный и пулеметный огонь по наступающей 7-й ср.

22.00. Рота подошла частью своих сил к траншеям противника на расстояние 60–100 метров. Противник открыл фланговый огонь справа от дота № 008 и слева от дота № 006. Пехота залегла и продвинуться дальше не смогла».

И здесь же отмечается, что *«функцию по обеспечению относительно безопасного сближения с противником щитки не выполнили»*. А выполнили свою функцию инженерные сооружения финнов, из-за которых красноармейцы вынуждены были бросать ненужные и неудобные бронещитки у первых же рядов проволочных заграждений и надолб. Там же и расстреливали финны атакующих целыми ротами и батальонами перекрестным «кинжальным» огнем пулеметов.

Разве мог выдержать бронещиток град пулеметных пуль? Нет, конечно. Столь большие потери как раз и объяснялись заблуждениями отдельных командиров, которые считали, что щитки сберегут красноармейцев от пуль пулеметов и осколков снарядов и мин. Как указывалось в различных источниках, по неполным данным, потери Красной армии в советско-финской кампании составили: более 50 тысяч убитыми, около 16 тысяч пропавшими без вести, обмороженными почти 11 тысяч, более 170 тысяч ранеными.

В защиту своей идеи о бронещитках А. Маркин приводит пример из книги А. Шталя «Малые войны 1920–1930-х годов», где японцы при наступлении в городе применяли бочки с землей, катя их перед собой.

Иной автор-фантазер после получения такой информации может задаться вопросом: «А почему же наши не использовали бочки в тяжелейших боях в Грозном?» Ну да, прокати-ка бочки по улицам, заваленным обломками домов, битым кирпичом, плитами, деревьями, по многочисленным выбоинам и воронкам... Тут как минимум нужны бронебульдозер и взвод обеспечения с лопатами и кирками для проделывания проходов и расчистки пути. И все равно «экипажу» этой «чудо-бочки» не повезет в первом же реальном бою, когда ее обстреляют из минометов или «подствольников» по навесной траектории. Для защиты от снайперов и пулеметчиков противника, занявших многоярусную оборону в городе, данная бочка не поможет и не спасет, каких бы размеров она ни была. И сразу же после того, как «экипажу» этой «чудо-бочки» настанет «звиздец», то и «лопнет» на глазах очередная «рацуха» Маркина–Шталя...

Теперь вновь про бронещитки. Вспомним слова автора о том, что *«ничто не мешает и сейчас применить что-то подобное... для сближения с противником во время артобстрела его позиций»* и *«соответственно использование щитков может позволить сократить опасную дистанцию на величину этого радиуса»* (радиуса разлета убойных осколков). Таким образом, автор предлагает использовать бронещитки в современной войне. В связи с этим рассмотрим это предложение более подробно. Для наглядности будем использовать рис. 2. Так как основную угрозу для пехотинца за щитком автор видит не в пулях противника, а в осколках снарядов, то учтем это в прочности «сооружения на колесиках». Итак, бронещиток должен обеспечивать надежную защиту от пуль и осколков, закрывать тело и ноги пехотинца с фронта, при условии стрельбы противника и разрыва снарядов строго спереди (сплошные линии А на рис. 2). Достаточная защита может быть обеспечена бронещитком только при условии стрельбы противника исключительно спереди и из стрелкового оружия среднего калибра. То же самое относится и к удалению и месту разрыва снаряда

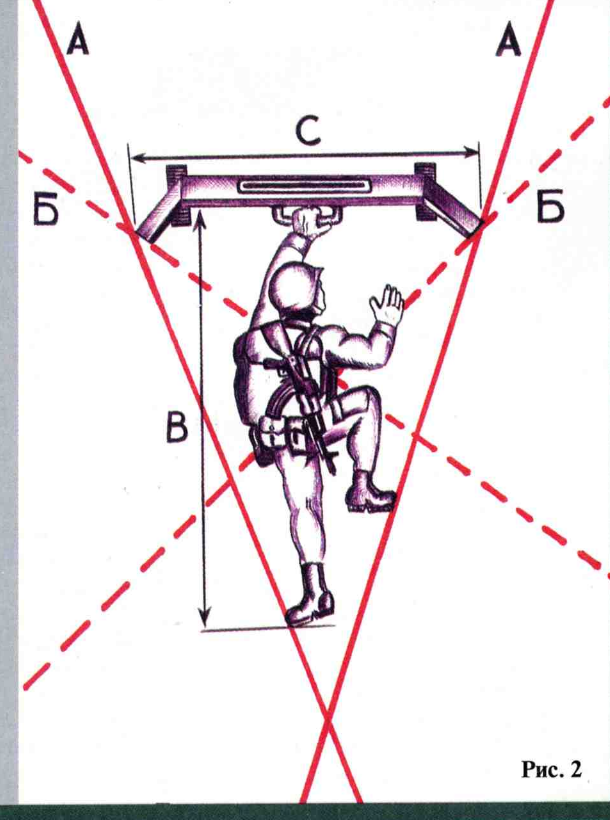

Рис. 2

или мины. При близком и фронтально-боковом разрыве артиллерийского снаряда, мины прочность конструкции бронещитка едва ли выдержит удар осколков, а во втором случае пехотинца к тому же посечет осколками (пунктирные линии Б на рис. 2). К этому же следует отнести случай со стрельбой противника из стрелкового оружия в фронтально-фланговый ракурс щитка. Здесь очень многое будет зависеть и от роста пехотинца: чем больше рост, тем больше площадь поражаемого участка тела пехотинца при таком ракурсе стрельбы (В на рис. 2). В этих случаях щиток не поможет и боец погибнет или будет ранен. Причем ранения в ноги, руки настолько болезненны, что пехотинец со щитком вынужден будет прекратить всякое передвижение. Достаточная защита по фронту вызовет увеличение ширины щитка (С на рис. 2), требование защиты от осколков вызовет увеличение толщины и улучшение качества брони, что совокупно приведет к значительному увеличению массы сооружения примерно до 45–55 кг и выше, даже с применением новых технологий брони. Автор пишет: *«Как практически любой тактический прием, использование бронещитков имеет свои ограничения (в том числе при движении в гору)...»* Но про горы речь вообще не идет, здесь на равнине бы с места сдвинуться с таким весом! А в горах такой бронещиток сразу покатится под склон и стремительно увезет с собой в низину или в ущелье своего хозяина-пехотинца.

Автору, прежде чем писать про свою «рацуху», следовало бы опробовать ее самому лично на практике. Для этого необходимо было проделать следующие мероприятия. Первое: экипироваться в военную форму одежды, не забыть обуть сапоги, надеть бронежилет, каску, разгрузочный жилет с полными патронов магазинами к автомату, комплектом ручных осколочных гранат, ВОГов к «подствольнику», закинуть на спину укомплектованный рейдовый рюкзак или вещмешок, на бок – противогаз, взять в руки автомат с «подствольником» и по-пластунски отпахать 400 метров. Второе: после преодоления ползком рубежа 400 метров встать, отряхнуться, чуть-чуть отдышаться, подумать о вечном. Третье: и вновь 400 метров проползти по-пластунски в том же снаряжении, но уже с «чудо-бронещитком на колесиках», одной рукой подталкивая его впереди себя, свободными конечностями отталкиваясь от грунта. Во время всего этого эксперимента самому изобретателю следует постоянно вести записи в дневник относительно самочувствия пехотинца через каждые 25–50 метров в зависимости от скорости передвижения этого «боевого комплекса». Служивые люди знают, как нелегко бывает на одном из этапов преодоления полосы препятствий перетащить «патронный ящик» в два десятка килограммов. А тут колымага весом в полсотни килограммов, да и протащить ее надо не десяток, а все четыре сотни метров, все время толкая перед собой!

Какие еще трудности и угрозы готовит современный бой пехотинцу с бронещитком, догадайтесь сами, посмотрев на рис. 3. Мне непонятно упорство автора в защите своих ложных идей и заблуждений. Как говорили древние мудрецы: «Глух тот, кто не желает слышать, и слеп тот, кто не желает видеть...» Поэтому, подводя итог вышесказанному, я смело отметаю этот тактический прием автора как заведомо неверный...

В-четвертых, теперь о том, что касается РБУ. Автор пишет: *«При организации взаимодействия пехоты и артиллерии необходимо сделать так, чтобы РБУ был не дальше от оборонительных позиций противника, чем расстояние, которое в конкретных условиях подразделение атакующей пехоты может преодолеть до открытия по ней организованного огня обороняющимися...»* Внимательно прочтите эти слова автора и хорошенько запомните их, чтобы не было больше глупых споров.

Из примеров автора: *«Немецкая пехота обычно была в состоянии открыть огонь по атакующим через 8–12 минут»* (берем среднее значение 10 минут и далее назовем его – готовность на огонь № 1) и *«в некоторых случаях немцам удавалось сократить время изготовки до 4–5 минут»* (для ровного счета возьмем здесь значение 5 минут и далее назовем его – готовность на огонь № 2).

И вновь автор повествует о том, что нужно стремиться максимально сократить величину РБУ, для чего предлагает рассчитать ее, используя архивные материалы войн «для конкретных условий». Чем мы и займемся, посчитав РБУ по А. Маркину.

Из примеров автора, на преодоление 400 метров пехоте потребуется:

– при сближении бегом в общем случае 10–16 минут;

– при сближении бегом при снежном покрове 20 минут;

– при сближении перебежками 32 минуты.

Теперь переходим к самому интересному и интригующему, так называемому феномену автора. Перемножив время на скорость, мы и получим реальные величины РБУ по А. Маркину, на удалении которых автор настоятельно и рекомендует нашим подразделениям находиться перед атакой позиций противника.

Сравним РБУ по А. Маркину с реальными значениями рубежа безопасности (настоящим РБУ), приведенными в таблице № 2. Как видите, разница колоссальная!

Автор пишет: *«Известны случаи, когда проводилась артподготовка, а наша пехота занимала при этом исходное положение в 100–150 метрах от переднего края обороны противника».* Ну что можно сказать на это? Смотрите таблицу № 2: значение РБУ даже с пристрелкой по НЗР – 400 метров, а без пристрелки по НЗР – 500 и 700 метров в зависимости от дальности стрельбы – до 10 км и более 10 км соответственно!

В связи с «забывчивостью» автора и этими его «опасными примерами» с РБУ в 100–150 метров, изложенными выше, напомню читателям трагический пример из советско-финской войны, когда РБУ был равен 200 метрам, как в таблице № 1 РБУ (по А. Маркину).

28 февраля 1940 года во время советско-финской войны советская артиллерия нанесла ошибочный удар по своим войскам. Э. Энгл и Л. Паананен пишут: *«Два дня спустя на Карельском перешейке финны стали свидетелями трагедии русских. Противник провел массированную артиллерийскую подготовку, и финны ожидали неминуемой атаки. Но ее не последовало. Впоследствии один из офицеров так описывал то, что произошло: «...Два акра земли были буквально усеяны лежащими бок о бок телами 400 человек. У многих в руках были куски хлеба, свидетельствующие о том, что люди погибли во время приема пищи. Теперь стало ясно, что в ночь на 28 февраля огонь артиллерии противника был сосредоточен на один километр ближе и пришелся не по финским позициям, а накрыл свой батальон, недавно прибывший на фронт. Войска находились всего в 200 метрах от финских позиций и готовились начать окружение, но во время двухчасовой артиллерийской подготовки весь батальон до последнего человека погиб. На своем месте был даже обнаружен артиллерийский наблюдатель, сжимавший в руках карту и телефонную трубку...»*

И как вообще автор предлагает войскам выдвинуться на такие удаления РБУ от позиций противника, как в 64, 100, 130, 200 метров? Подозреваю, что ответ будет следующим: пехота поползет под прикрытием «чудо-бронещитков». На таких дальностях

это будет уже не пехота, а хорошие и доступные для всех видов стрелкового и гранатометного вооружения противника цели.

И здесь же вспомним еще одну фальшь в статье автора. Приводя пример о штурме горы арабами, автор делает странный вывод и для РБУ в горных условиях: *«Полагаю, что изложенное выше показывает, что имеются основания не рассматривать «уставные» 400 метров как непреложное требование для любых ситуаций и условий...»* Внимательно прочтите эту фразу и запомните ее, чтобы дальше зря не спорить на страницах популярного журнала.

Между тем по-настоящему РБУ в горных условиях будет следующим (таблицы № 3, 4).

Наглядно видно, насколько опасно следовать «советам» и «поучениям» автора. Вот теперь, уважаемые командиры, и посмотрите на то, что вам «втюхивает» А. Маркин. И какой результат с учетом такого РБУ по Маркину ждет войска?! При следовании его «рекомендациям» мы получим стопроцентный гарантированный удар артиллерии по своим войскам! АТАКА ЗАХЛЕБНЕТСЯ, ТАК И НЕ НАЧАВШИСЬ... ПОСЛЕ УДАРА ПО СВОИМ!

Здесь напрашивается вывод: послушайте А. Маркина и сделайте наоборот. Так будет гораздо безопасней для вас и ваших подчиненных.

В-пятых, все свои аргументы и рассуждения автор приводит как самый плохой командир, готовый бросить на убой в лобовые атаки не одно подразделение. Жизни солдат и офицеров для автора – ничто, поэтому он с легкостью и рассуждает *«что с возможностью отдельных случайных поражений осколками своих снарядов не приходится считаться...»* В современных войнах есть многочисленные огневые средства старших начальников, которые позволяют точно и надежно подавить все цели противника, прежде чем отправить людей вперед. А послать своих солдат и офицеров целыми ротами «в лоб» на пулеметы или под свои осколки каждый дурак сумеет, ума для этого не требуется...

Сегодня командиров заботят жизнь и здоровье своих бойцов, и они не будут их бросать на верную погибель, а найдут грамотное решение по выполнению боевой задачи, позволяющее ее реализовать без потерь с нашей стороны. Это и есть проявление высшего командирского искусства.

Таблица № 1

РУБЕЖ БЕЗОПАСНОГО УДАЛЕНИЯ

(по А. Маркину)

Условия атаки открытой пехоты	Готовность на огонь	
	№ 1 (10 минут)	№ 2 (5 минут)
Атака бегом	400 метров	200 метров
Атака бегом при снежном покрове	200 метров	100 метров
При сближении перебежками	130 метров	64 метра

Таблица № 2

РУБЕЖ БЕЗОПАСНОГО УДАЛЕНИЯ

(настоящий)

Условия защищенности живой силы	С пристрелкой по наблюдению знаков разрывов (далее – НЗР)	Без пристрелки по НЗР	
		Дальность стрельбы до 10 км	Дальность стрельбы более 10 км
Открытая пехота	400 метров	500 метров	700 метров

Таблица № 3

РУБЕЖ БЕЗОПАСНОГО УДАЛЕНИЯ

в горных условиях (наши войска ниже противника)

Условия защищенности живой силы	С пристрелкой по наблюдению знаков разрывов (далее – НЗР)	Без пристрелки по НЗР	
		Дальность стрельбы до 10 км	Дальность Стрельбы более 10 км
Открытая пехота	300 метров	375 метров	525 метров

Таблица № 4

РУБЕЖ БЕЗОПАСНОГО УДАЛЕНИЯ

в горных условиях (наши войска выше противника)

Условия защищенности живой силы	С пристрелкой по наблюдению знаков разрывов (далее – НЗР)	Без пристрелки по НЗР	
		Дальность стрельбы до 10 км	Дальность стрельбы более 10 км
Открытая пехота	800 метров	1.000 метров	1.400 метров

Мечта увидеть настоящую Африку посещала в детстве конечно же каждого мальчишку. Ведь трудно было поверить, что где-то есть место, где среди баобабов и пальм одновременно пасутся несметные стада антилоп, слонов, буйволов, а рядом спокойно бродят львы и гепарды. И в речках там нельзя купаться, не потому что грязно, а потому что в них полно бегемотов и зубастых крокодилов. А уж чтобы поохотиться в Африке, да еще в советские времена?! Тогда это было доступно только очень высокопоставленным номенклатурным и дипломатическим работникам.
Между тем некоторым нашим военным советникам и специалистам, работавшим в армиях африканских стран в 1970-х–1980-х годах, охота на диких зверей была не в диковинку. Об этом они, правда (как, впрочем, и о своей основной работе), мало кому рассказывали. Для этой категории «совзагранработников» действовал строгий режим ограничений на распространение информации. Вплоть до перлюстрации писем и дачи подписок «о неразглашении».

Сергей КОЛОМНИН

ЗОНА «КИССАМЫ»

ОХОТНИКИ ПОНЕВОЛЕ

Справедливости ради нужно отметить, что охотились не столько из-за самого процесса охоты, то есть ради забавы, а ради ее прямого результата – мяса. «Советнический стол», например, в Анголе, где я работал в начале 1980-х годов в составе нашего военного аппарата, помогавшего местному правительству в создании современной армии и борьбе с внутренними и внешними вооруженными врагами, был не слишком разнообразен. В стране, только добившейся независимости, – разруха, голод, нищета. Первые наши специалисты, как вспоминал советский военный переводчик А. Григорович, вообще «питались подножным кормом, тем, что привезли из Союза».

Но постепенно снабжение нашей военной колонии в Анголе наладилось, хотя ассортимент в магазине советской военной миссии целиком зависел от прибытия очередного корабля или самолета из Союза или с Канарских островов, где свила себе гнездо фирма «Совиспано», специализировавшаяся на поставках продовольствия и промышленных товаров нашим соотечественникам за рубежом. Но завозились в основном крупы и те же консервы, как мясные, так и рыбные, – для хранения свежего мяса и овощей нужна была холодильная камера, которая хотя и имелась, но работала с перебоями. А вот спиртное поставлялось в изобилии: водка, армянский пятизвездочный бренди, шампанское, виски. Все покупки оплачивались безналом: заносились в карточку и сумма автоматически высчитывалась из назначенного нашим специалистам инвалютного оклада. Словом, как при «военном коммунизме».

Коммунизм коммунизмом, а организм требовал свежего мяса. Тем более что нам изредка удавалось посещать кубинские «фиесты», на которых наши друзья с острова Свободы, находившиеся в Анголе в составе контингента кубинских войск, баловали нас жареной свининой. Поросята, как правило, зажаривались целиком и подавались с рисом, сваренным с шафраном. Свиньи эти, как выяснилось, добывались «хапспособом»: при проезде ангольских деревень кубинцы просто давили домашних животных машинами, затем забрасывали добычу в машину и... газу!

Но такие совместные праздники были редкостью и только раззадоривали нас. И когда соленая и жирная тушенка уже не лезла в горло, а консервированная килька вызывала стойкую аллергию, как-то сама собой возникла мысль об охоте. Тем более что в окрестностях Луанды в изобилии бродили расплодившиеся за годы войны стада буйволов, антилоп, а в прибрежных зарослях реки Кванза даже плескались крокодилы и бегемоты. С оружием у нас проблем не было – выбирай любое вплоть до пулемета или РПГ. Не было проблем и с транспортом – в нашем распоряжении имелся легковой вездеход УАЗ-469 с военными номерами. Но были сложности другого порядка. Любой выезд за пределы Луанды в стране, где бушевала гражданская война, осуществлялся только с разрешения главного военного советника. Нарушение этого приказа грозило неприятностями, вплоть до высылки в Союз. К тому же территория вокруг Луанды была заповедной. Здесь располагался национальный парк «Киссама», и охота в этой зоне была запрещена. При португальцах она все же велась: численность поголовья необходимо было регулировать, и часть животных периодически отстреливали по лицензиям. Но после провозглашения независимости и начала гражданской войны никто этим не занимался: не было ни егерей, ни контроля за численностью и здоровьем животных.

«ОБЕЗЬЯНА – РОДСТВЕННИК, ЕЕ ЕСТЬ НЕЛЬЗЯ!»

В провинциях, вдали от столичного начальства, этот вопрос решался проще. Более того, для «прокорма» подразделений местной армии – ФАПЛА – даже создавались специальные охотничьи команды, занимавшиеся отстрелом буйволов, антилоп и даже слонов, которых для верности «клали» из зенитных установок. В тех районах, где боевые действия не прошли даром для фауны и где численность крупных «мясных» животных была низка, армия «с голодухи» питалась даже мясом... обезьян. Как-то на складах лагеря партизан южноафриканского АНК, который затерялся в ангольских джунглях, закончился единственный источник животного белка и жиров – советская тушенка (по нанесенной на ней маркировке – «Слава» – африканские бойцы называли ее «Слава Советскому Союзу»). Лагерь располагался там, где копытных животных не было. Однако в изобилии водились бабуины. Руководство партизан приняло решение организовать на них охоту для пополнения стола бойцов «красным мясом». Однако многие чернокожие африканцы восприняли эту идею в штыки – они относились к этим животным, как к людям. К тому же многие считали: раз расисты ЮАР утверждают, что «черные неполноценны и они только что слезли с дерева», то волосатая обезьяна ближе им, чем, например, белый человек. И как после этого есть своего собрата?

Однако одному из руководителей партизан, белокожему члену АНК Ронни Касрилсу, удалось их убедить в обратном. Сделал он это весьма оригинальным способом – обнажил перед ними свою волосатую грудь и сказал: «Как видите, товарищи, белые люди ближе к нашим предкам-обезьянам, чем черные». Самому Касрилсу, выходцу из российской Прибалтики, мясо бабуина пришлось по вкусу. Он вспоминал: «Мне все больше нравилось есть мясо бабуинов. Его нужно хорошенько проварить – лучше все прожарить. С перцем и другими приправами оно по вкусу напоминало баранину».

ЛУЧШЕ СЪЕСТЬ САМИМ, ЧЕМ ОСТАВИТЬ ВРАГУ

Обезьян обычно просто отстреливали из автомата Калашникова. Однако вскоре умные животные стали опасаться людей и ловко от них прятались.

Тогда бабуинов начали ловить, загоняя их в сетки, или, воспользовавшись их любопытством, завлекали лакомством в специально вырытые ямы, а потом набрасывали на них сетку. Некоторые наши специалисты из лагеря АНК пробовали мясо обезьян, но только из любопытства.

Особым шиком у наших советников считалось увезти на родину бивень слона, шкуру зебры или великолепные рога черной гигантской антилопы «паланка прета жиганте» (черная гигантская антилопа – символ Анголы), встречающейся только на территории Анголы в специально созданных национальных парках. Нельзя сказать, что такие охотничьи проделки оставались безнаказанными. На моей памяти в международном аэропорту Луанды однажды задержали группу кубинцев со шкурами крокодила и зебры и несколькими килограммами слоновой кости. Случай получил огласку, руководству кубинской миссии в Анголе пришлось приносить ангольцам извинения. А охотников-контрабандистов, продержав несколько дней в кутузке, потихоньку отправили на родину.

Хотя, если честно, ангольцы нередко сами поощряли подобные вещи. Полновластные хозяева на местах – представители гражданской и военной власти – провинциальные комиссары и командующие военными округами часто организовывали для себя и советских советников «пикники» с отстрелом животных, не очень-то обращая внимание на границы заповедных зон. Как-то в приватной беседе провинциальный комиссар провинции Уамбу, оправдывая подобные действия, откровенно признался нам, что «лучше уж самим съесть, чем отдать мясо вооруженным контрреволюционерам из УНИТА». Считал он так, надо отметить, не без основания. Подразделения лидера УНИТА Савимби контролировали как раз те районы, где размножались многие виды ангольской фауны, которую его солдаты и использовали по прямому назначению – в качестве шашлыка.

ПОЛЕТ В ЗОНУ

Как-то, попостившись несколько месяцев в ожидании очередного транспорта из Союза, мы отважились на рискованное предприятие, за которое элементарно можно было «загреметь» в 24 часа домой. В союзницы было решено привлечь доблестную вертолетную авиацию. Советник командира ангольской вертолетной эскадрильи Ми-8, базировавшейся на базе ВВС в Луанде, подполковник Евгений Николаевский раз в неделю забирал по очереди меня или моего коллегу Федора Жаворонкова на «бортперевод» при облете вертолетов. Советские военные летчики, как правило, английского языка, основного средства международного общения при радиообмене, не знали, поэтому для переговоров с диспетчером международного аэропорта нужен был переводчик. Вообще-то в наши функциональные задачи это не входило, но было крайне интересно попробовать себя в этом качестве.

Кроме того, таким образом мы здорово помогали ангольским вертолетчикам. После выполнения очередной боевой задачи в районах, где шли интенсивные боевые действия, они возвращались на базу в Луанду для отдыха и регламентных работ. Часто вертолеты имели по нескольку десятков пулевых пробоин и нуждались в ремонте. Естественно, после пережитого риска молодые ангольские летчики, получившие образование в СССР, стремились «оторваться» в большом городе на полную катушку: каждая следующая командировка в джунгли для них могла оказаться последней. После таких загулов пилотов и борттехников часто не могли отыскать неделями. Прятались «по бабам да по хазам».

Вот командир эскадрильи и попросил своего советника помочь в постановке в строй машин, побывавших в ремонте или на регламенте. В нашу задачу входил облет «вертушки» на различных высотах и режимах в течение нескольких часов. Потом составлялся акт о готовности машины к боевому применению, и вертолет передавался ангольскому экипажу. Летали мы, нарушая все правила, ибо летчик был всего один – советник командира эскадрильи подполковник Евгений Николаевский. Но Женя был, как говорится, летчиком от Бога, машину свою любовно называл «ласточкой», а нас всегда успокаивал: в случае чего на «авторотации сядем». К счастью, испытать сомнительное удовольствие от посадки Ми-8 с выключенными двигателями, когда его падение сдерживается только вращением винта, «трущегося» о воздух, случая не представилось. Место правого летчика – «правака» занимал либо я, либо мой коллега Федор Жаворонков, и командир экипажа иногда давал нам в полете «порулить». Горизонтальный полет мы освоили быстро, но вот заложить вираж или посадить машину, конечно, не смогли бы.

Поскольку район полета мы выбирали сами, было решено при облете очередного «послерегламентного» Ми-8 поохотиться. Подали заявку, «флайт план» – «полет в зону, район «Киссамы». Начали с солидной подготовки: навесили на АК-47 оптический прицел от СВД. Для этого пришлось снять ствольную коробку и точечной сваркой приварить самодельные крепления. Оба наших с Федором штатных пистолета «Вальтер» Р-38 почистили и смазали. Советник инженера эскадрильи украинец Николай, обычно летавший с нами в роли борттехника и имевший большой опыт по «забиванию» кабанчиков в родном житомирском селе, до блеска наточил ножи и... полетели.

«ШАМАН» С АВТОМАТОМ

Местность в окрестностях Луанды представляет собой классическую саванну. Это поросшая высокой «слоновой» травой и кустарником равнина с отдельно стоящими деревьями или группами деревьев: баобабами, акациями, кактусами и прочими представителями местной флоры. Но нас больше интересовала фауна. А ее было в избытке. Потревоженные шумом вращающегося вертолетного винта, из зарослей выпрыгивали козы и небольшие антилопы. Но поразить этих юрких животных из низко летящего вертолета – чрезвычайно трудное дело. Да и мяса на них почти нет: одна кожа да кости. Встретившуюся группу слонов оставляем в покое: нам такую громадину втроем не осилить.

Но вот показалось стадо буйволов, голов тридцать–сорок. Пристраиваюсь с «калашом» у открытой боковой двери Ми-8. Стрелять очередью по табуну не имеет смысла, можно подстрелить нескольких животных, а нам и одной коровы за глаза хватит. Летчик прижимает машину к земле, стремясь отбить от стада нескольких зверей. Ему это удается, и следует сигнал: «Давай!» Пытаюсь поймать в окуляр оптического прицела будущую жертву. Но не тут-то было. Вибрация внутри «вертушки» настолько сильная, что автомат пляшет в руках, как африканский шаман вокруг костра. Быстро снимаю оказавшуюся бесполезной оптику и перевожу предохранитель на автоматическую стрельбу. Следует короткая очередь, и... огромный буйвол, словно налетев передними ногами на растянутый в траве невидимый трос, падает, переворачиваясь несколько раз и поднимая вокруг тучи красноватой пыли. Женя тут же закладывает вираж, а обезумевшее от страха стадо на предельной скорости мчится дальше.

ЗАКОН ПРИРОДЫ: МЯСО ВСЕМ НУЖНО

Сделав круг, летчик аккуратно сажает машину метрах в тридцати от убитого животного. Движки он не выключает: готов взлететь по первому сигналу. В ангольской саванне можно встретить не только четвероногих хищников, но и двуногих. Последние, кстати, гораздо опаснее, поскольку могут оказаться вооруженными бандитами-унитовцами, стреляющими без предупреждения. Выпрыгнув из вертолета на землю, осторожно приближаемся к подстреленному буйволу. На поверку это оказывается корова – что ж, мясо у самки нежнее. Шкура золотистого цвета, блестящая и здоровая – нет никаких следов кожных паразитов. Еще недавно живой обитатель саванны мертв: очередь перебила ему шейные артерии. Николай одобрительно похлопывает меня по плечу: мол, хорошо стреляешь. Пока я с автоматом наперевес наблюдаю за ближайшими к нам зарослями, советник инженера эскадрильи быстро берется за дело. Сразу видно, что Коля – опытный свежевальщик. Ловкими движениями, не снимая с буйволицы шкуры – нет времени, он быстро вырезает сначала передние и задние ноги, потом сердце, печень. Затем, взобравшись на тушу, уверенными движениями великолепно отточенного ножа отделяет от хребта длинный пласт мяса – вырезку.

Завернув добычу в брезентовые чехлы, перетаскиваем мясо в вертолет. На всю операцию уходит минут пятнадцать–двадцать, и вот мы уже в «вертушке». Летчик берет ручку на себя, дает «газ», машина плавно отрывается от земли на несколько метров и, чуть опустив нос, стремительно уносится подальше от места охоты. На обратном пути проходим тем же маршрутом, но уже на приличной высоте. Место отстрела буйволицы видно как на ладони. Вокруг саванное пиршество: несколько гиен, грифы, еще какая-то живность остервенело рвут на части остатки туши. Что ж, мясо всем нужно. Таков закон природы. А через пару дней среди травы будут видны лишь белые, обглоданные дочиста кости.

Результатов этого «сафари» нашей честной компании хватило месяца на три. Мясо было хотя и жестковатое, но вполне пригодное для пищи. Его жарили, тушили, запекали. Вкус его, кстати, выгодно отличался от многих «деликатесов», которые мне приходилось пробовать в Африке. Ни суп из океанской черепахи, ни запеченные черепашьи яйца, ни похлебка из плавников акулы, ни шашлык из мяса зебры или то же мясо слона не оставили в моей гастрономической памяти такого следа, как вкус мяса той буйволицы, собственноручно «заваленной» с вертолета из безотказного «калашникова».

Фото из архивов С. Коломнина, Д. Бабушкина, В. Солдатенко, О. Коргута

Сергей БАЛМАСОВ

(Окончание. Начало в № 1)

АВАНТЮРЫ ЛЕГИОНА

ФРАНЦУЗЫ НЕ УТРУЖДАЛИ СЕБЯ МОРАЛЬНЫМИ ПРИНЦИПАМИ

ЛЕГИОН НЕСЕТ ПОТЕРИ…

После завершения Крымской войны изрядно потрепанный Французский иностранный легион снова переправляют в Алжир, где он находился до 1859 г., когда вспыхнула Австро-итало-французская война. Легионеров переправляют по морю в Италию. В сражении при Мадженте 4 июня 1859 г. они входили в состав 2-го армейского корпуса генерала Мак Магона. Именно они первыми форсировали реку Тичино и атаковали австрийские позиции. В ходе ожесточенного боя, стоившего им сотен раненых и убитых, им удалось опрокинуть одну из австрийских колонн. В тот день успех сопутствовал Мак Магону, и австрийцы побежали. Легионеры три километра преследовали бегущих, однако, ворвавшись в сам город Маджента, забыли об этом и бросились освобождать его уже не от австрийцев, а от разного рода ценностей, насиловали женщин. Воспользовавшись этим, австрийская армия благополучно ушла. И хотя австрийцы проиграли, потеряв 6 тысяч человек, потери французов были немногим меньше – 4.400 человек, из которых значительная доля приходится на легионеров.

Большой крови стоило Французскому иностранному легиону и участие в главной битве той войны – при Сольферино 24 июня 1859 г., в которой принимали участие австрийский и французский императоры Франц Иосиф и Наполеон III. Стороны имели примерно равную численность армий. Однако франко-итальянская (пьемонтская) группировка имела более мощную артиллерию (451 орудие против 320 австрийских пушек). Сражение опять началось атакой корпуса Мак Магона, в первых рядах которого вновь шли легионеры. Австрийцы снова проиграли, потеряв 22 тысячи человек. Потери франко-итальянских союзников меньше – 14 тысяч французов, среди которых легионеры и 4 тысячи пьемонтцев. Легион, понесший большие потери, вскоре был отправлен из Италии на доукомплектование в Африку.

Его штаб-квартира находилась в Алжире в городе Сиди-Бель-Аббес. Легионеры сохраняли свое присутствие в этой стране потому, что на полки, сформированные из местных жителей, положиться было нельзя, а переселенных туда французов было слишком мало. Так, на 1880 г. в алжирские территориальные полки было призвано лишь 1.075 живущих в Алжире французских граждан – слишком ничтожное для огромной страны число, чтобы удерживать ее в повиновении.

И хотя в это время Франция не вела войн с крупными соперниками, легионеры продолжали нести потери. Так, за 1876–1881 гг. на пополнение легиона в Алжир прибыли свыше 4,5 тысячи человек. Стоит заметить, что на то время он состоял из 2.250 человек.

Фактически за пять лет французскому командованию пришлось дважды заново набирать личный состав легиона. Это заставляет задуматься о том, какова была там служба. Легион по истечении контракта покидали единицы – до этого счастливого момента мало кто доживал в условиях почти непрекращающихся боев с туземцами в разных частях света. Убыль личного состава происходила не только из-за стычек с берберами и арабами, но и из-за болезней, а также дезертирства. И мало кто демобилизовался «согласно расписанию». Слово «легионер» ассоциировалось тогда с понятием «вечный легионер»: начальство стремилось навсегда «закрепостить» своих подчиненных. К тому же в большинстве случаев возвращаться им было некуда – на родине мало кто ожидал доблестных «искателей приключений», кроме, пожалуй, полиции.

ПОДГОТОВКА К «БОЛЬШОЙ ВОЙНЕ»

На фоне этого численность Французского иностранного легиона постепенно росла – Парижу, стремившемуся заполучить все новые колонии и сохранить порядок в уже завоеванных, нужно было все больше солдат с такой зловещей славой. В 1881 г. ее увеличили до 2.750 человек: 66 офицеров, 147 унтер-офицеров, 223 солдата 1-го класса (ефрейторы) и 66 человек нестроевой команды – музыканты, горнисты и т.п. В 1882 г. штат легиона довели до 2.846 человек. В 1883 г. число его батальонов было увеличено до шести, а общая его численность возросла до 4.042 человек.

В 1899 г. легион уже предусматривал развертывание во время «большой войны» в двухполковую структуру. Стоит заметить, что французы предпочитали не распылять легионеров по множеству частей, а создавать крупные по численности боеспособные воинские единицы. Так, рота состояла из 3 офицеров и 148 нижних чинов. В батальоне находилось 14 офицеров, 594 нижних чина.

МЕКСИКАНСКОЕ «САФАРИ»

Стоит заметить, что до конца XIX века наши соотечественники в легионе были большой экзотикой. Так, в 1896–1897 гг. их не набиралось и полутора десятков. Однако революционные события 1905–1907 гг. в России заставили тысячи политических противников Николая II бежать во Францию, на «родину революций». Очевидно, далеко не все из них смогли прижиться в новых условиях, поскольку в 1913 г. из русских легионеров можно было уже составить целую роту.

Казалось бы, что пропорционально увеличению численного состава легиона должно улучшиться и его техническое оснащение. Однако, напротив, на легионерах стали еще больше экономить, даже на командирах! Если еще в 1882 г. на троих офицеров приходилось по две лошади, то теперь на двоих выделялся всего один конь. Что уж говорить про обычных легионеров!

Кроме того, в легионе была слишком маленькая нестроевая команда. Даже в туземных африканских полках по штату полагалось по 5 портных, 5 сапожников, 5 оружейников. В легионе же было 3 сапожника, 3 портных и 4 оружейника. Грубо говоря, в отличие от полка зуавов 40 процентов личного состава легиона было разуто и раздето, а 20 процентов не имело отремонтированного оружия. Естественно, из-за таких «мелочей» боеспособность снижалась, как и уменьшались шансы выйти живыми из боя.

Пару слов стоит сказать и о медицинском обслуживании: на весь легион по штатному положению полагалось три врача – врач 1-го класса, врач 2-го класса и один младший врач (фельдшер). В итоге на каждого приходилось примерно по 750 человек, и даже в обычной обстановке они были сильно перегружены. А во время боев и эпидемий легионные врачи были просто не в состоянии справиться с работой. И многих раненых или больных просто списывали в «безнадежные» из-за чрезмерной загрузки врачебного персонала.

Стоит заметить, что легионеры практически не бывали без работы. С 1863 по 1868 г. Иностранный легион находится в Мексике в составе французского экспедиционного корпуса, ведя тяжелейшую войну в условиях постоянной жары, жестоко страдая от лихорадки и тифа. А все ради того, чтобы утвердить там «профранцузского императора». Кончилось плохо для всех. В том числе и для марионеточного «императора», расстрелянного мексиканцами, и для защищавших его легионеров. За время мексиканской авантюры легион, по официальным данным, только убитыми потерял 31 офицера и 1.517 солдат, или две трети своего состава.

Мексиканцы в плен легионеров не брали, без жалости добивали раненых, мстя за чинимые их народу страдания... В эту кампанию 30 апреля 1863 г. погибла целая рота легионеров в районе фермы Камерон – 3 офицера и 62 нижних чина, фактически посланная командованием на убой. Сократившееся из-за боев и эпидемий почти в три раза, окруженное превосходящими силами противника, это подразделение приняло последний бой. А что им оставалось делать, зная, что за их кровавые деяния, не уступавшие алжирским, пощады не будет?

По данным французских историков, легионерам противостояли две тысячи мексиканцев. Правда, по данным других источников, последних было едва 800 человек. Но, по сведениям самих мексиканцев, в бою при Камероне участвовало ополчение всего лишь из 200 вооруженных бойцов, еще 400 были экипированы только холодным оружием. А французские борзописцы сознательно увеличили их число, чтобы была красивая легенда о «доблестном несокрушимом легионе», предпочитающем смерть «позорной сдаче в плен».

В ходе боя, продолжавшегося десять часов, выжили только капрал и двое рядовых легионеров, которых мексиканцы в виде исключения взяли в плен. Гибель 3-й роты легиона, ответственность за которую ложилась непосредственно на ее командование, была выставлена как невиданное проявление доблести легионеров. По данным французских фальсификаторов истории, особенно авторов «развесистой клюквы» – «Золотой книги Французского иностранного легиона», «доблестная» 3-я рота легиона перестреляла чуть ли не всех напавших на нее мексиканцев. Как говорится, «одним махом всех побивахом». Судя по изложению ими происходящего в те годы в Мексике, легионеры только и делали, что нещадно громили противника. Однако почему-то писаки «французской крючковщины» так и не удосужились объяснить, почему «доблестный легион» в конце концов с позором ретировался обратно в Алжир.

День гибели 3-й роты Иностранного легиона, истребленной по вине французского командования, отправившего ее на верную гибель, был сделан его же праздником! Что может быть чудовищнее?

И если французы и легионеры вместе со своими английскими и испанскими союзниками не смогли одолеть мексиканцев, что уж говорить о более достойных противниках? Так, в 1870–1871 гг. легионерам сильно «намяли бока» во время Франко-прусской войны. Участие легиона в той позорной для Франции кампании стало известным из-за того, что в его рядах сражался молодой лейтенант Петр Карагеоргиевич, будущий сербский король. Больше ничем выдающимся это подразделение похвастать не могло. Как бы там ни было, но легионеры ничего не смогли противопоставить немцам.

СРАЖЕНИЕ С КОММУНАРАМИ

В 1871 г. Французский иностранный легион принимает активное участие в карательной акции против восставшего простонародья Парижа, подбитого смутьянами, решившими использовать удобный момент для захвата власти. Правительственные войска тогда были обескровлены войной с немцами, и лидеры коммунаров рассчитывали, что власти ничего не смогут сделать с мятежом.

Однако они забыли про легионеров, которые первыми вошли в город, жесточайшим образом подавив Парижскую коммуну. Стоит заметить, что к началу активных боевых действий у организатора подавления Тьера почти не было надежных сил. По большей части это был сброд. Исключение составлял Иностранный легион.

При подавлении Парижской коммуны в марте–мае 1871 г. легионерам пришлось воевать в непривычных для себя городских условиях: баррикады, тесные и длинные улицы. Новые условия боя потребовали смены тактики. После больших потерь при

лобовых атаках баррикад, многие из которых были сделаны из железа и камня, имели бойницы, легионеры стали действовать иначе. Наступающие колонны высылали вперед вспомогательные отряды с отдельными орудиями и митральезами (прообраз пулемета). Они по боковым улицам обходили баррикады, заходили к ним в тыл и отрезали их от главных сил восставших, вызывая среди коммунаров панику. Там, где обход был невозможен, легионеры использовали скрытые подходы через соседние дворы, дома и сады.

Движение карательных частей было тщательно спланировано. Колонны Иностранного легиона, прорываясь в глубь города, держали друг с другом и прочими частями версальцев тесную связь, охватывая коммунаров с флангов и отбрасывая их с позиций своими комбинированными действиями. И грозные баррикады перестали быть неприступными. Легионеры нашли такое «противоядие»: они забирались на крыши и верхние этажи высотных зданий и оттуда вели уничтожающий ружейный огонь по их защитникам.

Там, где дневные атаки были бесплодны, делались ночные вылазки, отразить которые в большинстве случаев коммунары не могли, поскольку они были лишены возможности вести прицельную стрельбу в это время суток.

Неспособность коммунаров использовать артиллерию для стрельбы с господствующего района в Париже Монмартр и эффективно противостоять тактике версальцев и легионеров привела в конечном итоге к разгрому Парижской коммуны. Естественно, что во время боев никто не обращал внимания на поступки легионеров, за которые в мирное время можно было отправиться на гильотину: они грабили, убивали и насиловали жителей мятежных районов.

Заметим, что этот эпизод во Франции вообще и в легионе в частности вспоминать не любят. Еще бы! Ведь легионеры изначально были предназначены для борьбы не против своего народа, а против африканских и прочих дикарей. А тут в роли «туземцев» выступило население французской столицы. Впрочем, в условиях неоконченной войны с внешним противником подобное развитие событий было неизбежным. Как бы там ни было, после этого эпизода легионеры стали заклятыми врагами всех левых политиков.

В ДЖУНГЛЯХ ИНДОКИТАЯ

После подавления Парижской коммуны легионеры вернулись в Африку на подавление алжирского восстания, которое удалось окончательно усмирить лишь в 1872 г.

В 1883–1918 гг. Иностранный легион участвует в завоевании Индокитая. Особенно трудными для легионеров были первые годы после вторжения. Победы давались им слишком большой ценой. Так, легион понес огромные потери при штурме укреплений Сонтай в 1883 г. и Бак-Нин в 1884 г. Война в джунглях для легионеров была непривычной и очень тяжелой: большинство потерь они несли даже не от пуль туземцев, а от тропических болезней, от которых жестоко страдали.

В 1885 г. едва не получилось «индокитайского Камерона»: две роты Иностранного легиона почти на полгода были оставлены командованием без помощи на посту Тюан-Кюанг в джунглях Вьетнама, где они были окружены врагами, но, неся огромные потери, все же выстояли против многотысячного китайского отряда.

В 1892 г. один из батальонов легиона участвовал в завоевании Дагомеи (Бенина), в джунглях которого также остались сотни легионерских могил.

В 1895–1898 гг. Иностранный легион участвовал в завоевании Мадагаскара. Борьба там шла с переменным успехом, и мальгаши, отличавшиеся упорством в защите своей родины, изрядно потрепали легионеров. Не одна сотня крестов увенчала места боев легиона... В 1898 положение французов на острове было настолько отчаянным, что командующий войсками на Мадагаскаре генерал Галлиени готовился, по его собственному выражению, «умереть с шестьюстами солдатами Иностранного легиона».

В 1903 г. началось завоевание Марокко. Оно растянулось на 30 лет. Главная роль в завоевании этой страны, которое сопровождалось еще большими потерями, чем при захвате Алжира, снова принадлежала Французскому иностранному легиону. Ярость за сопротивление легионеры изливали на местное арабское и берберское население, которое отвечало «взаимностью» по отношению к пленным, вырезая им половые органы. Эту «почетную» миссию доверяли женщинам, делавшим такую операцию долгой и мучительной.

С 1903 по 1914 г. число убитых легионеров, по признанию французского командования, превысило общие потери легиона с 1831 по 1903 г. Война по покорению Марокко не прекращалась до начала 1930-х гг. и продолжала тлеть вплоть до завоевания этой страной независимости в 1955 г.

О серьезности боев говорит тот факт, что в 1910 г. была учреждена особая марокканская медаль, на производство которой специально выделили 143 тысячи франков.

Однако, несмотря на все потери и отдельные неудачи Французского иностранного легиона, стоит заметить, что эти «французские штрафбаты» сделали то, что не смогли бы сделать обычные воинские подразделения. Конечно, время от времени происходили катастрофы наподобие камеронской, но и в этом случае желающих поднять из-за этого возмущение было немного. Огромные по площади колонии в Азии и Африке были завоеваны именно руками легионеров. Париж умело использовал каторжный сброд, не только не нужный, но и опасный в мирной жизни, на благо Франции, вымостив костями вчерашних бандитов дорогу к процветанию тех, кого они еще недавно терроризировали.

ГАЛЕРЕЯ

Первый опытный образец автомата АБ-46 (производственный индекс ТКБ-415) конструктора Тульского ЦКБ-14 А. Булкина поступил на конкурсные полигонные испытания в Научно-исследовательский полигон стрелкового вооружения Главного артиллерийского управления Вооруженных Сил СССР в 1945 году с образцами других КБ. В январе 1948 года он уступил первенство автомату КБ-П-580 – будущему АК-47, разработанному коллективом КБ ковровского оружейного завода № 2. В настоящем описании демонстрируется один из ранних образцов автомата, отличающийся, в частности, длинным (510 мм) стволом.

Конкурс по созданию советского комплекса в составе патрон – автомат был объявлен ГАУ в начале ноября 1943 г. после того, как на техсовете Наркомата вооружения 15 июля 1943 года военным и гражданским специалистам были показаны трофейное немецкое оружие – автомат MKb-42 и патроны к нему.

Отечественный 7,62х41-мм патрон, названный «промежуточным», с гильзой длиной 41 мм был разработан в рекордно короткий срок (к концу 1943 года) ведущим инженером климовского НИИ-44 П. Рязановым под руководством главного конструктора института ученого-баллистика Н. Елизарова.

Среди конкурсантов по разработке нового вида оружия находились известные конструкторы: В. Дегтярев, Ф. Токарев, Г. Шпагин, С. Коровин, А. Судаев и другие. Безоговорочная победа в этом конкурсе была одержана Судаевым. Летом 1945 года его автомат АС-44, весивший с магазином без патронов 5,35 кг и выпущенный серийно тульским оружейным заводом, успешно прошел испытания в четырех воинских округах и в Группе советских оккупационных войск в Германии. В результате испытаний рекомендовано несколько снизить вес автомата.

В середине 1945 года был объявлен второй конкурс, в котором среди других участвовал облегченный до 4,77 кг автомат Судаева ОАС и впервые был представлен автомат А. Булкина. На этом конкурсе облегченный автомат ОАС не оправдал возлагавшихся на него надежд – разброс его попаданий из-за возросшего усилия отдачи оказался значительно больше, чем у АС-44, что потребовало доработки автомата. Булкинский же автомат с замечаниями был рекомендован для последующих испытаний. Однако неожиданно 35-летний Судаев заболел и скончался, и его автомат – явный лидер конкурса был снят с испытаний. Среди оставшихся конкурсантов возобновилась борьба за первенство.

Учитывая сложность вопроса, Управление стрелкового вооружения ГАУ приняло решение объявить новый конкурс по уточненным тактико-техническим требованиям ГАУ с предварительным рассмотрением эскизных проектов предлагаемых автоматов. На этом конкурсе впервые появилось предложение Калашникова.

В конечном итоге из 16 представленных эскизных проектов для изготовления образцов и полигонных испытаний были рекомендованы только пять: Рукавишникова, Коробова, Булкина, Дементьева и Калашникова.

Автомат Булкина лидировал вплоть до конца декабря 1947 года. Однако на конечном, десятидневном этапе испытаний в январе 1948 года ковровский автомат КБ-П-580 (АК-47) получил первое место, чему способствовали поддержка руководства и заимствование основных элементов у автомата Булкина и предохранительного узла – поворотного щитка с правой стороны оружия у самозарядного карабина «Ремингтон» образца 1908 г.

По принципу автоматики автомат Булкина относится к оружию газоотводного типа с расположением газоотводного узла над стволом и жестким запиранием канала ствола поворотным затвором. Газоотводное устройство газового регулятора не имеет.

Запирающий узел представляет собой стебель затвора с длинным штоком, оканчивающимся газовым поршнем. В отверстии стебля затвора находится поворотная боевая личинка с двумя боевыми упорами. На начальном пути отката стебля затвора он поворачивает боевую личинку до вывода ее двух боевых упоров из зацепления с опорными поверхностями казенника, после чего откатывающийся стебель подхватывает личинку и движется вместе с ней.

Направляющими стебля служат отгибы штампованной затворной коробки с минимальной контактной площадью, что делает подвижную систему малочувствительной к загрязнению.

Питание патронами осуществляется из секторного тридцатизарядного магазина с расположением патронов в шахматном порядке и двухрядным их выходом. Магазин штампосварной из листовой стали.

Ударно-спусковой механизм куркового типа с так называемым перехватом курка. Это своеобразный механизм, отличающийся простотой благодаря тому, что у него отсутствует устройство, разобщающее спусковой крючок с шепталом при ведении одиночного огня. Курок, взводимый откатывающимся стеблем затвора, во взведенном положении захватывается подпружиненным упором на спусковом крючке, а когда спусковой крючок будет отпущен, то курок перехватывается шептальным выступом спускового крючка.

Опытный 7,62-мм автомат
АБ-46

Спусковой механизм допускает ведение одиночного огня и очередями. Предохранитель-переводчик режима огня флажкового типа расположен с правой стороны оружия на рукоятке управления перед спусковым крючком. На последних образцах автоматов был укорочен на 100 мм ствол и флажок предохранителя-переводчика перенесен на левую сторону оружия в положение, удобное для воздействия на него большим пальцем правой руки.

Прицельными приспособлениями являются регулируемая мушка, защищенная от внешнего воздействия кольцевой оправой, и секторный прицел.

На испытаниях автомат был представлен в двух вариантах: с деревянным прикладом – для вооружения стрелковых подразделений и с откидным, укладываемым на правую сторону оружия, рамочным плечевым упором для вооружения специальных и воздушно-десантных войск.

Основные характеристики

Вес с магазином без патронов, кг	4,5
Длина, мм	945
Длина ствола, мм	510
Прицельная дальность, м	800
Начальная скорость пули, м/с	750
Темп стрельбы, выстр./мин.	600
Емкость магазина, патр.	30

ИРАКСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ

Украинский офицер миссии НАТО рассказывает...

Благодаря стараниям СМИ многие локальные конфликты или миротворческие операции видятся как сплошной боевик. Увы, на самом деле будни для любого их участника состоят из множества менее захватывающих, хотя вполне интересных событий.

На суд читателей представляются заметки украинского офицера, который в 2008 году в составе миссии НАТО имел возможность лично наблюдать за событиями в Ираке. Автор подчеркивает, что он не ставил перед собой цель дать полную политическую и военную оценку происходящего внутри и вокруг Ирака или же провести анализ действий войск на всех уровнях, а ограничился доступной ему информацией, личными наблюдениями, размышлениями, описанием встреч и событий.

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Прежде чем рассказать о натовской миссии, в составе которой мне довелось работать, нельзя не коснуться «украинской страницы» военного присутствия в Ираке (как известно, ныне украинский миротворческий контингент уже выведен).

Если не учитывать очень интенсивный в прошлом уровень военного и военно-технического сотрудничества между Ираком и Советским Союзом, то нынешние события на Ближнем Востоке самым непосредственным образом затронули Украину в 2003 году. Тогда стала очевидной неминуемость очередной военной кампании в регионе. Для США в то время было очень важно получить международную поддержку готовящейся военной операции, в том числе и путем направления в регион военных контингентов из других стран.

Украина до этой войны также поддерживала тесные отношения с Ираком, прежде всего в вопросах торговли, причем годовой товарооборот составлял очень значительную сумму. Начало военных действий было нежелательным для украинской стороны, прежде всего по экономическим мотивам.

Между тем были и веские причины, вынудившие украинское руководство принять участие в иракских событиях: обвинения по поводу якобы имевших место поставок станций радиотехнической разведки «Кольчуга» в Ирак, проблемы во взаимоотношениях с США, другими странами. Необходимо также было заручиться поддержкой Запада в реализации планов по интеграции в НАТО. Одним словом, тогдашнее украинское руководство находилось в достаточно непростых отношениях с Соединенными Штатами и искало аргументы для их нормализации.Кроме того, была надежда получить часть контрактов и финансовых средств на восстановление разрушенного войной Ирака, а также освоить часть иракского рынка.

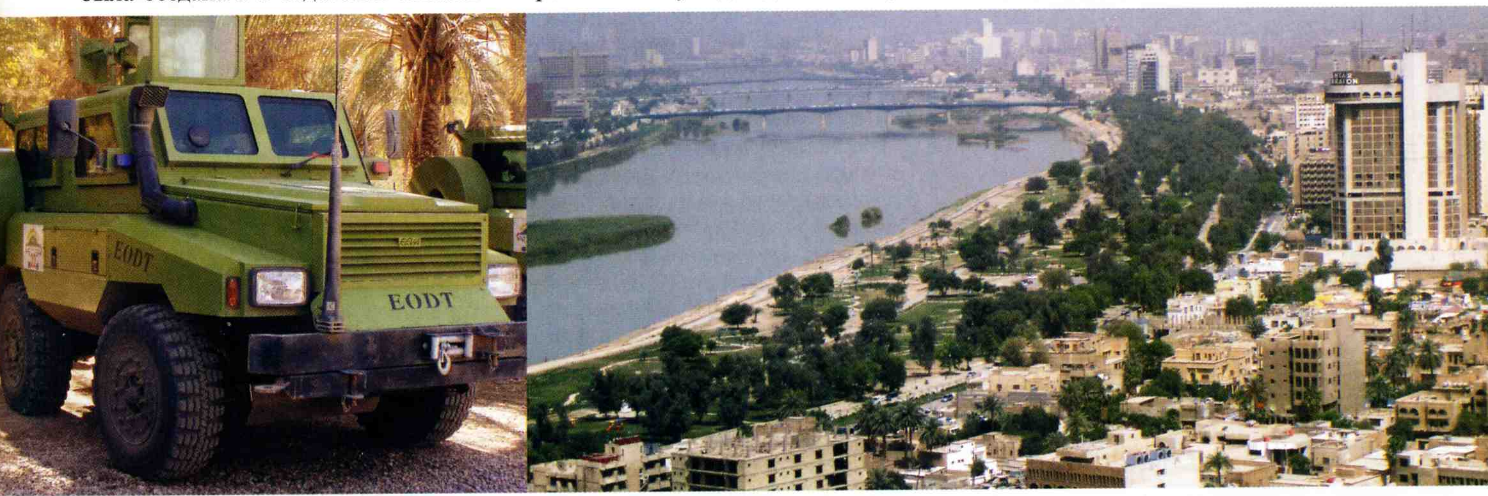
Этому решению предшествовали долгие колебания властных структур, весьма трудный законодательный процесс по этому вопросу в парламенте. Изначально Украина осуждала необходимость силового решения иракской проблемы. Но в «новых политических условиях» признала целесообразной отправку миротворческого контингента в Ирак. Причем уже после окончания активных военных действий, когда территорию страны оккупировали американские и английские войска.

ПОЧЕМУ ТЕРЯЛСЯ БОЕВОЙ ОПЫТ

Первым шагом стало формирование и направление в Кувейт батальона радиационной, химический и бактериологической защиты. Это было достаточно рациональное решение, так как батальон изначально не был предназначен для участия в активных боевых действиях, но в то же время выполнял функции демонстрации флага, готовности защиты местного населения от возможного применения ОМП и одновременно косвенной поддержки войск антииракской коалиции.

Затем на повестку дня стал вопрос направления в Ирак механизированной бригады. Район дислокации был выбран, на первый взгляд, удачно. Бригаду направили в провинцию Васит, имеющую около 900 тыс. населения, большинство которого – шииты. При Саддаме Хусейне практически все руководство страны было представлено суннитами, что делало жителей этой провинции практически бесправными. Поэтому предполагалось, что у шиитов нет оснований противостоять иностранному военному контингенту.

Для участия в иракских событиях была создана 5-я отдельная механизированная бригада. «Национальный миротворческий опыт» на то время предусматривал отправку не штатных подразделений или частей, что соответствует мировой практике, а формирование временных структур. Конечно, тому были причины: отсутствие на тот момент частей, полностью укомплектованных контрактниками, а отправка солдат срочной службы в зону боевых действий могла привести к негативному общественному мнению.

Главный минус был в том, что после ротации личный состав убывал в свои части, многие контрактники увольнялись, полученный опыт терялся. Штатные подразделения после их вывода были бы качественно подготовленными формированиями с практикой участия в боевых действиях и миротворческих операциях и опытом взаимодействия с иностранными воинскими контингентами, что способствовало бы адаптации к международным стандартам. В дальнейшем предусматривались подготовка и отправка уже штатных формирований, однако все ротации в Ирак проводились по «старому образцу»...

Уже при передислокации подразделений бригады был выявлен ряд просчетов. Широкий резонанс получили события, связанные с неудовлетворительной подготовкой бронетанковой техники бригады к отправке, а также с уровнем обученности личного состава в ее эксплуатации. Во время следования к порту погрузки на некоторых бронетранспортерах вышли из строя шины, которые пришлось срочно менять.

Последующее расследование выявило проблемы с нецелевым использованием финансов, выделенных на подготовку миротворческого контингента, с качеством обмундирования и обуви для действий в условиях жаркого климата, надежностью средств индивидуальной защиты и т.п. В результате произошла смена ряда руководителей внутри военного ведомства, формулировка причин ухода которых была связана с недостатками в подготовке миротворческого контингента.

Ввод бригады на территорию Ирака осуществлялся при помощи военнослужащих американского контингента. Они оказали содействие на начальном этапе пребывания наших войск: охраняли и сопровождали колонны бригады, передавали боевой опыт с учетом местных особенностей.

НАДЕЖДЫ НА СПОКОЙСТВИЕ НЕ ОПРАВДАЛИСЬ

Бригада вошла в состав многонациональной дивизии «Центр-Юг» коалиционных сил в Ираке под командованием польского генерала. Среди его заместителей – генерал от украинской стороны. Задачами бригады были: урегулирование ситуации в зоне ответственности, обеспечение безопасности и стабильности, создание условий для функционирования местного правительства, восстановления экономики, социальной инфраструктуры, оказание помощи местному населению. В обязанности подразделений входили также охрана наиболее важных объектов, патрулирование, сбор разведданных об обстановке в провинции, набор и подготовка личного состава иракских подразделений территориальной обороны и пограничной полиции, разминирование местности, несение службы на блокпостах.

Основной угрозой для украинских миротворцев была деятельность в провинции членов партии Баас, «Федаинов Саддама», военнослужащих упраздненных «старой» регулярной армии и представителей спецслужб Ирака, которые организовывались в отряды, а также наиболее радикальной исламской организации – движения Аль-Садра и его военизированного крыла «Армия Магди». Возросла активность спецслужб соседнего Ирана. Цель их деятельности понятна – дестабилизация обстановки в стране и отвлечение внимания США от Ирана.

Надежды на спокойную обстановку в провинции Васит оказались напрасными. Только на протяжении сентября–декабря 2003 года в зоне ответственности 52-го отдельного механизированного батальона было обнаружено 10 взрывных устройств, совершено три вооруженных нападения на патруль и конвои батальона. Например, 28 октября 2003 года группа украинских военнослужащих в составе 14 человек на двух бронетранспортерах БТР-80 во время патрулирования попала в засаду. Под бэтээрами были подорваны три фугаса, после чего нападавшие открыли огонь из четырех РПГ и стрелкового оружия. В результате семь военнослужащих получили ранения, оба бронетранспортера были повреждены.

Позже украинский контингент

принимал участие в противостоянии с местными жителями, которые организовали массовые беспорядки в городе Эль-Кут. 12 января 2004 года приблизительно тысяча местных жителей, в основном безработных, приняли участие в манифестации с требованием создать рабочие места и повысить зарплату. Манифестанты были крайне агрессивны: после выкриков и угроз в адрес иракских полицейских и украинских миротворцев в них полетели камни, а потом ручная граната. Ранения получили несколько человек, включая иракских стражей порядка. Последние открыли ответный огонь. Волнения продолжались три дня. В результате погибли три человека, трое иракцев были ранены, а девятнадцать задержаны. Пятеро иракских полицейских тоже получили ранения.

В указанных событиях приняли участие два взвода военной полиции и другие подразделения украинского контингента. Специальные средства, в частности слезоточивый газ, солдаты не применяли. «Проамериканский город в Ираке взбунтовался», — так прокомментировала события американская газета Christian Science Monitor.

Несколько ранее, вечером 8 января, был предотвращен обстрел базового лагеря 52-го отдельного механизированного батальона возле иракского города Эс-Сувайра. Дежурная служба своевременно выявила недалеко от лагеря автомобильную технику неизвестных, которые занимали исходную позицию для стрельбы. Учитывая полученные накануне оперативные данные об угрозе обстрела лагеря, командир батальона принял решение открыть предупредительный огонь из автоматических гранатометов АГС-17. После первых взрывов неизвестные скрылись.

Пребывание в чужой и жаркой (в прямом и переносном смысле) стране выявило ряд особенностей совершения маршей и применения техники. Так, во избежание попадания в засаду необходимо совершать марш подразделений на максимально возможной скорости — 75—80 км/ч. Американские конвои передвигаются еще быстрее. Большинство задач, которые необходимо было выполнять ночью, требовали современной техники, особенно наличия приборов ночного видения и ночных прицелов, осветительных устройств.

Сильное влияние оказывала жара — поверхность асфальтовых дорог нагревается до 90 градусов. Естественно, возникают повышенные эргономические требования к технике и ее способности работать без перегрева. А попадание в засаду при следовании на бронетранспортерах (огонь, как правило, велся с очень близкого расстояния) вновь заставило задуматься над вопросами надежности техники и защиты личного состава. Поэтому предпринимались меры по повышению защиты подразделений во время передвижения и марша. После изучения захваченных образцов радиоуправляемых взрывных устройств из Украины оперативно доставили необходимые станции радиопомех и установили на машинах, которые сопровождают конвои.

ОТ ВОЕННОГО КОНТИНГЕНТА – К «СМЯГЧЕННОМУ» ПРИСУТСТВИЮ

Вывод украинского миротворческого контингента из Ирака по-разному оценивался экспертами, политиками, военными и журналистами. Одни говорили об уходе Украины из Ирака как о безусловно положительном факте, другие сожалели, что теперь не будет возможности приобретать боевой опыт, а третьи сетовали на проблематичность дальнейшего продвижения украинских бизнес-интересов в Ираке без «силовой поддержки»...

Как бы то ни было, но через Ирак последовательно прошли 5-я, 6-я и 7-я отдельные механизированные бригады и 81-я тактическая группа (формирование примерно батальонного уровня). Что касается уровня безопасности в провинции Васит, то можно сказать, что на протяжении двух лет пребывания украинским военным удавалось удерживать ситуацию под контролем. На момент вывода 81-й тактической группы из зоны ответственности обстановка в провинции была стабильная. Специалистами были подготовлены 3-я пехотная бригада иракских сил безопасности, силы полиции провинции Васит, а также бригада «Васит» иракской пограничной полиции. Итогом этой работы стало то, что была проведена сертификация всех подготовленных подразделений, им была предоставлена возможность выполнять поставленные задачи. А 3-я пехотная бригада иракских сил безопасности приняла на себя полномочия обеспечения безопасности в бывшей зоне ответственности украинского миротворческого контингента. Можно добавить, что только отделом поддержки правительственных структур 81-й тактической группы было реализовано около 50 проектов по восстановлению социальной и материальной инфраструктуры провинции Васит на общую сумму около 3 млн. долларов.

В то же время нужно понимать, что организация бизнеса в таком нестабильном регионе, как Ирак, требует государственного подхода, поскольку ни один бизнесмен не рискнет ехать в страну, где ежедневно гремят взрывы и гибнут люди. Этот вопрос необходимо было изначально рассматривать на уровне государственного руководства Украины.

Украинский контингент, как известно, покинул Ирак вскоре после прихода к власти Виктора Ющенко. Но желание «смягчить» факт ухода привело к направлению в страну нескольких десятков украинских офицеров и прапорщиков уже в качестве миротворческого персонала, которые в коалиционных силах заняли должности в органах управления различного уровня. Также в настоящее время украинское участие в иракских событиях имеет форму наличия миротворческого персонала в составе Тренировочной миссии НАТО в Ираке (в ее составе и был автор этих строк).

Справка «СУ»

Во исполнение указа президента Украины от 30 ноября 2005 года № 1675/2005 43 военнослужащих из состава украинского миротворческого персонала с 20 декабря 2005 года начали выполнение миротворческих задач в Республике Ирак. Значительная часть украинских военнослужащих входит в состав многонациональной дивизии «Центр-Юг», штабы которой дислоцируются в городах Эд-Дивания и Эль-Кут, остальные выполняют задачи в составе Тренировочной миссии НАТО и штабов Многонациональных сил и Многонационального корпуса в Багдаде.

Условия по-прежнему оставались опасными и для украинских миротворцев. Так, 17 июля 2006 года в результате подрыва антикоалиционными силами фугаса были ранены два украинских офицера, из них подполковник С. Клобилин — тяжело...

КАК ИЗБАВИЛИСЬ ОТ «ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ» МИРОТВОРЦЕВ

Думаю, в связи с вышеизложенным читателю прежде всего будет интересно получить представление о реалиях отбора, подготовки и направления офицеров украинской армии для прохождения службы в миротворческих миссиях или многонациональных штабах. Тем более, сейчас это уже стало нормой, так как в числе приоритетов для страны названы задача вступления

в НАТО и расширения участия Украины в миротворческих операциях и работе многонациональных штабов.

В военной среде существует устойчивый стереотип, что обычному офицеру из войск практически нереально «просто так» быть направленным в заграничную командировку, например в ту же Миссию ООН. Действительно, до недавнего времени это имело под собой определенную основу. Прежде всего, высокие требования к языковой и другим видам подготовки кандидатов объективно суживали количество желающих.

Однако существовало также много субъективных факторов, которые ограничивали возможности кандидатов даже с высокими профессиональными и моральными качествами. Например, субъективное принятие кадровых решений командирами и начальниками или желание тех или иных дельцов в погонах получить «дивиденды» от стремления офицера попасть в миротворческие миссии. В результате длительное время существовала странная ситуация, когда некоторые офицеры превратились в «профессиональных» миротворцев. Это те, кто имел необоснованно большое количество долгосрочных заграничных командировок и одновременно достаточно редко занимал ответственные должности в вооруженных силах своей страны.

Именно поэтому министром обороны (в то время – Анатолий Гриценко) был принят ряд решений, которые сделали процедуру отбора миротворческого персонала прозрачнее и доступнее для офицеров украинской армии. Главное нововведение заключалось в том, что по возвращении из долгосрочной командировки за границу (с учебы или из миротворческой миссии) офицеру следует прослужить еще около пяти лет, прежде чем он получает право быть направленным на продолжительный срок за границу повторно. Другое требование заключается в необходимости отбора и подготовки нескольких кандидатов на одну должность и их рассмотрение на конкурсной основе.

Прежде всего, будущий миротворец должен владеть английским языком в соответствии со стандартом STANAG на уровне, по меньшей мере, «2222». На настоящее время это вполне достижимый уровень, ведь в вооруженных силах Украины на базе высших военных учебных заведений и учебных центров функционируют 16 постоянно действующих курсов по изучению иностранного языка длительностью 4–6 месяцев. Также кандидату следует сдать зачет по физической подготовке. Нормативы – в соответствии с действующим наставлением по физической подготовке, но, к сожалению, даже они становятся преградой для некоторых военных...

ДРУГАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Она заключается в том, что Департаментом миротворческих операций ООН определены четкие критерии требований для тех офицеров, которые могут быть направлены на должности, например, военных наблюдателей ООН. Они не являются тайной и приведены в официальных изданиях этой международной организации. Их перечень достаточно значительный и занимает несколько страниц. Но некоторые из них мы все же перечислим.

Итак, ООН разрешает пребывание на должностях офицеров-наблюдателей как мужчин, так и женщин, которые проходят действительную военную службу в своей стране на должностях

офицеров по меньшей мере пять лет (кстати, в ВС Украины теперь проходит службу военнослужащая-женщина, которая выполняла задачи наблюдателя в составе Миссии ООН в далеком Конго). Звание наблюдателя – преимущественно капитан или майор, но подполковникам и полковникам также есть место в составе миротворческих миссий. Офицеры в звании бригадный генерал или генерал-майор, как правило, возглавляют подразделения военных наблюдателей той или другой миссии. Возраст наблюдателя – от 25 до 50 лет.

Другое существенное требование – иметь отличное состояние здоровья, быть в хорошей физической форме. Это связано с необходимостью длительного пребывания в районах с тяжелыми климатическими условиями, в ситуациях, связанных с риском для жизни, а также преодолевать большие расстояния в пешем порядке, проводя патрулирование или расследование в районах, где любые дороги отсутствуют вообще.

Среди других профессиональных требований – обязательный опыт службы как в войсках, так и на штабных должностях, знание основ организации и тактики действий пехотных подразделений, опыт применения вооружения разного типа, а также умение обнаруживать и идентифицировать любые образцы военной техники сухопутных войск, авиации и флота.

Высокие требования также касаются вопросов военной топографии, в том числе с использованием аппаратуры космической навигации GPS, организации связи. На первый взгляд, все это не должно быть чем-то таинственным для офицера украинской армии, который имеет соответствующую подготовку. Но эти требования основаны на процедурах армий западных стран. Потому и карты, и системы координат, и ведение радиообмена, и работа с документацией – все это на первом этапе было для нас достаточно необычным. Не менее высокие требования предъявляются и к другим офицерам, убывающим служить за границу в многонациональные штабы.

Не случайно на базе Центра подготовки офицеров многонациональных штабов Национальной академии обороны Украины уже несколько лет подряд проводится набор на всевозможные курсы по подготовке военных наблюдателей ООН и офицеров для многонациональных штабов. Хотя эти курсы и краткосрочные, но несколько недель интенсивных занятий дают офицерам необходимый минимум знаний и умений для службы в «горячих точках». Преподавание на курсах ведется исключительно на английском языке. Слушатели во время практических занятий обязаны общаться между собой или с преподавателями на официальном языке будущей миссии.

ЗДРАВСТВУЙ, НЕАПОЛЬ!

Теперь перейду непосредственно к своим впечатлениям. Как уже упоминалось, мне довелось работать в Ираке под «крышей» Тренировочной миссии НАТО («NTM-I»). Она является отдельной миссией, которая организована и осуществляется НАТО с целью подготовки и оснащения иракских силовых структур, а также их органов военного управления. Миссия относительно автономна, и ее не следует путать с войсками коалиции. В то же время задачи Тренировочной миссии НАТО в Ираке хотя и не являются боевыми, но выполняются в боевых условиях. Офицеры этой структуры работают советниками при руководстве иракских органов управления стратегического уровня, преподают в военных вузах, выезжают в различные места для организации и проведения командно-штабных учений, курсов, тренингов и т.п.

Командование НАТО серьезно относится к уровню готовности офицеров альянса, направляемых в Ирак, выполнять свои обязанности. Поэтому среди прочих мероприятий предусмотрена их непродолжительная подготовка на базе Объединенного командования НАТО в Неаполе, к компетенции которого отнесено участие альянса в разрешении иракской проблемы.

...Неаполь встретил прибывших из украинской зимы офицеров почти летней погодой, висящими на придорожных деревьях лимонами и апельсинами и прочими атрибутами города Средиземноморья. Нет смысла описывать все интересные моменты из жизни этого, по-своему уникального, города, так как все это вполне доступно на туристических сайтах. Но на функционировании одного из ведущих натовских штабов стоит остановиться особо. Прежде всего, на это Объединенное командование возложено проведение трех операций: в Косово, в Ираке (в части выполнения задач, касающихся НАТО, вновь прошу не путать с действиями коалиционных сил), а также антитеррористической операции НАТО «Активные усилия».

Сам курс непосредственной подготовки включал лекции и другие занятия практически по всем вопросам, связанным с событиями в Ираке: ситуация в регионе, характеристика текущего состояния иракского конфликта, тактика действий боевиков, угрозы личному составу, правовые аспекты действий коалиционных сил и работы персонала NTM-I, задачи и процедуры работы в миссии НАТО, различные аспекты быта, медицинского обеспечения и прочее. Помимо этого, проводились дискуссии по группам, где обсуждались вопросы будущей работы, исходя из специализации каждого.

В Неаполе никто с нами перед отправкой в Ирак не занимался «военным мазохизмом». Натовцы даже не поинтересовались, у всех ли есть бронежилеты и прочие средства защиты, подразумевая, очевидно, наличие благоразумия у самих убывающих. По традиции, унаследованной от Советской Армии, у нас с личным составом, убывающим в зону боевых действий, уже бы провели с десяток строевых смотров...

Сам штаб Объединенного командования представляет собой обширный комплекс зданий и различных сооружений, расположенных на окраине города. Прямо из окон кабинетов открывается шикарный вид на море. Нам сразу бросились в глаза усиленные меры безопасности (посты и

патрули карабинеров, инженерные заграждения, пропускной режим и т.д.) Все это напоминало о том, что данный орган управления НАТО проводит реальные операции в трех «горячих» регионах мира. Хотя достаточно продуманные меры предосторожности тоже дают сбои. Например, при въезде нашего автобуса, заполненного офицерами из различных армий, через КПП его дежурный поднялся в салон, попросил предъявить документы и, не отходя от двери, сделал вид, что увидел все их содержимое. Если бы это произошло на КПП генерального штаба какой-нибудь из армий на территории СНГ, то, готов спорить, незадачливого дежурного уже бы сняли с наряда и «потащили» для разбирательства.

В здании, где проводили занятия с нами, этажом ниже располагался местный военный оркестр. Интересно было наблюдать, а вернее, слышать его репетиции, длившиеся с утра до вечера, тем более что играли не только военные марши, но и серьезную классику. Вдвойне было приятно услышать исполнение ими «Подмосковных вечеров». По моим наблюдениям (мнение, безусловно, субъективное), музыканты военных оркестров на просторах СНГ, мягко говоря, не любят себя так утруждать, обычно разбегаясь по своим делам после непродолжительных репетиций.

Благоприятное впечатление производит повседневная жизнь этого натовского штаба. У большинства военнослужащих и гражданских специалистов – размеренный ритм жизни и регламентированный рабочий день. К 5–6 часам вечера к КПП направляется длинная вереница машин спешащих домой военнослужащих. Естественно, что нет никаких «психозов» и задач «к утру», за исключением работы дежурной смены, занимающейся вопросами текущих операций...

О ТОМ, ЧТО ТРЕБУЕТ МОЗГОВ, А НЕ ДЕНЕГ

Особое место занимает социальная составляющая жизни военнослужащих и членов их семей. Учитывая многонациональный состав штаба, прямо на территории военной базы работает англоязычная школа. К услугам военных – многочисленные магазины. Привлекает большой выбор различных культурных мероприятий, как правило, неформального уровня – например, так называемые семейные клубы поддержки и многое другое. Причем каждая страна НАТО, делегировавшая в Неаполь своих представителей, старалась предложить своим соотечественникам что-то свое, национальное. Идешь по коридору административного здания и видишь на дверях таблички: «Британский семейный клуб», «Капеллан», «Старший представитель от бундесвера», «Туристическое агентство для военнослужащих» и т.п.

В гостинице вместе с нами располагались еще с полсотни офицеров из разных стран. Всем им вскоре предстояло убытие на войну в Ирак. Поэтому вдвойне интересно было наблюдать их досуг, благо свободного времени было предостаточно. По неписаным традициям бывшей Советской Армии в таких случаях наши «господа офицеры изволили сильно пить», собираясь по номерам и затягивая это удовольствие до глубокой ночи. Что и наблюдалось преимущественно у выходцев из стран бывшего Варшавского договора. Натовцы тоже пили, но обычно не по номерам, а чинно собравшись у стойки бара и растягивая на весь вечер лишь пару кружек пива или рюмок более крепких напитков, просто общались. Также они предпочитали посиделкам «со стаканом» выходы в город для осмотра местных достопримечательностей и занятия спортом. Это к разговору о том, чем мы отличаемся друг от друга.

Почему автор акцентирует внимание на некоторых бытовых и прочих мелочах? По большому счету, служба многих военных профессионалов состоит не только из поездок в «горячие точки» и выходов «на боевые». Что ни говори, остается время и для будней, проходящих в различных гарнизонах. Никто не идеализирует западные армии, но у них также есть положительные моменты, достойные быть взятыми на «вооружение». Мы не говорим о различном уровне финансирования, но ведь есть вещи, требующие мозгов, а не денег. Доброжелательное и уважительное отношение к офицерам и их семьям (а в последнее время – и к контрактникам), создание для них соответствующей атмосферы военной службы – проблема больше нравственная и организационная, чем финансово-материальная...

(Продолжение следует)

Вышла книга «МАЛАЯ ВОЙНА. АЗБУКА ВЫЖИВАНИЯ».
Желающим приобрести предлагаем направлять заявки по адресу: 109507 Москва, а/я 41 или e-mail: localconflict@yandex.ru. Цена с учетом доставки 100 рублей.

Михаил БОЛТУНОВ

ДИПЛОМАТЫ В ПОГОНАХ

Почти 200 лет служат во славу России военные агенты, военные корреспонденты, атташе

(Продолжение. Начало в № 1)

Следует отметить и тот факт, что накануне русско-турецкой войны 1877–1878 годов военная разведка использовала не только официальные «гласные» источники. Этого требовала предвоенная обстановка.

В 1875 году против турецкого засилья выступили народы Боснии и Герцеговины, вслед за ними поднялись жители Сербии, Черногории, Македонии.

Весной 1876 года пламя борьбы перебросилось в Болгарию. Турки ответили жесточайшим террором. Они подавили национальное движение в Боснии и Герцеговине, утопили в крови восстание болгар во главе с Христо Ботевым.

Россия сама находилась в крайне сложном положении. После поражения в Крымской войне в армии и во флоте оставалось много нерешенных проблем, не были завершены военная реформа, перевооружение, чувствовалась острая нехватка хорошо подготовленных солдат-резервистов.

Министерство иностранных дел Российской империи пыталось дипломатическими методами добиться облегчения положения христианских народов на территории Турции. Однако этого не удалось сделать. Султан отверг проект автономии некоторых провинций в Болгарии, в Боснии и Герцеговине. Стало ясно – война на пороге.

Российская империя развернула в Бессарабии части действующей армии. В случае войны эти войска должны были вынести основную тяжесть боев. Сложностей немало. Однако особенно остро ощущалась нехватка свежей, а главное, регулярной разведывательной информации, как сугубо военного, так и военно-политического характера. Командующий группировкой Великий князь Николай Николаевич желал четко представлять дислокацию гарнизонов турецких войск на территории Болгарии, их вооружение, численный состав, фортификационные сооружения.

Для этого следовало заслать в одну из близлежащих к Болгарии стран своего человека. Однако миссия столь сложна и ответственна, что великий князь был в раздумьях.

Выбор пал на офицера по особым поручениям полковника Петра Паренсова. Он вскоре исчез из Ставки, зато в Румынии у российского консула в Бухаресте барона Стюарта появился «родственник», прибывший из Кишинева.

Первым делом Петр Дмитриевич (а теперь Пауль Паульсон) заводил нужные знакомства, наносил визиты известным в столице людям, кутил, был щедр и участлив. Словом, вел себя, как богатый родственник консула, не обремененный службой и заботами. На самом деле Паренсов подбирал себе помощников, изучал обстановку.

Вскоре агентурная сеть Петра Дмитриевича состояла из разных по своему положению людей. В их числе был, к примеру, как местный староста Матюшев, так и крупный зерноторговец и банкир Евлогий Георгиев. Всех их объединяло одно – они любили свою попранную Родину, были патриотами Болгарии.

Матюшевские агенты следили за передвижением турецких судов по Дунаю. Братья Христо и Евлогий Георгиевы держали склады по всей Болгарии. Их торговые агенты мотались по стране, доставляя ценную информацию, а также вместе с зерном везли

в Румынию и разведсообщения для Пауля Паульсона. Вскоре эти сообщения попадали в Ставку русских войск в Бессарабии.

Сам Паульсон тоже был человеком беспокойным, не засиживался подолгу в столице. То и дело пересекал Дунай, объясняя туркам, что вынужден посетить могилу своего родственника. Паренсов понимал, вскоре нашим войскам придется форсировать Дунай, и потому сам проводил рекогносцировку местности, изучал, уточнял береговые позиции турецкой армии.

Когда 15 июня 1877 года передовой отряд под командованием генерала Гурко пошел на форсирование Дуная, у командующего были все необходимые сведения о противнике. В успехе отряда Гурко несомненно есть большая доля труда одного из первых наших военных разведчиков-нелегалов Петра Дмитриевича Паренсова.

Управляющий Военно-ученым комитетом генерал Н. Обручев так оценил работу полковника Паренсова. «Никогда еще, – восхищался генерал, – данные о турецкой армии не были столь тщательно и подробно разработаны, как перед минувшей войной: до местонахождения каждого батальона, каждого эскадрона, каждой батареи...»

Остается добавить, что после войны и освобождения Болгарии русский военный разведчик Петр Паренсов стал военным министром этой страны. На базе ополченских отрядов он сформировал болгарскую армию, открыл военное училище.

Несмотря на одержанную победу, после русско-турецкой войны 1877–1878 годов становится ясно, как писал управляющий Военно-ученым комитетом: «...политические осложнения, вызванные последней войной, обнаружили, что при настоящем своем устройстве комитет не может вполне удовлетворительно отвечать этой задаче». Речь шла, разумеется, о разведке. Были разработаны предложения по увеличению штатов руководящего органа разведки. Но военный министр рекомендовал «при теперешнем требовании от всех ведомств сокращения расходов», наоборот, уменьшить штат. К счастью, на военном совете удалось отстоять предложения об увеличении числа делопроизводителей.

Выросло количество сотрудников и в Азиатской части, но и задачи выросли многократно «в связи с развитием наших азиатских окраин» и «периодическим осложнением в сопредельных с нами государствах». Теперь уже делопроизводители Азиатской части должны были не только «снаряжать военно-ученые и другие экспедиции», но и заниматься «сбором и обработкой сведений о вооруженных силах азиатских государств». В их обязанности входили и «сношения с военными агентами» в этих государствах.

Таким образом, роль Азиатской части под воздействием военно-политических факторов постоянно росла, становилась весомее. И это вполне соответствовало духу времени. Ведь на Дальнем Востоке между Японией и Китаем назревал конфликт, в который могли вмешаться и европейские государства.

Революционные ветры в Японии разрушили вековую изоляцию страны от остального мира и пробудили воинствующие силы самураев. В 1847 году Япония попыталась захватить Тайвань.

Военно-политическая обстановка осложнилась. Для России она осложнилась в особенности. На всех театрах военных действий – в Европе, Азии, и особенно на Дальнем Востоке, – империи нужны были сильные армия, флот, а вместе с ними – эффективная военная разведка.

До 1885 года в военно-морском флоте разведкой руководила канцелярия Морского министерства. Однако в этом году был восстановлен Главный морской штаб. В штатное расписание штаба вошел Военно-морской отдел. Именно на него и возложили обязанности по сбору сведений об иностранных флотах. В ведении отдела находились и военно-морские агенты России.

В армии до конца XIX века зарубежной стратегической разведкой ведали два органа – Военно-научный комитет и Азиатская часть Генерального штаба. Только в 1900 году в штат Главного штаба включена генерал-квартирмейстерская часть, состоящая из статистического и оперативного отделений. Теперь функции Азиатской части были переданы статистическому отделению.

Что же касается зарубежных сил генерал-квартирмейстерской части, то основные надежды возлагаются на тех же военных агентов.

Правда, здесь надо сделать некоторое отступление. В 1892 году была предпринята попытка укрепить зарубежные силы, расширить их круг.

Помните артиллерии поручика Петра Христофоровича Граббе, который в далеком 1810 году под видом канцелярского служащего при русской дипломатической миссии был послан в Мюнхен? С тех пор прошло более 80 лет. Не знаю, помянули ли добрым словом Петра Христофоровича нынешние министры военного ведомства, внутренних дел и помощник министра иностранных дел, но по итогам своей встречи они выпустили протокол. Главное в этом протоколе было то, что высокие чиновники возвратили к жизни идею возрождения негласных военных агентов – специально отобранных офицеров.

Вскоре первые негласные военные агенты выехали за рубеж секретарями: в консульство в Кенигсберг – штабс-капитан Нолькен, в Будапешт – Генерального штаба капитан Муравьев-Амурский и в Дрезден – штабс-ротмистр Миллер.

Казалось бы, ничто не может помешать начать успешную работу во благо разведки этим трем офицерам. Но, увы. Многие детали и тонкости службы негласных военных агентов не были продуманы.

Во-первых, все эти люди заняли весьма низкие должности секретарей консульств. А ведь на родине, в России, они принадлежали к высшим слоям общества. Штабс-капитан Нолькен был бароном, Генерального штаба капитан Муравьев-Амурский – графом. Они получили прекрасное образование, воспитание, окончили элитные военные учебные заведения. Мало того, что подобное назначение больно било по самолюбию, ущемляло их сословное положение, но назначение таких людей не могло ускользнуть от внимания контрразведки.

Во-вторых, отсутствовал опыт тайного внедрения военных агентов на эти должности. На первый взгляд, нет ничего особенного в том, что, уволившись с военной службы, отставной офицер подает рапорт на имя министра иностранных дел. Но, как известно, это был «особый отставник». И о нем сообщалось послу, но почему-то не секретной диппочтой, а обычным письмом. Естественно, такой пакет попадал в руки контрразведки, и они были готовы во всеоружии встретить подобного «секретаря».

Были и другие несуразности и просчеты. Так, секретарем консульства в Чифу, в Китай, в 1896 году прибыл полковник Десино. А вместе с ним приехал и помощник в звании поручика. Вот так секретарь консульства!

Естественно, под штатским платьем мелкого клерка китайцы быстро разглядели погоны. Десино неоднократно жаловался своему руководству, что окружающие уверены в том, что он военный агент, а порой и напрямую обращаются к нему по званию.

Таким образом, толковая, перспективная идея – внедрение в зарубежные страны негласных российских военных агентов – из-за плохой проработки была попросту дискредитирована. В конечном итоге Нолькена, Муравьева-Амурского и Миллера отозвали, а Десино назначили гласным военным агентом.

Разумеется, для сбора разведывательной информации использовались возможности различных научных экспедиций. Примером тому – экспедиции известного русского путешественника, почетного члена Петербургской академии наук полковника, а потом и генерал-майора Николая Михайловича Пржевальского. Он руководил экспедицией в Уссурийский край и еще несколько раз выезжал в районы Центральной Азии. Из каждой поездки привозил ценные коллекции растений и животных, докладывал о географических открытиях. Однако Пржевальский всегда оставался прежде всего человеком военным, понимающим важность разведданных. Его описание Эрзерумского вилаета очень помогло при планировании армейских операций на этом театре военных действий.

Кроме военно-научных экспедиций офицеры командируются за границу с конкретными разведывательными задачами. Такую задачу, к примеру, получил генерал-майор Алексей Куропаткин, кстати, будущий военный министр. В 1886 году он был направлен с секретной миссией для сбора разведданных о турецких позициях на Босфоре. Заграничный паспорт ему выписали на имя Александра Ялозо. Официально он занимался самой прозаической деятельностью – закупкой скота.

О своем рискованном путешествии Алексей Куропаткин рассказал в книге «Семьдесят лет моей жизни».

Однако надо признать, что все эти разведмероприятия носили временный, нерегулярный, одноразовый характер и были ориентированы на решение конкретной локальной разведзадачи. Системность в те годы просматривалась в работе, пожалуй, только одной категории специалистов – гласных военных агентов, а их обязанности охватывали комплекс задач, столь необходимых и важных для вооруженных сил страны.

Так, в «Инструкции военным агентам», утвержденной военным министром в 1880 году, предписывалось: «Изучать состав и комплектование вооруженных сил; организацию и численность по мирным и военным штатам; расположение их и способы мобилизации и сосредоточения, устройство материальной и хозяйственной части, обеспечение вооружением, ремонтами, обозом, провиантом и фуражом; тактическое обучение войск, развитие военного образования в армии... бюджет государства, и особенно военный...»

В «Инструкции...» говорилось о методах разведработы и конкретно «о заблаговременном приискании надежных лиц, через посредство коих можно было бы поддерживать связи со страной в случае разрыва», то есть, иными словами, на период военных действий.

Алексей Куропаткин

Безусловно, «Инструкция...» – документ важный и крайне нужный, но дело вершили конкретные люди, офицеры императорской армии и флота. Именно от них, от их умения, таланта, усердия зависели успехи или неудачи военной разведки.

Кого в те годы, в последнее десятилетие XIX века, командировали за границу в качестве военных и военно-морских агентов?

В Германии почти семь лет с 1894 года работал подполковник, а потом и полковник Павел Енгалычев, в Берлине – полковник Александр Бутаков, в Австро-Венгрии – полковник Степан Воронин, а с мая 1900 года – подполковник Владимир Рооп. В Великобритании почти полтора десятилетия, с 1891 по 1905 год, Российскую империю в качестве военного агента представлял полковник, позже генерал-майор Николай Ермолов, в Дании, Швеции и Норвегии – полковник Михаил Фон-Блом, в Италии – капитан князь Николай Трубецкой, в Греции, а потом в Турции – полковник Эммануил Калнин.

Военно-морское ведомство направило в Великобританию капитана 2 ранга Ивана Григоровича, во Францию – лейтенанта Феликса Бэра, в Турцию – лейтенанта Андрея Эбергардта, потом – капитана 2 ранга Аллана Шванка, в Германию – князя лейтенанта Александра Долгорукова.

По-прежнему сохранялась добрая традиция: военных и военно-морских агентов подбирать тщательно, продуманно, выделяя для этой ответственной работы лучших. Среди них уже не было юных «зеленых» поручиков. Средний возраст агентов 35–40 лет. За плечами как минимум десять–пятнадцать лет службы в войсках и на кораблях.

Вот морской офицер Андрей Эбергардт. До командировки в Турцию служил на Балтике, на корвете «Скобелев», на Дальнем Востоке, в составе Сибирской флотилии, состоял адъютантом управляющего Морским министерством.

После двух лет командировки за рубеж командовал канонерской лодкой «Маньчжур», крейсером I ранга «Адмирал Нахимов», эскадренным броненосцем «Император Александр II». В 1908 году назначен на высокий пост начальника Морского Генерального штаба. В 1914 году стал командующим Черноморским флотом. Член Государственного совета, член Адмиралтейств-совета, адмирал.

Его коллега – военно-морской агент в Великобритании Иван Григорович еще до назначения за рубеж успел окончить морское училище, служил на кораблях Балтийского флота, командовал монитором «Броненосец», минным крейсером «Всадник».

Возвратившись из Лондона, Иван Константинович вновь окунулся во флотскую жизнь – был начальником Порт-Артурского порта, начальником штаба Черноморского флота, морской

обороны Балтийского моря, военным губернатором Кронштадта.

В 1911 года адмирал Григорович стал морским министром Российской империи.

Многие военные агенты по возвращении на родину остались в структурах военной разведки. Степан Воронин, к примеру, вырос до начальника отделения генерал-квартирмейстерской части Генерального штаба, позже был назначен генерал-квартирмейстером Варшавского военного округа, генерал-лейтенантом. Эммануил Калнин также был произведен в генерал-лейтенанты и занимал пост генерал-квартирмейстера Одесского военного округа.

Михаил Фон-Блом сделал политическую карьеру, заседал в сенате Финляндии. Павел Енгалычев руководил Императорской Николаевской военной академией. Александр Бутаков командовал дивизией, Владимир Рооп – кавалерийским корпусом, а накануне революции 1917 года возглавлял военную миссию в США.

Вот, собственно, что известно о судьбах наших военных и военно-морских агентов. Да, они, безусловно, достойные люди, которые внесли серьезный вклад в укрепление обороны Российской империи. Но нас, в первую очередь, интересует их роль в военной разведке той поры. Что же удалось им сделать за годы, которые провели они за границей, в ведущих странах мира, по добыванию ценной информации, документов.

Надо прямо признать: многое неизвестно, большое количество материалов в революционных бурях, в пламени Гражданской войны утрачено навсегда.

Но кое-что, к счастью, дошло до нас. Например, о том, как работал в Германии военный агент полковник Александр Михайлович Бутаков. Он был весьма эрудированным, высокопрофессиональным офицером. Знал морское дело, поскольку окончил морское училище. Разбирался в тактике общевойскового боя, в оружии, технике, так как командовал ротой, батальоном, служил старшим адъютантом штаба пехотной дивизии.

Александр Михайлович знал стратегию. Николаевскую академию Генштаба он окончил по первому разряду.

В разведке Бутаков тоже был не новичком. Перед назначением военным агентом в Берлин он служил в канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба.

Важные документы удалось ему добыть в 1894 году с помощью агентуры. Среди них доклад по оценке укреплений русской армии в Польше, а также оперативное планирование по переброске частей 12-го и 17-го немецких корпусов к границе Российской империи.

Крайне ценной оказалась и докладная записка 2-го обер-квартирмейстера начальнику Генштаба Пруссии. В ней были приведены места дислокации германских войск в Восточной Европе и дана их характеристика.

Военная карьера полковника Владимира Христофоровича Роопа во многом напоминает карьеру его старшего товарища и коллеги Александра Бутакова. Владимир, окончив Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба, тоже, кстати, по первому разряду, командовал эскадроном, служил старшим адъютантом штаба гвардейской пехотной дивизии, потом был назначен в Военно-ученый комитет Главного штаба. Накопив соответствующий опыт в делах разведки, Рооп убыл за рубеж, в Австро-Венгрию. В Вене он проработал пять лет, создал тайную агентурную сеть.

Павел Енгалычев

Об одном из его агентов рассказывает австриец Макс Ронге в книге «Разведка и контрразведка». Оказывается, нашему военному агенту удалось завербовать высокопоставленного австрийского чиновника, военного прокурора ландвера Зигмунда Гекайло.

Прокурор поставлял ценные документальные материалы. Контрразведке удалось раскрыть шпиона, но тот бежал в Бразилию. Секретная служба потеряла следы Гекайло, однако он по неосторожности выдал себя – послал письмо в Австрию. Его арестовали и доставили в Вену.

Судя по всему, агентом Роопа был не один Гекайло. Ибо у австрийского прокурора вряд ли могли быть секретные чертежи полевой гаубицы образца 1899 г. А Владимир Христофорович копии таких чертежей переправил в Россию.

Успешно действовали военные и военно-морские агенты России не только в европейских странах, но и на Дальнем Востоке – в Китае, Корее, Японии. Правительство Российской империи тяжело, медленно, но тем не менее осознавало, что вооруженного столкновения с Японией не избежать. Страна восходящего солнца проводила ярко выраженную милитаристскую политику – она решила увеличить флот втрое, а армию – вдвое. И вся эта набирающая мощь военная машина была направлена против России.

В декабре 1897 года российское правительство, наконец, признало, что главные военные силы должны быть на основном на сегодняшний день ТВД – на Дальнем Востоке. Взоры российской военной разведки также были направлены на Восток.

Для обеспечения большей оперативности в 1903 году военные агенты вошли в подчинение наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке.

В объяснительной записке к «Положению военным агентам на Дальнем Востоке» подчеркивалось: «Условия политической жизни Дальнего Востока вынуждают нас иметь здесь зоркую военную агентуру...»

Каковы же были силы российской военной разведки на Дальнем Востоке?

Надо прямо сказать, они были весьма невелики. Военные агенты в Японии (Токио), в Китае (Шанхай и Чифу), в Корее (Сеул). Должность помощников тоже предусмотрели – по одному в Корее и Японии и два в Китае.

Военно-морское министерство

имело в Токио всего одного агента.

Кому же из российских офицеров доверили эти ответственные должности? С 1893 года и практически до начала Русско-японской войны в Токио работали полковники Николай Янжул, Глеб Ванновский, Владимир Самойлов. В Корее – полковники Иван Стрельбицкий, фон Раабен, временно исполнял должность военного агента подполковник Николай Потапов. В Китае находились полковники Николай Сумароков, Федор Огородников. Одиннадцать лет длилась командировка полковника, потом генерал-майора Константина Вогака. Он был военным агентом в Китае, в 1893–1896 годах работал одновременно в Китае и в Японии.

Военно-морское ведомство в Японии представляли Аллан Шванк, лейтенанты Иван Будиловский, Иван Чагин, Александр Русин.

Российские агенты традиционно имели серьезную военную подготовку, обучались в лучших военных учебных заведениях Российской империи. Так, Константин Вогак окончил Санкт-Петербургскую военную гимназию, Николаевское кавалерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба, Глеб Ванновский – Пажеский Его Величества корпус и Академию Генштаба, Александр Русин – морское училище, гидрографический отдел Николаевской морской академии, артиллерийский офицерский класс.

К руководителям разведки в те годы приходило осмысление того, что военные агенты должны не только владеть иностранными языками, быть хорошо образованными в военном отношении, иметь за плечами опыт служебной деятельности в войсках и на кораблях, но и постичь премудрости разведывательного ремесла, оперативной работы. Именно поэтому все чаще и чаще на соответствующие должности за границу назначаются офицеры, предварительно прошедшие службу в Военно-ученом комитете Главного штаба.

Примером тому – Федор Евлампиевич Огородников. Окончив три учебных заведения – Алексеевский кадетский корпус, инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба, он служил командиром роты, старшим адъютантом штаба 1-й гренадерской дивизии, потом был направлен в главное управление казачьих войск. И только в возрасте 32 лет попал в разведку – в канцелярию Военно-научного комитета.

Четыре года познавал он особенности разведдеятельности. В 1903 году Федор Евлампиевич становится профессором Николаевской академии Генерального штаба. Правда, вскоре его опыт и знания понадобились на ином поприще. Огородников возвращен в разведку и командирован военным агентом в Китай.

Подобную «стажировку» в Военно-научном комитете перед отправкой за рубеж прошли и Глеб Ванновский, и Константин Вогак.

Хотя надо признать, что такой вполне профессиональный подход к подготовке офицеров для работы за границей тогда еще не стал системным. Многих посылали без всякой подготовки прямо из войск, полагаясь на ум, сообразительность, сметку будущих военных агентов. Тот же Николай Янжул был назначен в Японию с должности начальника штаба пехотной дивизии, а Владимир Самойлов перед отъездом в Токио исполнял должность начштаба стрелковой бригады. Правда, Самойлов всю предыдущую службу провел в Приморском военном округе: командовал ротой, состоял обер-офицером при командующем войсками Амурской области, штаб-офицером при главном начальнике Квантунской области, и потому знал регион как свои пять пальцев. А вот Янжул до назначения в Японию никогда на Востоке не был, служил на юге, в Керчи, и тем не менее в Японии освоился и, несмотря на все сложности, работал достаточно эффективно.

Федор Огородников

А работа на Востоке, надо признать, в корне отличалась от работы на Западе. Иной была сама обстановка. Традиционная многовековая закрытость и отстраненность Японии, Китая от остального мира наложили отпечаток на деятельность всей государственной машины этих стран.

Печать, как главный источник добывания развединформации в Европе, совершенно выпадала из арсенала военных агентов, работающих на Востоке.

Японская пресса не публиковала никакой информации по военным вопросам. Добиться получения хоть каких-то данных официальным путем также было практически невозможно.

Еще одно немаловажное обстоятельство, которое крайне затрудняло работу военных агентов в Японии, Китае, Корее, – незнание языков. Если овладение европейскими языками – английским, французским, немецким в ту пору для офицеров не представляло никакого труда, то в совершенстве знающих японский или китайский в России были единицы.

Очень хорошо об этом сказал военный агент в Японии Генерального штаба полковник Николай Янжул в 1898 году. Его слова приводит в своей книге Михаил Алексеев «Военная разведка России» со ссылкой на материалы по работе Военно-исторической комиссии Генштаба 1910 года: «Положение военного агента может быть поистине трагикомичным. Представьте себе, что вам предлагают приобрести весьма важные и ценные сведения, заключающиеся в японской рукописи, и что для вас нет другого средства узнать содержание этой рукописи, при условии сохранения необходимой тайны, как послать рукопись в Петербург, где проживает единственный наш соотечественник (бывший драгоман г-н Буховецкий), знающий настолько письменный японский язык, чтобы быть в состоянии раскрыть загадочное содержание японского манускрипта».

Что ж, все описано достаточно красноречиво и не требует комментариев.

Однако трудности трудностями, но Главному штабу требовалась развединформация. О чем, собственно, и напоминал в 1901 году непосредственный начальник военного агента в Японии Глеба Ванновского генерал-квартирмейстер Яков Жилинский: «В течение года... от Вашего Высокоблагородия было получено всего четыре донесения, между тем своевременное получение возможно более полных сведений о деятельности в Японии во всех сферах, а особенно в военной и морской, по-прежнему является чрезвычайно важным...»

Примерно такую же оценку своей деятельности из Центра получал и военный агент в Корее Иван Стрельбицкий. Их пытались заставить работать, но увы... Наконец терпение руководства лопнуло, и оба военных агента были сняты со своих должностей, отозваны на родину. Дальнейшая судьба Стрельбицкого неизвестна, а Ванновского отправили в войска, где он сделал неплохую карьеру – стал командиром бригады, потом возглавил Донскую казачью дивизию и, наконец, был назначен командующим армией. Завершил службу в звании генерал-лейтенанта.

На смену двум отстраненным от должностей агентам приехали Генерального штаба подполковники Владимир Самойлов и фон Раабен. Работа пошла активнее.

Раабену удалось в короткий срок завербовать несколько информаторов, как из числа корейцев, так и из граждан России, командированных в Сеул. Однако по-настоящему развернуть деятельность агентурной сети не удалось, помешало досадное обстоятельство – дуэль между Раабеном и чрезвычайным посланником России в Корее Павловым. Об этом стало известно военному министру, и Раабен был отстранен от должности. В ноябре 1903 года ему на замену прибыл подполковник Николай Потапов.

Военный агент в Японии Владимир Самойлов был не столь энергичен в оперативных вопросах и достойную агентурную сеть создать не сумел. Однако он завел хорошие связи с иностранными военными агентами. С некоторыми из них установил дружеские отношения. Знакомые были у него и среди японцев. Владимир Константинович много общался, читал, наблюдал. Сведения, полученные таким доверительным путем, ложились в основу его донесений в Санкт-Петербург. Точность в анализе обстановки поражает и до сих пор.

Самойлов был первым, кто почувствовал опасность недооценки противника и пытался эту мысль довести до сведения командования в столице.

Но, пожалуй, ближе всех к истине оказался военно-морской агент в Токио капитан 2 ранга Александр Русин.

К чему стремилась Япония? Наращивая свои силы, она прекрасно знала о наличии далеко не мощной группировки русских войск на Дальнем Востоке. Исходя из преимуществ флота, японцы планировали либо уничтожение нашей Тихоокеанской эскадры, либо изоляцию ее в Порт-Артурской гавани. Далее, создав господство на море, обеспечить успех действий сухопутных войск, захватить Корею и разгромить русскую армию в Маньчжурии.

Иван Григорович

Обо всем этом в марте 1903 года предупреждал военный агент Александр Русин. Вот лишь некоторые выдержки из его донесения, опубликованные в журнале «Морской сборник» в 1995 году.

Япония желает «не дать России окончательно утвердиться в Маньчжурии; занять Корею; попытаться сделать демонстративную высадку близ Приамурской области; такую же высадку осуществить на Квантуне; при удаче этих двух операций попытаться овладеть вышеуказанными областями».

Кроме того, Русин назвал наиболее точную цифру мобилизационных возможностей Японии. Он считал, что армия Страны восходящего солнца будет насчитывать более 630 тысяч человек.

Внес свой вклад в раскрытие агрессивных замыслов Японии и временно исполняющий должность военного агента подполковник Николай Потапов. Через своих информаторов, которые находились при дворе императора Кореи, ему удалось ознакомиться с планом русско-японской войны и даже выкупить часть плана. Этот документ, несомненно большой ценности, был переправлен в штаб наместника Дальнего Востока с просьбой оценить его и выделить деньги на приобретение всего плана. Однако, как стало известно позже, в штабе посчитали, что документ является фальшивкой и подсунут японской контрразведкой. И только в ходе войны стало ясно, что план был подлинным, ибо японцы следовали ему в точности.

Этот пример свидетельствует о том, что руководство армии и флота не относилось с должным вниманием к добытым разведсведениям. Хотя, откровенно говоря, и сведений было явно недостаточно. И как результат – силы и средства японской армии и флота, их вооружение, группировки оказались во многом не вскрытыми.

...27 января 1904 года японские военные корабли атаковали русскую эскадру на рейде Порт-Артура. У порта Чемульпо были потоплены крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец».

18 апреля в бой вступили японские сухопутные части. Началась Русско-японская война.

«ДЕЛО НОСИТ СЛУЧАЙНЫЙ ХАРАКТЕР...»

Все, что было потом, – Первая мировая война, Гражданская, Великая Отечественная – заслонило от современников те трагические для России события. А жаль. Опыт жестоких поражений забывать нельзя. Однако надо отдать должное нашим предшественникам: тем, кто воевал в Русско-японскую, и тем, кто внимательнейшим образом анализировал горький опыт наших поражений «на сопках Маньчжурии». Они ничего не забыли, не

упустили, не растеряли зерна ценных знаний, добытых кровью на полях сражений.

Уже в 1908 году, всего через три года после окончания Русско-японской войны, начальник германского генерального штаба фон Мольтке даст такую оценку состоянию нашей разведки: «Механизм русской военной разведки представляет собой хорошо управляемую, широко разветвленную систему, обладающую значительными финансовыми ресурсами». Эти слова германского военачальника приводит в своей работе «Военная разведка в борьбе с Японией (1904 – 1905 гг.)» Е. Сергеев.

А с чего же мы начинали? Вот два весьма авторитетных мнения. Одно принадлежит главнокомандующему Маньчжурской армией генералу от инфантерии Алексею Куропаткину, другое – опытнейшему военному разведчику, генерал-квартирмейстеру Главного управления Генерального штаба Павлу Рябикову.

К. Звонарев в своей книге «Агентурная разведка» приводит слова Куропаткина из его отчета за 1904 год: «Война с Японией дала наглядные доказательства, какое громадное значение имеет правильная организация разведки вероятного противника и предстоящих театров войны. Дело это носит у нас чисто случайный характер и правильной организации не имеет».

Рябиков же в своей известной работе «Разведывательная служба в мирное и военное время» пишет: «Невозможность получить весьма жизненные и важные сведения о японской армии секретными путями привела к колоссальнейшей ошибке в подсчете всех сил, кои могла выставить Япония, и к совершенному игнорированию резервных войск, неожиданно появившихся на театре войны».

Стало быть, уроки тяжелейшей Русско-японской войны не прошли даром, боевые действия на Дальнем Востоке явились своего рода «шоковой терапией» и в корне изменили взгляды военных руководителей разведки в военно-стратегическом процессе.

Однако все это придет потом: и осознание роли, и тщательный анализ, и коренные преобразования вооруженных сил России, а пока...

Пока за три дня до начала боевых действий командующий Маньчжурской армией генерал Куропаткин с тревогой сообщает военному министру в Петербург о том, что находится «все еще в неизвестности, где 2-я японская армия». И пытается угадать: возможно, часть этой армии высадилась в Корее.

18 апреля части японской армии наносят первый удар по войскам Маньчжурской группировки на реке Ялу. Русские терпят поражение. 22 апреля японцы высаживают свою 2-ю армию севернее Порт-Артура. И новое поражение наших войск.

Японцы захватывают стратегическую инициативу.

Для успешного ведения боевых действий русским войскам требуется свежая, непрерывно добываемая развединформация. Необходимость в ней ощущается постоянно. Штабы не могут работать, не зная, где находится противник, как он вооружен, каковы его замыслы и планы. Поэтому в отличие от мирного времени разведка осуществляется по трем направлениям – дальняя, ближняя и разведка флангов.

Вадим Шебеко

Дальней занимались военные агенты в Китае и в Корее, а также штабы Главнокомандующего, трех Маньчжурских армий, Приамурского военного округа, ближней – штабы Заамурского округа, тыла Маньчжурских армий, корпусов и отдельных частей. Войсковые разведки захватывали пленных, засылали в тыл лазутчиков, отслеживали публикации в иностранной прессе.

С началом войны особое значение придавалось правому монгольскому флангу. Штаб считал, что китайские войска могут ударить во фланг или хуже того – в тыл нашей армии. Хотя об истинных намерениях китайцев ничего не было известно.

Вот тогда и получила дальнейшее свое развитие так называемая «крышевая» разведка. Весной 1904 года в район расположения частей китайских генералов Юаньшикая и Ма под видом «датского корреспондента» командировали штабс-капитана Россова, через месяц еще одного разведчика – есаула Уральского казачьего войска Ливкина. Его снабдили документами Мукденского Цзяньцзиня, в которых он значился как русский купец.

Кстати говоря, Давид Иванович Ливкин был выдающимся российским разведчиком, доселе не признанным и забытым.

Он окончил военное училище, трехгодичные курсы для офицеров при азиатском департаменте Министерства иностранных дел России, владел турецким, арабским, персидским, татарским, киргизским, английским и французским языками. За годы службы в восточных районах страны хорошо изучил обычаи и нравы, религии восточных народов.

В 1898 году есаул Давид Ливкин совершил поездку в Индию. По приказу принца А. Ольденбургского, который являлся председателем специальной комиссии, в ходе этого весьма опасного путешествия предстояло побывать в районах, охваченных чумой. Следовало выяснить степень эпидемиологической опасности. Российское правительство было обеспокоено тем, что эпидемия чумы из Индии через Афганистан могла распространиться по территории России.

На обустройство карантинных отрядов вдоль границы с Афганистаном требовались большие суммы денег. Вот Ливкину и нужно было оценить степень угрозы.

Есаул Ливкин оказался талантливым разведчиком – импровизатором. Он преодолел Европу, потом Египет. Там приобрел персидский паспорт и под видом местного купца (благо он был похож на мусульманина и знал язык) продолжил путь сначала на Цейлон, потом в Индию. Побывав в разных районах, он выяснил, что опасности проникновения чумы в Россию нет. Благополучно возвратившись в Петербург, доложил комиссии свои

выводы. На основании доклада есаула Ливкина формирование карантинных отрядов было приостановлено.

С началом Русско-японской войны Давид Иванович Ливкин добровольно попросился на фронт и был направлен в Маньчжурию. Его назначили командиром разведдивизиона при Главнокомандующем русскими войсками.

И вот теперь ему предстояло совершить новое путешествие и выяснить истинные намерения генералов Ма и Юаньшикая.

В сопровождении бойцов разведдивизиона, которые действовали под видом караванщиков, Ливкин, выдавая себя за русского чаеторговца Попова, появился в Ставке командующего китайской армией. Нельзя сказать, что его приняли с распростертыми объятиями, но подарки, обаяние Давида Ивановича Ливкина сделали свое дело.

Есаул пробыл в Ставке несколько дней и выяснил: китайцы не собираются нападать на Россию, они сами обеспокоены воинственными действиями японцев. Об этом и было доложено Главнокомандующему по возвращении. Думается, вряд ли стоит говорить о том, какое важное значение имели эти разведданные при планировании дальнейших боевых операций.

Что же касается Ливкина, то следует сказать, что война прошлась по его судьбе страшным огненным колесом: в бою он получил тяжелую контузию, лишился дара речи, долгое время не мог самостоятельно передвигаться. Был уволен в отставку в звании полковника.

Так что в выполнении разведзадач во время войны участвовали различные бойцы и офицеры русской армии. И не только армии, но и просто патриоты России. Среди них переводчик с монгольского языка при штабе Главнокомандующего студент Санкт-Петербургского университета Владимир Шангин, чиновник особых поручений, владеющий китайским языком, Дмитрий Янчевецкий, служащий российско-китайского банка Москвитин. Все они, оставив свои мирные профессии, здесь, на Востоке, защищали Россию, воевали с врагами своего Отечества.

Однако нас в большей степени интересует участие в разведработе в ходе Русско-японской кампании 1904–1905 годов военных агентов. Напомним еще раз, именно они вели дальнюю, выражаясь современным языком, стратегическую разведку. Разумеется, с началом войны гласные агенты не могли работать на территории противника. Действовать приходилось из соседних с Японией стран – из Китая, Кореи. Большую помощь в этой работе оказывали военные агенты в Европе. Они информировали руководство о японских заказах на вооружение и боевую технику, которые были размещены на западноевропейских предприятиях.

Кто же эти офицеры, вынесшие на своих плечах всю тяжесть дальней разведки в годы Русско-японской войны?

Некоторые из них нам уже знакомы, они работали на Востоке до войны. Это полковник Федор Огородников. С 1903 по 1907 год он первый военный агент в Китае.

Яков Жилинский

Его помощником был полковник, потом генерал-майор Константин Десино. После трех лет не совсем удачной работы под прикрытием в должности секретаря консульства в Чифу Константин Николаевич был назначен гласным помощником военного агента сначала к полковнику Константину Вогаку, а с 1903 года – к полковнику Федору Огородникову.

В начале 1905 года в Китай прибывает еще один помощник военного агента – капитан С. Афанасьев.

В Корее с 1899 года работает полковник фон Раабен. Полковник Александр Нечволодов должен был его сменить на должности военного атташе, но не успел. Началась Русско-японская война, и Александр Дмитриевич, находившийся в тот момент в Порт-Артуре, получает назначение в распоряжение наместника на Дальнем Востоке.

В Германии в период войны активно действует военный агент полковник Вадим Шебеко. Во Франции, в Париже, Российскую империю представляет полковник Владимир Лазарев, в Швеции, в Стокгольме, – полковник Александр Алексеев.

В Австро-Венгрии должность военного агента исполняет упоминаемый нами прежде полковник Владимир Рооп.

Итак, пожалуй, начнем с тех военных агентов, кто работал ближе к театру боевых действий.

Полковник Александр Нечволодов с помощью нашего генконсула А. Павлова завербовал и отправил в Японию и Корею трех агентов иностранцев – швейцарца Барбье, немца Мейера и француза Шаффанжона. Работали они под видом торговых людей. Задание у них было весьма ответственное: разведать численность, состав, вооружение японской группировки, которая высадилась вблизи Порт-Артура, а также вскрыть состав воинских частей, которые двигаются из Кореи.

Передавать добытые сведения они должны были сначала в Европу, оттуда их переправляли телеграфом в Петербург, а из столицы Российской империи – в штаб Маньчжурской армии. Что и говорить, путь не ближний, но иной возможности тогда не существовало.

Нельзя сказать, что снаряженные тайные агенты не работали вовсе, но сведения, которые они передавали, приходили в штаб армии на Дальнем Востоке нерегулярно и за время дороги попросту устаревали, теряя свою актуальность. А деньги агентам, откровенно говоря, платили немалые. Пришлось летом 1905 года агентов поблагодарить и рассчитать.

Пожалуй, наибольшую пользу в разведывательном плане в период боевых действий приносили военный агент в Корее полковник Федор Огородников и его помощник генерал-майор Константин Десино.

(Продолжение следует)

Андрей ЛОБАНОВ

ВРЕМЯ ЛИНКОРОВ: ЗАБВЕНИЕ ИЛИ РЕНЕССАНС?

Для начала – некоторые факты для размышления.

В 1982 году, во время конфликта у Фолклендских островов, два новейших эсминца ВМС Великобритании были потоплены противокорабельными ракетами «Экзосет», у которых даже не взорвались боевые части. Относительно слабых взрывов остатков невыработанного топлива оказалось вполне достаточно для того, чтобы пустить на дно корабли водоизмещением более 4.500 тонн, основу конструкции которых составляли легкие, алюминиево-магниевые сплавы.

В Персидском заливе в середине 1980-х годов американский фрегат «Старк» типа «Оливер Х. Перри» был также поражен ПКР «Экзосет», выпущенной с иракского истребителя. На этот раз боевая часть взорвалась, и фрегат получил огромную пробоину в борту размером с ворота локомотивного депо. Лишь абсолютный штиль на море и то, что ракета поразила надводный борт, спасло фрегат от гибели.

Так вот, самое интересное, что броненосный или бронепалубный крейсеры начала XX века, водоизмещение и размеры которых не намного больше, чем у указанных кораблей, во всех этих случаях отделались бы относительно небольшими пробоинами. И это заставляет вспомнить о кораблях, чье время, казалось бы, безвозвратно ушло. Речь идет о линейных кораблях.

ДА ПОТОНЕШЬ ТЫ КОГДА-НИБУДЬ ИЛИ НЕТ?!

Кто-то скажет, что авиация в годы Второй мировой войны и последующее появление ядерного оружия вынесли линкорам «приговор». Однако не все так однозначно, как казалось еще двадцать лет назад.

Во-первых, испытания ядерного оружия показали, что линкоры оказались весьма устойчивы к поражающим факторам ядерного взрыва и гарантированно уничтожаются только при нахождении на минимальном удалении от эпицентра. Притом что борьбы за живучесть на «подопытных» кораблях не велось.

Во-вторых, в свою бытность, даже погибая, линкоры демонстрировали потрясающую устойчивость к боевым повреждениям.

Приведем лишь некоторые примеры. В мае 1941 года в Атлантике английская эскадра во главе с линкорами «Кинг Джордж V» и «Родней» сошлась с германским линкором «Бисмарк». Артиллерийский бой вылился в подлинное избиение «Бисмарка», поскольку у последнего одним из первых же залпов была выведена из строя система управления огнем. И тем не менее англичане смогли добиться успеха лишь тогда, когда у немцев иссяк боезапас 381-мм снарядов и «Родней» начал расстреливать германский линкор практически в упор, причем одновременно по «Бисмарку» нанесли удар торпедами крейсера и эсминцы. Но под воду линкор ушел только после того, как сами немцы открыли кингстоны и взорвали подрывные заряды.

Японский линейный крейсер «Хией» в 1942 году у острова Гуадалканал, уже оставленный экипажем, выдержал несколько налетов палубной и базовой береговой авиации американцев. Получив четыре попадания тяжелых бомб и четырех торпед, он оставался на плаву и был затоплен лишь аварийной командой, высадившейся на него с японских эсминцев.

В октябре 1944 года линкор «Мусаси» в течение нескольких часов подвергался непрерывным атакам многих десятков американских палубных самолетов и затонул, лишь получив попадания 20 (!) торпед и 17 (!) авиабомб весом 454 и 908 кг.

И еще один пример. Чтобы потопить линкор «Ямато», американцы подняли в воздух 226 (!) самолетов-бомбардировщиков и торпедоносцев. Это больше, чем всего самолетов данных типов атаковало все американские линкоры в Перл-Харборе!

Наконец, ***в-третьих,*** практически все известные факты уничтожения линейных кораблей авиацией относят-

ся или к случаям внезапного нападения (Перл-Харбор), или к ситуации, когда потопленный линкор не располагал достаточными средствами ПВО, а одна из сторон имела подавляющее превосходство в воздухе.

Например, японские линкоры «Ямато», «Мусаси», «Хией» имели явно несбалансированную зенитную артиллерию, так как относительно немногочисленные зенитки калибра 127 и 100 мм дополнялись только 25-мм автоматами, а артиллерия калибра 37 или 40 мм на этих кораблях отсутствовала. Также отсутствовали морские системы управления зенитным огнем, связанные с РЛС.

Английские линкор «Принс оф Уэллс» и линейный крейсер «Рипалс», потопленные в декабре 1941 года в Южно-Китайском море японской базовой авиацией, тоже имели несбалансированное зенитное вооружение. На обоих кораблях универсальные установки калибра 102 и 133 мм не были достаточно дополнены малокалиберной автоматической зенитной артиллерией (всего по два-три восьмиствольных 40-мм автомата «пом-пом» на каждом). Как следствие и японские линкоры, и британские корабли не смогли отразить звездообразные налеты палубной или базовой береговой авиации.

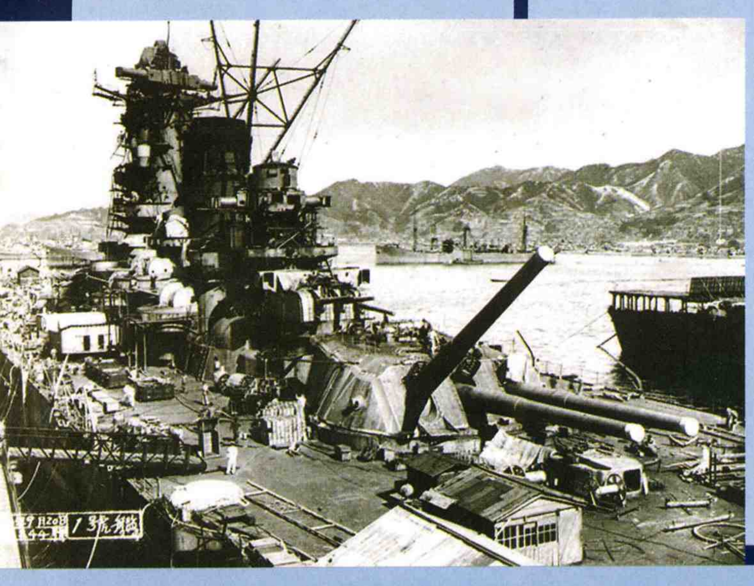
Кроме того, на судьбу линкора «Принс оф Уэллс» повлияло трагическое стечение обстоятельств – взрыв не очень мощной авиационной торпеды сорвал с креплений гребной вал, который разворотил борт корабля. Оказались затопленными аварийные дизель-генераторы, которые по причине конструктивной ошибки были размещены в одном отсеке в кормовой части. Поэтому корабль остался без водооткачивающих средств, а также остались без энергии установки универсального 133-мм калибра.

РАЗВЕ ЧТО ПОДНИМУТ СОТНИ САМОЛЕТОВ. И ТО НЕ ФАКТ…

Зато, если линкор был вооружен как следует, он мог за себя успешно постоять в единоборстве с авиацией противника. Поразительные результаты продемонстрировал осенью 1942 года американский линкор «Южная Дакота» в боях у островов Санта-Крус. Корабль имел десять 127-мм двухорудийных универсальных установок, шестнадцать счетверенных установок 40-мм зенитных автоматов «Бофорс» (всего 64 ствола) и сорок девять 20-мм зенитных автоматов «Эрликон». В боекомплект 127-мм орудий входили снаряды с радиовзрывателями. В бою линкор был атакован в общей сложности более чем 50 японскими пикирующими бомбардировщиками и торпедоносцами. Огнем зенитной артиллерии корабль сбил 26 вражеских самолетов. В то же время противник сумел сбросить на него всего одну (!) бомбу. «Южная Дакота» не только не позволил нанести себе тяжелые повреждения, но более того, прикрыл собой авианосец «Энтерпрайз», благодаря чему тот не получил серьезных повреждений. А вот авианосец «Хорнет», рядом с которым не оказалось линкора, был потоплен.

Всего в этом сражении японцы потеряли 100 самолетов. А в воздухе действовали 233 японских самолета и 171 американский. То есть один линкор «Южная Дакота» уничтожил 26 процентов всех самолетов, потерянных японцами в этом сражении!

Точно так же во время десантных операций 1944–1945 годов, когда американцы сталкивались с многочисленной базовой авиацией японцев, массированный огонь зенитной артиллерии их линкоров срывал все воздушные атаки на эти корабли. Ни один из американских кораблей не получил сколько-нибудь серьезных повреждений, даже если оказывался без прикрытия палубной авиации. В то же время попадания двух-трех авиабомб или одного-двух камикадзе в авианосцы надолго выводило эти корабли из строя.

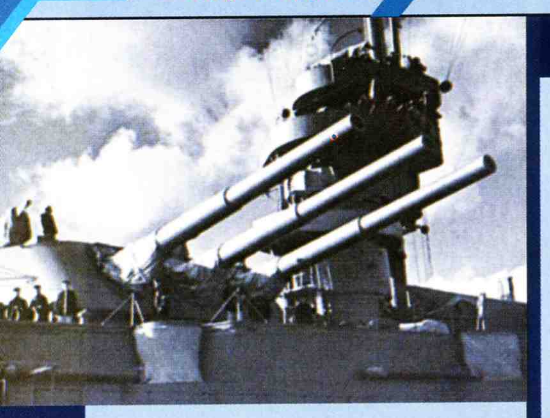
Опыт войны однозначно показал, что при наличии на борту линкора многочисленной зенитной и универсальной артиллерии с системами управления огнем, связанными с РЛС, его потопление силами авиации требовало привлечения десятков и сотен, именно десятков и сотен, самолетов. И становилось возможным только в условиях абсолютного господства в воздухе одной из сторон. Именно *абсолютного господства в воздухе!*

С ПОЧЕТОМ НА ПОКОЙ?

На самом деле эпоху линкоров посчитали ушедшей, когда появились реактивные самолеты. В годы Второй мировой войны только советский пикирующий бомбардировщик Ту-2 был способен поднимать сразу две-три 1.000-кг бомбы. Все остальные палубные и береговые пикировщики могли поднять от силы одну такую бомбу.

Реактивные истребители-бомбардировщики сразу стали нести нагрузку в столько же крупнокалиберных бомб, сколько нес тяжелый бомбардировщик времен Второй мировой войны или даже звено таких самолетов. Четыре–шесть бомб до 1.000 кг на узлах подвески одного самолета стали для тяжелых реактивных штурмовиков и истребителей-бомбардировщиков штатным снаряжением. Звено из четырех реактивных самолетов данных классов могло обрушить на корабль порядка 16–24 таких бомб (для сравнения – в период Второй мировой войны такое количество бомб могла нести вся авиагруппа тяжелого авианосца или полк береговой авиации). Отсутствие на линкорах того времени автоматических систем управления огнем не позволяло успешно реагировать на скорости реактивных самолетов. Информация о воздушных целях снималась с экранов радаров визуально, затем передавалась голосом по телефонной или радиосвязи на пост управления огнем зенитной артиллерии, вручную вводилась в приборы управления зенитным огнем, затем передавалась по линиям связи на орудия, а там уже наводчики вручную отрабатывали эти установки на зенитных орудиях. Естественно, что время реакции на перемещение воздушных целей было огромным, зенитная артиллерия запаздывала, не успевала отслеживать цели. В лучшем случае она вела заградительный огонь.

Не решило сразу проблемы и появ-

ление зенитных ракетных комплексов (ЗРК). Системы управления ЗРК первого и второго поколений позволяли с каждой пусковой установки обстреливать лишь одну цель. В то же время пусковых установок ЗРК на линкоре, даже учитывая его размеры, могло иметься четыре–шесть, не больше. Корабль же могли атаковать не один, не два и не три, а десять и более самолетов и ракет одновременно. С такой атакой даже достаточно многочисленные ЗРК первого-второго поколений справиться были не в состоянии. И все решили, что время бронированных гигантов ушло. Тем не менее, на взгляд автора этих строк, «списывать» такие корабли явно поспешили, о чем мы подробнее поговорим дальше.

Точно так же несостоятельны, на мой взгляд, и представления о том, что линкоры весьма уязвимы от ударов из-под воды. Вновь обратимся к примерам из Второй мировой войны. Немецким подводным лодкам удалось потопить два британских линкора – «Роял Оук» и «Бархем», а вот авианосцев нацистскими подлодками было потоплено пять, в том числе два крупных британских – «Игл» и «Корейджерс». Соотношение потерь говорит само за себя.

Парадокс, но современные реалии избавили линкоры от их самых страшных врагов в воздухе – пикирующих бомбардировщиков и торпедоносцев. Основное оружие современной авиации – противокорабельные ракеты – вновь выдвинуло на первый план вопросы защищенности кораблей.

Давайте рассмотрим основные компоненты возможной боевой мощи линейных кораблей современности: *защищенность, вооружение, энергетику.*

КАК НИ КРУТИ, ПОРАЗИТЬ ЛИНКОР БУДЕТ СЛОЖНО

Современные достижения металлургии в области высоколегированных сталей и титановых сплавов позволят иметь бронирование, эквивалентное по степени защиты 356–380-мм броне прежних времен, но меньшей толщины и массы, что даст возможность перераспределить высвободившуюся массу и объемы под вооружение. В результате противокорабельные ракеты, убийственно опасные для кораблей из легких сплавов, для линкора, закованного в панцирь, эквивалентный 356–380-мм броне, не будут уже нести смертельной угрозы.

Одна из самых распространенных противокорабельных ракет на Западе – американский «Гарпун». Она несет боевую часть весом 225 кг. Кроме того, эта боевая часть фугасная, не приспособленная для пробивания толстой брони. Таким образом, данная ракета не в состоянии проникнуть внутрь бронированной цитадели корабля, где расположены погреба боезапаса, подпалубные пусковые установки ракет, котельное и машинное отделения, и, взорвавшись там, нанести ему непоправимый ущерб. На подлете к цели на дальности порядка 100 км эта ракета по своей массе эквивалентна 305-мм фугасному снаряду, а скорость подлета у нее в два раза меньше, чем у такого же снаряда на излете.

Большинство противокорабельных ракет (ПКР) несут комбинированную – инерциальную и активную радиолокационную – систему наведения. Ракета наводится по отраженному радиосигналу на наиболее крупный объект или же на цель, захваченную первой. Поэтому селекции цели по точке попадания в цель не проводится. Следовательно, с точки зрения теории вероятности, наиболее вероятная точка попадания ПКР – средняя часть корпуса и надстроек. А именно эта часть конструкции наиболее защищена у линкоров.

В случае применения «французской» системы бронирования, когда броневой пояс простирается от носа до кормы, толщина брони может варьироваться от эквивалента броневой защиты 102–127 мм в оконечностях до 356–380 мм в районе «цитадели». То есть надводный борт на всем или на большем его протяжении будет обеспечивать достаточно надежную защиту от ПКР.

И даже применение схемы бронирования «все или ничего», когда максимально бронируется «цитадель», а оконечности прикрываются лишь минимальной защитой, обеспечивает в случае с противокорабельными ракетами высокую степень защищенности. Так как, напомним, наиболее вероятная точка попадания – средняя часть корабля – защищена максимально.

Более того, даже если ракета перед ударом в цель делает «горку» и поражает корабль в палубу, для линкора не все так трагично, как для других типов кораблей. Дело в том, что он располагает бронированной палубой или даже несколькими палубами совокупной толщиной 127–180 мм, что делает их практически непроницаемыми для фугасных боевых частей ПКР.

Таким образом, для надежного поражения линейного корабля потребуется срочная разработка ракет со скоростью полета порядка 650–700 м/с и более, с бронебойной боевой частью весом 750–800 кг, что повлечет за собой (при сохранении дальности полета 120–180 км) резкий рост массы ПКР (примерно до 3–5 тонн) и соответственно снижение количества этих ракет, поднимаемых одним самолетом-носителем. Также потребуются серьезные доработки носителей подобных ПКР. И если сейчас для поражения крупной надводной цели, достаточно вывести на рубеж пуска ПКР один-два самолета-носителя с двумя–четырьмя ракетами на каждом из них, то для атаки линкора придется поднимать в воздух целую авиационную группу, в том числе тяжелые самолеты, способные нести 3–5-тонные тяжелые ракеты.

Что касается управляемых авиабомб или ракет класса «воздух–поверхность» с лазерным или телевизионным наведением, когда имеется возможность наведения ракеты или бомбы в уязвимое место, то в этих случаях самолеты-носители сами оказываются в зоне поражения средств ПВО линкора и могут быть нейтрализованы.

В результате мы приходим к ситуации, когда современный линкор необходимо атаковать авиацией напрямую, чтобы ударить с пикирования бронебойной бомбой по палубе или поразить его торпедой.

Однако сохраняется опасность выхода из строя систем управления огнем, наведения оружия и обнаружения надводных и воздушных целей в результате поражения надстроек. Эта проблема на линкоре решаема благодаря его размерам: возможно и дублирование, и триплирование систем управления и обнаружения, создание как централизованных, так и локальных децентрализованных систем управления огнем и вооружением.

ВООРУЖЕН ДО ЗУБОВ И ОЧЕНЬ ОПАСЕН…

Линейный корабль водоизмещением 55–57 тысяч тонн будет способен нести весь спектр вооружений: ударное, ПВО и ПЛО (противовоздушное и противолодочное), объединенные в многофункциональные интегральные системы.

УДАРНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Если отталкиваться от отечественных стандартов, то ударное вооружение может быть представлено артиллерией главного калибра (14–16 дюймов), универсальным калибром (130-мм установками), противокорабельными ракетными комплексами (ПКРК) большой и средней дальности (БД и СрД), крылатыми ракетами большой дальности (КРБД). Например:

– 3 (с 16-дюймовыми орудиями) или 4 (с 14-дюймовыми пушками) башни главного калибра;

– до 8 спаренных 130-мм артустановок (по 4 установки на борт);

– подпалубные установки вертикального пуска (УВП) ПКРК БД, бронированные пусковые установки (ПУ) ПКР СрД и КРБД на палубе и надстройках (или же подпалубные УВП для ПКР СрД и КРБД).

Современное развитие информационных технологий обеспечивает высокую автоматизацию управления огнем артиллерии главного калибра линкора. Точно так же современное развитие средств механизации и автоматизации позволяет максимально автоматизировать процессы заряжания. Охлаждение стволов забортной водой обеспечит значительно более высокий темп стрельбы орудий главного калибра по сравнению с предшественниками прошлых лет. 356–406-мм калибр артиллерии позволит иметь в боекомплекте управляемые снаряды, которые обеспечат резкое повышение точности стрельбы. Таким образом, можно будет добиться значительного снижения расхода боеприпасов при выполнении огневых задач по поддержке высадки десантов на побережье, занятое противником.

В результате линкор сможет выполнять следующие задачи:

– наносить главным и универсальным артиллерийскими калибрами удары по оборонительным позициям противника на побережье при поддержке высадки десантов;

– атаковать крылатыми ракетами объекты в глубине материка;

– наносить удары по корабельным соединениям противника ПКРК большой и средней дальности, а при сближении – и артиллерией.

ПРОТИВОВОЗДУШНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Системы ПВО могут быть представлены следующими элементами:

– зенитными ракетными комплексами (ЗРК) большой (БД) и малой дальности (МД), размещенными в подпалубных УВП;

– зенитными ракетно-пушечными установками (ЗРПК), зенитными артиллерийскими комплексами (ЗАК), а также привлекаемым для решения задач ПВО универсальным артиллерийским калибром.

Многофункциональная автоматизированная система управления зенитным вооружением на основе высокопроизводительных компьютеров позволит обеспечить контроль воздушного пространства, сопровождение и одновременное поражение большого количества целей – с дальностей в сотни километров и до непосредственной близости от корабля. А большие размеры линкора дадут возможность иметь значительный боекомплект для комплексов ПВО.

Таким образом, линкор сможет решать следующие задачи ПВО:

– составлять основу ПВО ордера боевых кораблей;

– поражать носители ПКР и высокоточного оружия (ВТО) на предельных дальностях средствами ЗРК БД или воспрещать их атаки;

– поражать непосредственно ПКР и средства ВТО при их подлете к кораблю средствами ЗРК МД, ЗПРК и ЗАК;

– поражать средствами ЗРК атакующие самолеты, несущие свободно падающие бомбы, вне зоны сброса ими бомбовой нагрузки.

При этом ПВО эшелонирована. Прорвавшись через зону поражения ЗРК большой дальности, атакующие летательные аппараты и средства вооружения оказываются в зоне огня 130-мм орудий и ЗРК МД. Наконец, последний рубеж – 30-мм ЗАК и ЗПРК. Прорыв через такую эшелонированную ПВО будет сопряжен со значительными потерями.

ПРОТИВОЛОДОЧНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Современный линкор может быть оснащен достаточно эффективными средствами ПЛО, прежде всего вертолетом, а также противолодочными управляемыми ракетами (ПЛУР) и торпедами в универсальных ракетно-торпедных пусковых установках (УРТПУ), реактивными бомбометными установками (РБУ). Это позволит поражать подводные лодки (ПЛ) противника как на большом удалении, так и в случае их обнаружения в непосредственной близости от корабля. Наличие значительного боекомплекта ПЛУР, противолодочных торпед и реактивных глубинных бомб позволит вести борьбу с вражескими ПЛ активно, наступательно, до уничтожения противника, а не удовлетворяться лишь срывом атаки вражеской ПЛ.

В ДВУХ СЛОВАХ – ОБ ЭНЕРГЕТИКЕ

Опыт эксплуатации атомных надводных и подводных кораблей однозначно свидетельствует, что наиболее перспективной для линкора современности является атомная энергетическая установка. Она позволит не только снизить затраты на обеспечение повседневной деятельности корабля, но и обеспечить неограниченный радиус действия.

Однако если линкор будет создаваться для действий не столько на океанских просторах, сколько в прибрежных акваториях, что предполагает частые заходы в порты, то, безусловно,

более целесообразным будет использование обычной энергетической установки.

МОЖЕТ, ЭТО КАК РАЗ ТО, ЧТО НАМ НУЖНО?

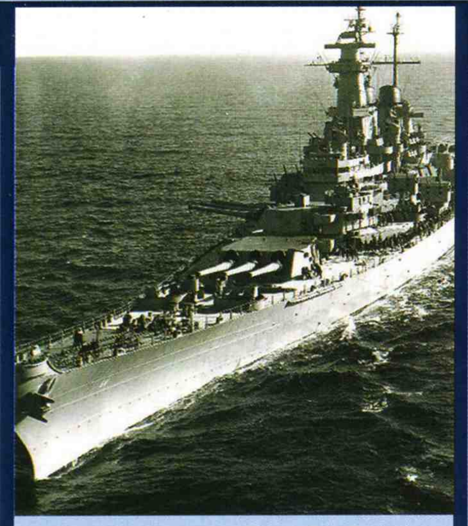
Таким образом, можно считать, что современный линкор вполне способен стать высокоэффективной боевой единицей флота, особенно в замкнутых морях типа Черного, Балтийского или Японского.

Прежде всего, совместно с кораблями эскорта линкор образует мощную корабельную ударную группу, способную решать широкий круг задач. Высокая боевая устойчивость линкора заставит привлекать для противодействия ему крупные силы не только кораблей и палубной авиации, но и авиации берегового базирования. Тем самым ослабится воздействие последних на другие силы флота, а это обеспечит большую свободу действия.

Но и на океанских театрах наличие линкоров может значительно повысить боевой потенциал, особенно десантно-высадочных соединений. Так, во время первой иракской войны (начало 1990-х годов) отмечалось громадное психологическое воздействие на иракских солдат артиллерийского огня 16-дюймовых орудий главного калибра американских линкоров. Введение в боекомплект главного калибра управляемых снарядов позволило достичь высочайшей точности стрельбы.

Линкор как никакой другой корабль подходит для функций демонстрации флага. Авианосец при всей его внушительности не имеет возможности встать на якорь ввиду берега государства, где происходят нежелательные процессы, поскольку даже одна батарея шестидюймовых гаубиц, скрытно выставленная на прямую наводку, может нанести «повелителю морей» непоправимый ущерб. И не только шестидюймовые гаубицы – даже единичный танк со 100-мм пушкой при удачном стечении обстоятельств может нанести авианосцу роковой удар. Точно так же современные крейсера и эсминцы вблизи берега весьма уязвимы для артиллерийского огня.

Бронированный же гигант способен не только выдержать без особого ущерба обстрел артиллерией калибра до 203,2 мм включительно, но и практически мгновенно дать сокрушительный отпор. А внушительные размеры корабля и калибр его орудий способны заставить остыть многие горячие головы и не доводить дело до крайностей.

И НЕ НУЖНО КИВАТЬ НА США…

Конечно же на все эти доводы оппонент может возразить, взяв в качестве примера те же США, где отказываются от своих линкоров типа «Айова».

Однако дело в том, что, ***во-первых,*** эти линкоры были построены в годы Второй мировой войны и их так и не удалось адаптировать к современным системам вооружения, прежде всего ЗРК. Кроме того, не удалось без серьезных и дорогостоящих доработок конструкции заменить 127-мм спаренные артустановки с орудиями Мк38 на современные 127-мм автоматические установки с водяным охлаждением ствола.

Во-вторых, после распада СССР американцы приняли за основу стратегии концепцию так называемой «бесконтактной войны». Эта стратегия строится на поражении противника силами ВВС, палубной авиации и крылатых ракет в условиях абсолютного превосходства в силах и абсолютного господства в воздухе. Десантирование с моря предполагается только после полного подавления вражеской обороны на побережье.

Примеры Ирака и Югославии как раз и относятся к таким случаям, война велась против истощенных блокадой государств. Сталкиваться же с противником более-менее равноценным США в последние годы не приходилось. Но если подобное столкновение смоделировать, то сразу же станет ясно, что упование только на воздушные и ракетные удары бесперспективно. Не случайно США отнюдь не торопятся выступать с войной против Ирана или КНДР, так как не уверены, что не получат адекватного отпора. Как и в том, что удастся избежать поражения своих кораблей средствами вражеского вооружения, прежде всего противокорабельными ракетами. То есть их корабельным группировкам может быть нанесен так называемый «неприемлемый ущерб».

К тому же стоит внимательно присмотреться к критерию «стоимость–эффективность». Какой вариант более эффективен: произвести двести – двести пятьдесят боевых вылетов палубной авиации или же выпустить из 356-мм или 406-мм орудий 800–900 снарядов, в том числе 200–300 управляемых, – при той же эффективности поражения целей? Ответ напрашивается сам собой.

Кроме того, в США ведутся поисковые НИОКР по созданию так называемых «кораблей – носителей вооружения». Это корабли большого водоизмещения, с мощной защитой, несущие большое количество разнообразного вооружения – артиллерийского и ракетного. Пока вследствие отсутствия насущной необходимости их создание не переводится в практическую плоскость. Однако в случае возникновения угроз предварительные разработки могут быть быстро переведены в стадию непосредственного осуществления.

Поэтому не стоит спешить с ходу отвергать идею возрождения класса линкоров. Вполне возможно, что ренессанс данного класса кораблей еще впереди.

КАК «ДЖИГИТ» «ИГЛУ» ОСЕДЛАЛ...

Евгений КЛИМОВИЧ

В ходе испытаний последней модификации переносного зенитного ракетного комплекса первого поколения «Стрела-3» были подготовлены предложения по дальнейшему совершенствованию зенитных средств этого класса (см. «Солдат удачи» № 5 за 2008 год).

Эти предложения в значительной степени удалось реализовать при разработке отечественного ПЗРК второго поколения типа «Игла-1» (9К310), который в 1981 году был принят на вооружение Советской Армии. Головным разработчиком ПЗРК «Игла-1» являлось Конструкторское бюро машиностроения (главный конструктор – С. Непобедимый).

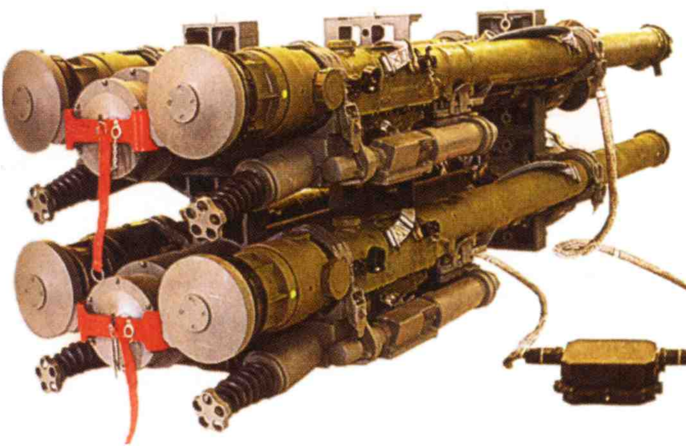
ПЗРК «Игла-1» предназначен для поражения аэродинамических целей (самолетов, вертолетов, крылатых ракет) на встречных и догонных курсах на малых и предельно малых высотах.

В состав ПЗРК «Игла-1» входят: ЗУР 9М313 в пусковой трубе, пусковой механизм 9П519, наземный радиолокационный запросчик 1Л14, переносной электронный планшет 1Л15. В комплексе «Игла-1» по сравнению с ПЗРК первого поколения (типа «Стрела-2») обеспечивается: существенное повышение эффективности стрельбы навстречу и вдогон, опознавание государственной принадлежности воздушной цели по признаку «свой–чужой» с помощью наземного радиозапросчика (НРЗ), управление боевой работой стрелков-зенитчиков путем их раннего оповещения (выдачи им целеуказания от вышестоящего пункта управления).

Отмеченные преимущества ПЗРК «Игла-1» по сравнению с комплексом «Стрела-3» были достигнуты за счет ряда нестандартных технических решений. В боевой части ЗУР 9М313 использовано взрывчатое вещество с повышенным фугасным действием, а также разработана и реализована схема, обеспечивающая подрыв несгоревшей части топлива маршевого заряда двигателя ЗУР.

С целью повышения боевых возможностей подразделений, вооруженных ПЗРК «Игла-1», для командира отделения стрелков-зенитчиков, как уже отмечалось, был разработан переносной электронный планшет 1Л15, обеспечивающий его оповещение о воздушной обстановке в квадрате 25х25 км. На этом планшете установлено электронное табло, где высвечивается положение воздушных целей и местонахождение зенитного подразделения. В качестве источника информации для планшета могут быть пункты управления ПВО в звене «дивизия–полк», оборудованные соответствующей аппаратурой передачи данных. На планшете отражаются до четырех воздушных целей с отметками об их государственной принадлежности по признаку «свой–чужой», высвечиваются данные о курсе полета цели относительно позиции отделения стрелков-зенитчиков. Габариты планшета – 345х240х170 мм, масса около 7 кг, время перевода из походного положения в боевое – 3 мин. Внешним отличием ПЗРК «Игла-1» от комплекса «Стрела-2» стали: притупленная коническая передняя крышка пусковой трубы, расположенный под углом к продольной оси пусковой трубы блок питания и шар-баллон. Для снижения аэродинамического сопротивления ракеты перед ее тепловой головкой размещен небольшой конический обтекатель, закрепленный на трех наклонных стержнях, образующих своеобразный «треножник».

Переносной ЗРК «Игла-1» поступил на вооружение зенитных ракетных взводов батареи ПЗРК (в батарее – три

взвода) в составе зенитного дивизиона мотострелкового (танкового) полка. Зенитный ракетный взвод состоит из трех отделений, в каждом отделении – три стрелка-зенитчика, вооруженных пусковым механизмом и двумя ЗУР в пусковых трубах. Один из стрелков-зенитчиков назначается командиром отделения, у него кроме ПЗРК имеется переносной электронный планшет. Зенитное отделение размещается на отдельном транспортном средстве (БМП, БТР, автомобиль). В каждом отделении наряду с ПЗРК есть две радиостанции (у командира отделения) и два радиоприемника (у каждого стрелка-зенитчика). Взаимное удаление стрелков-зенитчиков одного отделения при занятии позиций на местности составляет 15–20 м. Командир взвода осуществляет управление действиями зенитного ракетного взвода по информации, поступающей на электронный планшет с пункта управления начальника ПВО полка, или самостоятельно, принимая решения в соответствии с воздушной обстановкой.

ПЗРК «Игла-1» является достаточно эффективным и сравнительно дешевым средством борьбы с низколетящими воздушными целями, обеспечивая их поражение на встречных и догонных курсах. Но... неумолимы законы диалектики. Существующая с давних времен борьба между средствами защиты и нападения («щит и меч», «броня и снаряд»), естественно, проявилась и в ПВО, где соперниками оказались средства воздушного нападения и зенитные комплексы. Дело в том, что насыщение Сухопутных войск массовыми и сравнительно дешевыми зенитными комплексами, обеспечивающими эффективную борьбу с низколетящими самолетами и вертолетами, заставило воздушного противника искать различные средства и способы подавления ПВО. Поначалу наиболее эффективным и простым средством защиты воздушных целей от ракет, использующих тепловые головки самонаведения (в том числе ЗУР переносных ЗРК), оказались ложные тепловые цели (ЛТЦ), выстреливаемые с самолетов и вертолетов, преодолевающих ПВО. Такие ЛТЦ, иначе они называются инфракрасными (ИК) ловушками, представляют собой пиротехнические заряды (патроны), которые при горении создают тепловое (инфракрасное) излучение, подобное тепловому излучению двигателя самолета или вертолета и превышающее его по интенсивности. Тепловая головка зенитной управляемой ракеты «захватывает» уже эту цель и тем самым осуществляется «увод» ракеты от истинной цели в сторону ложной. Сравнительно простыми устройствами сброса ЛТЦ мог быть оснащен практически любой самолет или вертолет, в том числе устаревшей конструкции. Для рационального расходования запаса ЛТЦ на борту защищаемой воздушной цели устанавливались специальные датчики, сигнализирующие летчику о том, что его атакует ракета.

В этих условиях остро возникла необходимость разработки различных мер по повышению помехозащищенности переносных ЗРК, которые были реализованы в комплексе «Игла», принятом на вооружение Советской Армии в 1983 г. Переносной ЗРК «Игла» (9К38) с ЗУР 9М39 предназначен для поражения низколетящих воздушных целей в условиях тепловых помех. Так же как и в ПЗРК «Игла-1», оповещение стрелков-зенитчиков, вооруженных комплексами «Игла», о воздушной обстановке происходит с помощью переносного планшета, определение государственной принадлежности целей по признаку «свой–чужой» осуществляется с помощью наземного радиолокационного запросчика.

К новым качествам «Иглы» по сравнению с комплексом «Игла-1» относятся возможность борьбы с современными воздушными целями на встречных и догонных курсах в условиях применения ими ложных тепловых целей и увеличение дальности поражения целей при стрельбе навстречу.

Для этого пришлось разработать и применить принципиально новую двухканальную оптическую головку самонаведения зенитной ракеты с блоком логической селекции истинных целей на фоне помех, существенно повысить чувствительность головки, обеспечить смещение центра группирования точек подрыва боевой части ракеты (для попадания осколков в наиболее уязвимые по сравнению с сопловой частью элементы конструкции воздушной цели).

Последнее необходимо пояснить. Дело в том, что тепловая головка ЗУР, как уже отмечалось, захватывает и автоматически сопровождает цель по ее максимальному тепловому излучению. Фотоприемник тепловой головки

ЗУР, воспринимая тепловое излучение цели, вырабатывает сигналы, которые после соответствующей обработки затем передаются на рули ракеты и осуществляют ее наведение на наиболее теплоконтрастные элементы цели – в район среза сопла реактивного двигателя. Но у современных средств воздушного нападения этот элемент наименее уязвим, так как выполнен из высокопрочных термоустойчивых материалов. Наиболее заметно это явление проявляется для ракет с малой боевой частью. Именно поэтому в ЗУР комплекса «Игла» разработана схема, обеспечивающая попадание ракеты в корпус самолета, а не в сопло. ЗУР переносного ЗРК оснащена боевой частью осколочно-фугасного действия.

Переносной ЗРК «Игла» обеспечивает поражение самолетов и вертолетов на встречных курсах, летящих со скоростью до 360 м/с, и на догонных, когда цель летит со скоростью до 320 м/с, в условиях постановки тепловых помех. При отстреле летательными аппаратами противника тепловых ловушек на встречных и догонных курсах одиночно или залпами (до шести в залпе) средняя вероятность поражения цели одной ЗУР 9М39 за пролет зоны поражения составляет 0,31 (при стрельбе навстречу) и 0,24 (при стрельбе вдогон). В таких помеховых условиях комплекс «Игла-1» был практически неработоспособен. Основным внешним отличием ПЗРК «Игла» от комплекса «Игла-1» является расширенная коническая передняя часть пусковой трубы.

В последнее время с целью расширения боевых возможностей состоящих на вооружении ПЗРК разработаны различные устройства, обеспечивающие увеличение боекомплекта ракет, возможность их залпового применения, использование их на разных носителях, в том числе на состоящих более сорока лет на вооружении зенитных самоходных установках «Шилка», на вертолетах. Разработано пусковое устройство «Джигит», которое обеспечивает возможность одновременного пуска двух ЗУР комплекса «Игла». В этом пусковом устройстве стрелок-зенитчик размещается на вращающемся кресле и вручную осуществляет наведение спаренной пусковой установки на воздушную цель. Создано устройство, обеспечивающее размещение и применение двух ЗУР ПЗРК «Игла» на вертолете. Комплекс не имеет ограничений по стрельбе в районе локальных пожаров и при совместной работе со ствольными зенитными системами. Пуски можно производить с неподготовленных позиций. Боевые средства допускают возможность осуществления залповой стрельбы с турели, размещения на боевых и транспортных машинах.

Разработан вариант ПЗРК с ракетой, оснащенной более мощной боевой частью («Игла-Н»). При этом масса ЗУР увеличена на 2,5 кг, что привело к незначительному уменьшению показателя скорости поражаемых целей (до 340 м/с при стрельбе навстречу и 280 м/с при стрельбе вдогон), при этом вероятность поражения цели увеличена на 25-50 процентов.

На базе элементов невсепогодного ЗРК ближнего действия «Стрела-10-СВ» разработана установка, использующая пусковой модуль «Стрелец» – блок для запуска двух ЗУР ПЗРК «Игла». Эта установка была представлена на Международном авиационно-космическом салоне «МАКС-99». Установка предназначена для одиночной и залповой стрельбы ракетами комплекса «Игла» и «Игла-1» по воздушным целям с наземных носителей или стационарных объектов, в том числе с доработанной боевой машины ЗРК «Стрела-10-М3». В состав такой пусковой установки входят: вращающаяся часть с приводами наведения и системой электропитания на базе серийных узлов, агрегатов и аппаратуры боевой машины 9А35; комплект аппаратуры управления и пусковых модулей для ЗУР переносных ЗРК; блок сопряжения с аппаратурой пуска; средства связи и приема целеуказания; средства опознавания государственной принадлежности цели.

Пусковая установка имеет боекомплект из восьми ЗУР, обеспечивает стрельбу одиночными ракетами, очередью и залпами (двумя ЗУР). Масса пусковой установки с восемью ЗУР, которая обслуживается одним человеком, составляет 1.200 кг. В сравнении с носимым вариантом обеспечивается круглосуточное применение, автоматическое проведение предстартовых операций и залповый пуск ракет, существенно повышающий вероятность поражения воздушной цели.

Основные характеристики ПЗРК типа «Игла»

Наименование характеристики	«Игла-1»	«Игла»
Масса комплекса, кг		
в боевом положении	17,9	17,9
в походном положении	20	20
Зона поражения, км		
по дальности вдогон	1–5,2	1–5,2
навстречу	0,5–3	0,5–3,3
по высоте вдогон	0,01–2,5	0,01–2,5
навстречу	0,01–2	0,01–2
Максимальная скорость поражаемых целей, м/с		
вдогон	320	320
навстречу	360	360
Средняя скорость ЗУР, м/с	600	600
Масса ЗУР, кг	10,8	10,8
Масса боевой части, кг	1,17	1,17
Вероятность поражения самолета одной ЗУР (вдогон)	0,44–0,59	0,45–0,63
Год принятия на вооружение	1981	1983

Во время службы на Кавказе мне приходилось встречать немалое количество трофейного оружия, при различных обстоятельствах взятого у противника. Порой попадались очень интересные, редкие и даже экзотические образцы. Это ручные пулеметы, переделанные из танковых ПКТ, чеченские пистолеты-пулеметы «борз», крупнокалиберный КПВТ, установленный на станок, противотанковое ружье, сделанное из ствола крупнокалиберного пулемета ДШК, подствольный гранатомет ГП-25, имеющий самодельные приклад, рукоятку и блокировку предохранителя, что позволяло вести из него огонь, не подсоединяя его к автомату, а также многие другие интересные экземпляры.

Некоторые из них использовались нами в боевой обстановке, при этом были выявлены их своеобразные особенности и характеристики.

Удивительным оказалось и то, что хорошо известный всем пистолет Макарова был представлен большим и разнообразным количеством моделей и модификаций.

Тема трофейного оружия, взятого у противника, сама по себе является достаточно интересной и редкой. Информации и материалов по ней встречается очень мало. Именно поэтому хотелось бы рассказать про образцы пистолетов и револьверов, с которыми довелось ознакомиться, об особенностях их устройства и характеристиках.

Юрий ВАСИЛЬЕВ

ТРОФЕЙНОЕ ОРУЖИЕ

КЛОН ПМ

Первый образец, попавший в руки, оказался весьма интересным. Будучи похожим по устройству и внешнему виду, как брат-близнец, на ПМ, он таковым не являлся. Хотя для стрельбы из него и использовались патроны ПМ. Отличий от обычного «макарова» он имел очень много.

Первое, что обратило на себя внимание, это несколько меньшие, чем у ПМ, размеры и вес. Отличало пистолет хорошее качество изготовления и воронения. Он был практически новым, вороненое покрытие не имело повреждений и потертостей. Удивляло то, что этот образец ни на рамке, ни на затворе не имел номера и никаких клейм завода-изготовителя. Поэтому сразу не представлялось возможным выяснить, что это за оружие и кем изготовлено. На этот счет выдвигалось много мнений и догадок, но к единому решению так и не смогли прийти.

Сам пистолет выглядел красиво и изящно. В руке он лежал несколько удобней и, если можно так сказать, приятней, чем ПМ. Причиной тому, видимо, были меньший вес и несколько меньшие размеры.

Блок накладок рукоятки был изготовлен из черной пластмассы. С левой стороны внизу имелась надпись «Байкал» на английском языке, с правой – «сделано в России», тоже по-английски. Как известно, такие накладки используются на газовых пистолетах Макарова. Но это ни о чем не говорит. Подобные накладки мы ставили и на штатные ПМ, так как они казались нам удобнее. Эти детали абсолютно взаимозаменяемы.

И затвор, и рамка этого пистолета были меньше по ширине, чем у обычного ПМ, поэтому его затвор к «макарову» не подходил. А «макаровский» затвор на него устанавливался, но при этом имелся очень большой поперечный люфт.

Хотя по устройству он был аналогичен ПМ, некоторые отличия все же имелись. Затворная задержка была изготовлена таким образом, что вместо кнопки имела гребень, на который следовало воздействовать при досылании затвора в переднее положение. Мушка была меньших размеров, целик по ширине гораздо уже, чем у ПМ.

Были у него и технологические отверстия, которых не имелось на обычном «макарове». Так, с внутренней стороны затвора было сделано сверление, через которое видна была пружина гнетка извлекателя, а в рамке имелась проточка, в которую была видна пружина спусковой скобы. Возможно, это не технологические отверстия, а просто выборка металла для уменьшения веса всей конструкции.

Ствол пистолета заслуживал особого внимания. Он был явно не «родным». Да и на рамке пистолета имелись признаки, позволявшие считать, что замена ствола все-таки производилась. Сам ствол имел явные следы обработки на металлорежущих станках, в частности на токарном. Воронение было нанесено уже поверх них. А вот канал ствола обработан хорошо. Или, может быть, он уже был отшлифован пулями при стрельбе. В канале имелось четыре нареза, как и положено. Поверхность его хромированного покрытия, естественно, не имела. Поэтому сразу после стрельбы его следовало чистить и обильно смазывать маслом. Иначе на вторые-третьи сутки канал ствола покрывался бурым налетом ржавчины. Убрать ее тогда было возможно, только сделав несколько выстрелов.

Трудно точно судить, но все признаки говорят о том, что изначально этот пистолет был газовым. А вот в Чечне, попав в руки местных умельцев, был перестволен и стал боевым. Причем весьма неплохим.

Неожиданный сюрприз преподнесла стрельба из этого пистолета. Оказалось, что он обладает отличным боем, по точности и кучности не уступая обычному «макарову». Правда, огонь из него велся на дальность не более 20 метров. Но зачем ему больше? Меньшие габариты и вес, чем у ПМ, делали его привлекательным для использования в наших условиях. По этим же причинам и стрелять из него было проще.

Проблема заключалась в другом.

Задержки при стрельбе оказались довольно частым явлением. В среднем на 80 выстрелов приходилось 6–8 задержек. Это были перекос патрона и утыкание патрона. С такой задержкой, как перекос патрона, разобрались очень быстро. Причина крылась в неисправном магазине, у которого погнулись крылья горловины. Сменили магазин, и число задержек уменьшилось вдвое. Но утыкание патрона продолжало периодически иметь место, причем, как правило, на 5-м–7-м выстреле. Когда такое происходило при стрельбе, сразу возникало желание поправить патрон пальцем через окно затвора, поставив его в нужное положение. Если это удавалось, то под действием возвратной пружины затвор шел вперед и защемлял палец, что очень быстро отбило желание лезть пальцами в пистолет. Приходилось вынимать магазин, снимать затвор и только после этого извлекать патрон.

Имелась у этого пистолета и еще одна небольшая неприятность. Бывало, после выстрела курок не оставался во взведенном состоянии, а самопроизвольно сбрасывался с боевого взвода. Тогда перед следующим выстрелом его приходилось либо взводить, либо делать выстрел самовзводом. Выяснить причину, по которой это происходило, не удалось, но так как такая неисправность была редким явлением, с ней можно было мириться.

Из-за меньшей массы, чем у обычного ПМ, затвор после выстрела резче отскакивал назад с характерным звонким металлическим щелчком. Возможно, причина того, что курок не всегда успевал взвестись, и заключалась именно в слишком резком откате затвора.

Тем не менее пистолет понравился и занял место в арсенале моего вооружения. Он служил верой и правдой около года, пока не был поврежден попаданием пули.

Хотелось бы остановиться и на такой важной детали пистолета, как магазин. Местными изобретателями-умельцами он тоже подвергался переделке, благодаря чему его емкость увеличивалась на один патрон.

Для этого на два витка укорачивалась пружина подавателя магазина. Сам подаватель тоже укорачивался, у него убиралась та нижняя часть, которая имела зуб, воздействующий на затворную задержку. Более короткие пружина и подаватель освобождали место для еще одного патрона. Емкость магазина получалась девять патронов, и еще один досылался в ствол. Общий боекомплект ПМ становился десять патронов, что было весьма заманчивым.

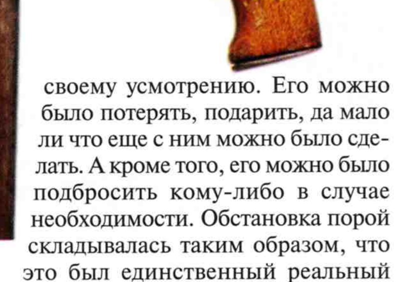
Переделанные таким образом магазины встречались довольно часто у чеченцев, имевших на вооружении ПМ. Со временем подобный магазин появился и у меня, он был подарен одним знакомым чеченцем. Воспользовался возможностью его испытать. Сразу выявились его серьезные недостатки. Очень часто 7-й–9-й патроны при досылании вставали наперекос, что приводило к постоянным задержкам при стрельбе. Причиной тому была, естественно, изменившаяся жесткость пружины подавателя магазина. Кроме того, сам подаватель уже не имел зуба, воздействующего на затворную задержку, поэтому после израсходования патронов в магазине затвор в заднем положении отката не фиксировался, и невозможно было понять, когда же закончились боеприпасы и настала пора менять магазин.

К тому времени уже имелся опыт, говорящий о том, что один дополнительный патрон в боекомплекте пистолета решающей роли не играет. От использования подобного магазина пришлось отказаться в пользу куда более весомого аргумента: безотказной работы оружия в целом.

Теперь хотелось бы несколько отвлечься от темы и рассказать вот о чем. Многие офицеры части порой избегали получать со склада полагающийся им по штату табельный ПМ. Тому было несколько причин. Одной из них, пожалуй, самой основной, было то, что имели место случаи, хотя и не очень частые, утери оружия, а также его хищения. К хищению и утере пистолетов приводила, как правило, личная недисциплинированность военнослужащих, халатное отношение к оружию.

Но была и другая сторона. Оружие терялось и в боевой обстановке. Носить ПМ на поясе в штатной армейской кобуре было не очень удобно и опасно. В общем строю он демаскировал офицера так же, как и наличие рации, бинокля, полевой сумки. В наплечной кобуре под одеждой и снаряжением носить ПМ тоже было неудобно – долго извлекать. Приходилось из подручных материалов конструировать более или менее подходящие приспособления и карманы для скрытого ношения пистолетов. Но сохранности оружия это способствовало мало. А то, что его утрата являлась очень большой неприятностью, думаю, объяснять не нужно.

Потому многими офицерами и отдавалось предпочтение трофейным, неучтенным пистолетам. Таким оружием владелец мог распоряжаться по

своему усмотрению. Его можно было потерять, подарить, да мало ли что еще с ним можно было сделать. А кроме того, его можно было подбросить кому-либо в случае необходимости. Обстановка порой складывалась таким образом, что это был единственный реальный выход из сложного положения. Как в замечательном фильме «Место встречи изменить нельзя», когда Глеб Жеглов подбрасывает карманнику Кирпичу им же украденный бумажник.

Не могу сказать, что вооружение трофейным оружием, и в частности пистолетами, было явлением массовым, но тем не менее достаточно распространенным. Далеко не все желающие офицеры могли позволить себе обзавестись неучтенным пистолетом. Но таковые имелись. И попадало к ним в руки такое оружие различными, бывало, самыми невероятными путями. Со временем начали появляться пистолеты и подобные тому, какой имелся у меня, о котором уже шла речь выше.

Позднее по линии ФСБ до нас дошла информация, что когда-то, еще в 1994 году, в Чечню по каким-то нелегальным каналам была поставлена большая партия газовых пистолетов. Что-то около четырех тысяч штук, видимо, ижевского производства. В дальнейшем следы ее терялись. Но это и неудивительно, время было смутное. Точно не могу утверждать, но в этом случае вполне правдоподобной и объяснимой выглядит та версия, что в Чечне все это газовое оружие было переделано в боевое и вскоре поступило на вооружение чеченских боевиков. А к нам оно уже начало попадать в качестве боевых трофеев.

ИЖ-70

Следующей «игрушкой», оказавшейся у меня, стал ИЖ-70. Такие пистолеты мне ранее видеть не приходилось, но в Чечне они встречались достаточно часто. Ими были вооружены некоторые чеченские милиционеры, работники прокуратуры, следователи, главы сельских и городских админист-

раций. Имелись они, естественно, и у боевиков.

В одних источниках пистолет ИЖ-70 представляется как экспортный вариант «макарова», в других – что это спортивно-тренировочное оружие. Тогда каким образом оно в таких заметных количествах появилось в Чечне? Загадка. Но таких загадок было много.

Тот пистолет, что оказался у меня, имел все положенные клеймения и номера. Изготовлен был, судя по маркировке, на Ижевском заводе в 1988 году. Конец перестройки, закат Советского Союза. Хорошо помнится то время. Считалось, что тогда резко снизилось качество выпускаемой продукции. Если даже и так, то к данному пистолету это никакого отношения не имело: механизм был сделан превосходно и обладал замечательным боем.

Его воронение было вытерто до блестящего металла. Это говорило о том, что на своем веку ему довелось немало потрудиться. Похоже, и в дело он вступал достаточно часто, да и хозяев сменил, видать, не одного. Этот ПМ был старый солдат, он не разочаровал своего нового владельца.

Я всегда с удовольствием вспоминаю об этом пистолете и очень ценю его. За полгода при достаточно интенсивном использовании он не дал ни одной задержки при стрельбе. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Феномен. Поразительная надежность и безотказность. Хотя, надо сказать, если это и феномен, то не одного какого-то образца, а всего семейства ПМ. Например, мой штатный «макаров», полученный на складе, тоже работал исключительно надежно. Не могу припомнить случая, чтобы у него когда-нибудь случилась задержка или осечка. К сожалению, у него имелся другой существенный недостаток – не очень точный бой.

По устройству этот ИЖ-70 был аналогичен обычному ПМ. Отличался он только наличием целика, который можно было регулировать по высоте и направлению. Выглядел пистолет несколько более громоздким по размерам, чем ПМ, и казался чуть тяжелее. Но точно утверждать этого не могу, специальных замеров не делал.

Теперь о регулируемом целике. В книге Александра Благовестова «То, из чего стреляют в СНГ», в разделе, посвященном этому пистолету, имеется такая фраза: «Правда, это новшество не дает практически никакого преимущества перед ПМ с неподвижным целиком. Поэтому в последующем от такого целика отказались, снова вернувшись к неподвижному». Не собираюсь оспаривать сказанное автором, но сам придерживаюсь другого мнения. Преимущества у целика регулируемого перед неподвижным есть. Мне никогда не приходилось даже слышать о том, чтобы где-то в войсках пристреливали ПМ. Правильнее говоря, приводили его к нормальному бою. Потому что занятие это очень непростое. Для того, чтобы добиться изменения боя оружия по направлению, нужно перемещать целик по горизонтали специальным приспособлением, струбциной. А по высоте бой меняется заменой целика на другой, иного размера. Кто в войсках будет этим заниматься? Кто может это делать правильно, имеет набор нужного оборудования, необходимый комплект целиков различных размеров?

Мой штатный ПМ был не очень точного боя. От точки прицеливания попадания ложились ниже и левее. Это отклонение приходилось учитывать при стрельбе, вынося точку прицеливания правее и выше. Точность стрельбы при этом снижалась. Но в боевой обстановке это особой роли не играло. На точное прицеливание, как правило, времени не хватало.

Совсем по-другому дело обстояло с пистолетом ИЖ-70. Там стрелок мог без труда добиться любого боя оружия, какой ему нравится.

Я тоже долго экспериментировал с пристрелками и наконец добился того, что показалось мне наиболее подходящим. Пистолет был пристрелян на дальность 15 метров с точкой прицеливания в центр цели. Сделал его, так сказать, центрального боя. Почему пристреливал на дальность 15 метров? Считаю, что дальность стрельбы из пистолета, причем из любого, на 25 метров и более сильно завышена. Во всяком случае, для боевой обстановки. Там редко бывает возможность изготовиться к стрельбе, навести оружие на цель, тщательно прицелиться и выстрелить. Относительно прицельно в бою, на мой взгляд, можно сделать выстрел только метров на 12–15. Исходя из этого я и готовил свое оружие.

Конечно, в бою могут сложиться различные обстоятельства: всего не предусмотришь и не угадаешь. Имел место случай, когда мне пришлось вести огонь из ПМ по цели на дальность метров в 70. Но при этом о прицельной стрельбе речь уже не шла.

Этот пистолет находился при мне всегда. Во время выходов и спецопераций, когда при себе нужно было иметь весь комплект вооружения, он играл роль дополнительного оружия. Среди снаряжения для него имелось место. Он располагался в открытой наплечной кобуре слева под «разгрузкой». Был не на виду и извлекался легко. Девятый патрон в стволе, курок сброшен с боевого взвода, с предохранителя снят. Первый выстрел можно делать сразу, самовзводом, не взводя курок.

Однажды во время боя в лесу я оказался с разряженным автоматом лицом к лицу с боевиком. Нас разделяло метров шесть, успеть перезарядить автомат можно было и не мечтать. Но при мне был ПМ, вернее ИЖ-70, всегда готовый к выстрелу. Это и решило исход поединка в мою пользу.

А дальнейшая судьба этого пистолета такова. В начале 2003 года у нас в части появился офицер ФСБ. Все стали звать его «особняком». А он и был «особист». Штатной должности такой в части не имелось, он был к нам просто прикомандирован. Каковы были его основные задачи и обязанности – не знаю, но дело свое он, похоже, знал. В конце концов он прознал и про мой

пистолет. Начал требовать, чтобы я сдал его. Расставаться с хорошим оружием не хотелось. Но пришлось уступить его настойчивости и сдать пистолет. В то время у меня имелся другой ПМ, тоже из трофеев. К моему удивлению и обиде, на другой день я увидел свой пистолет на поясе у этого «особняка». Хорошо так добывать трофеи.

СТРАННЫЙ «СТАРИК»

Впервые этот пистолет я увидел у чеченца-контрактника, бойца стрелкового взвода. Такое подразделение, как чеченский стрелковый взвод, входило в состав нашей части. По штату пистолет там числился только у командира взвода, а фактически имелся поголовно у каждого бойца. Командование на это смотрело сквозь пальцы. Где они доставали себе такое оружие – не знаю.

Пистолет напоминал какой-то западный образец, скорее всего «вальтер». Я попросил посмотреть, взял его в руки. Это оказался... все тот же ПМ, что меня весьма удивило. Но по внешнему виду он очень отличался от привычного «макарова». Изготовлен был в Ижевске в 1954 году. Долго разглядывать его не было времени, нужно было заниматься делами. Я вернул оружие, но удивление осталось.

Через некоторое время такой же ПМ появился и у меня. Пистолет находился в схроне, обнаруженном нами совершенно случайно. Кроме него там было много и другого «барахла», в основном одежда и боеприпасы. Здесь следует заметить, что если по схронам нет оперативной информации, то найти их очень сложно, практически невозможно. В нашем же случае помогли наблюдательность лейтенанта-сапера, шедшего впереди группы, и его феноменальное чутье.

Пистолет был в неисправном состоянии. У него отсутствовал боек и была сломана возвратная пружина затвора. Запчасти были найдены без труда.

Этот экземпляр заслуживает особого внимания. Судя по клеймению, он был изготовлен в 1953 году. В уже упоминавшейся книге А. Благовестова «То, из чего стреляют в СНГ» отмечено, что пистолет Макарова был принят на вооружение в 1951 году, а его серийный выпуск начат в 1954 году. Но я был обладателем пистолета, изготовленного годом раньше. Как это понимать?

И тут припомнилась книга О. Алексеева и Ф. Михайлова «Знай то, чем владеешь». По пистолету Макарова там есть иная информация: «Первая партия ПМ была выпущена на Ижевском механическом заводе в 1949 году, а с 1952 года начался их массовый выпуск». Скорее всего, эти данные являются более верными. В таком случае пистолет, обладателем которого являлся я, принадлежал к одной из первых выпущенных партий.

Теперь имелась возможность этот ПМ изучить. Он был красив, удобен. И сильно отличался от привычного ПМ внешним видом. Сразу в глаза бросалось то, что его рамка имела другую форму, она была прямая, а не заужена к передней части в районе спусковой скобы. Это придавало пистолету поразительное сходство с «Вальтером ПП». Задняя часть рамки тоже несколько отличалась – была чуть более вытянута назад. Едва заметно, но при удержании пистолета она удобно опиралась на кисть руки в районе перемычки между большим и указательным пальцами.

Блок накладок пистолетной рукоятки тоже отличался по форме, он был заужен в верхней части, тыльная его сторона была более скругленной. Благодаря этому кисть руки лучше охватывала рукоятку пистолета, при этом оружие лучше, глубже и удобнее лежало в руке.

Этот ПМ имел неплохое состояние, но канал ствола оказался сильно изношенным, нарезы в нем едва просматривались. Правда, на результаты стрельбы это особого влияния не оказывало. Сильный износ ствола, вероятно, можно объяснить тем, что в первых партиях оружия недостаточно правильно подобран металл и отработана технология изготовления стволов. А может быть, из этого пистолета просто изрядно постреляли.

Он был очень удобен при ведении огня, лучше привычного ПМ лежал в руке, благодаря чему удавалось добиваться весьма хороших результатов при стрельбе. Надежность его работы нареканий не вызывала, но в боевых действиях ему принимать участия уже не довелось. К тому времени активная боевая работа в Чечне пошла на убыль, основной задачей войск стало обеспечение собственной жизнедеятельности.

Со временем подошла к концу и моя служба на Кавказе. Этот оригинальный ПМ был сдан на склад и оприходован по «Книге учета трофейного оружия». С ним я расстался не без сожаления. На мой взгляд, место этому редкому пистолету было в музее, под стеклянным колпаком. Остается только удивляться, почему в дальнейшем пистолет Макарова несколько изменил свой облик на тот, который нам стал уже привычным. Может быть, для того, чтобы быть менее похожим на «Вальтер ПП»? Но это так, догадка, не более.

ПИСТОЛЕТ ПММ

За все время пистолет ПММ попался нам лишь один раз. У нас на вооружении подобного оружия не было, изредка он встречался у личного состава МВД, поэтому определенный интерес к нему, естественно, имелся. Но особого впечатления ни на кого из нас не произвел: он выглядел более грубоватым и громоздким, чем ПМ, был несколько тяжелее. Правда, имелся и серьезный аргумент в его пользу – двенадцать патронов в магазине вместо восьми. Но это на любителя. Для пистолета, как правило, решающую роль играют первые несколько выстрелов. Хотя ситуации могут быть самые разные. Кроме того, увеличение боекомплекта ведет соответственно к увеличению габаритов и веса.

Встречается мнение, что рукоятка ПММ является более удобной при стрельбе, чем у ПМ. Мне же она таковой не показалась, слишком уж широкая и толстая. Вероятно, тут все дело в привычке.

Результаты стрельбы из пистолета ПММ были абсолютно сопоставимы с результатами стрельбы из ПМ, потому на первый взгляд никаких особых преимуществ он перед последним не дает. Но здесь следует обратить внимание на одну важную деталь: из обоих пистолетов огонь велся обычными патронами ПМ. А в пистолете ПММ имеется возможность использовать гораздо более мощный боеприпас – патрон ПММ. Это значительно повышает его огневые возможности.

О боеприпасах к пистолетам тоже следует сказать несколько слов. Патроны ПМ имелись в достаточных количествах, но таких боеприпасов, как патроны ПММ, у нас не было. Более того, мы даже в глаза их не видели. Поэтому проверить возможности пистолета при стрельбе патронами ПММ мы не могли. В дальнейшем возникла достаточно комичная ситуация. Такой патрон появился. В единственном экземпляре. У меня. Уже не помню всех деталей, но мне его кто-то подарил. Он стал предметом гордости и занял место в патроннике моего пистолета. По замыслу, этот

патрон ПММ должен был быть первым выпущен во врага. Но этого не произошло. Пистолет приходилось бесконечное количество раз разряжать и демонстрировать патрон всем любопытным и любознательным. Во время очередного показа я его благополучно потерял. Но, возможно, это и к лучшему. Почему-то тогда даже не задумывался над тем, как поведет себя ПМ при выстреле более мощным патроном. И сейчас тоже не знаю, можно ли использовать в пистолете ПМ патроны ПММ.

В конечном итоге можно сделать вывод, что конструкторам при модернизации и усовершенствовании «макарова» удалось улучшить некоторые его характеристики, но за счет ухудшения других параметров. В частности, увеличения габаритов и веса. Но это закономерно, по-другому и быть не могло.

Тот ПММ, который находился у нас, в боевых действиях участия не принимал. Причиной явилось то, что магазин увеличенной емкости к нему имелся только один. Но не это было главным. Вскоре выяснилось, что этот пистолет проходит по уголовному делу, причем по весьма серьезной статье. Потому никто и не рискнул с ним связываться.

...И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ

Пистолет ТТ тоже попадал к нам в качестве трофея. В лесном массиве была разгромлена банда, захвачен ее лагерь, освобождены заложники. В одном из блиндажей лагеря и был найден этот ТТ. Его хозяин не успел им воспользоваться. Он был либо убит, либо смог уйти. Судя по оружию, его владелец был серьезным человеком. Пистолет оказался оригинальным, каким-то подарочным экземпляром: идеальное состояние воронения, на правой и левой пластмассовых накладках рукоятки закреплены латунные изображения лежащего волка – символа Ичкерии. Там же, в блиндаже, была обнаружена и кобура к нему с запасным магазином.

Находясь в состоянии своеобразной эйфории, часто приходящей после удачно завершенного трудного дела, мы там же, в лесу, расстреляли из этого ТТ все боеприпасы. Их было немного, два магазина, шестнадцать штук. Каждому удалось сделать только по 2–3 выстрела. После возвращения на базу мы этот пистолет преподнесли в качестве подарка своему командиру. А вот кобура от него осталась у меня, на память. Что удивило меня тогда и является загадкой по сей день, так это русская фамилия, написанная шариковой ручкой на внутренней поверхности ее кожаного клапана.

Имелся еще один интересный трофей, который произвел на нас неизгладимое впечатление. Это револьвер системы «Наган». Он был взят во время спецоперации, попросту говоря, «зачистки». Состояние револьвер имел вполне приемлемое. Воронение его во многих местах, особенно на барабане, было вытерто до металла. Выглядел он внушительно, как и положено было почти столетнему ветерану. Но ржавчины и раковин на его поверхности не имелось. Оружие было ухоженным. На левой стороне рамки, впереди барабана, был набит номер. Хорошо запоминающаяся цифра 25555. Но более всего порадовала надпись, сделанная тоже слева на рамке, над левой деревянной накладкой рукоятки: «Императорский Тульский оружейный завод. 1904 год». Диву давались, каким образом этот музейный экспонат мог оказаться на войне? Ему был век, без трех лет!

Револьвер был редкой модели, он еще не имел самовзвода. Перед каждым выстрелом его курок нужно было взводить вручную. Штатных патронов к нему не имелось. Но, как выяснилось впоследствии, они и не были нужны. Оказалось, что этот «наган» тоже побывал в руках местных умельцев. Каморы его барабана имели увеличенный диаметр, они были рассверлены под патрон ТТ, что должно было позволять вести стрельбу этими боеприпасами. А патроны ТТ, хоть и в небольшом количестве, у нас имелись.

Но револьвер продолжал нас удивлять. Суть в том, что штатные патроны «Наган» имеют фланец, фиксирующий их в каморах барабана. Патроны ТТ такого фланца не имеют. Каморы этого револьвера были рассверлены таким образом, что патроны ТТ входили в них плотно и фиксировались в нужном положении скатом гильзы.

Конструкция «нагана» такова, что при взведении курка барабан проворачивается на один шаг и подается вперед, при этом гильза очередного патрона своим дульцем входит в ствол. При выстреле это предотвращает прорыв газов между стволом и барабаном. Но патрон ТТ имеет другую форму и другие размеры, у него гильза короче. Тем не менее револьвер стрелял. Правда, после стрельбы стреляные гильзы из камор барабана шомполом выбивались с трудом.

Ни о каком боевом использовании этого оружия речи не шло. Стрельба из него стала развлечением взрослых людей. Каждый с нетерпением ждал своей очереди. Палили из «нагана» кто во что хотел. Экзотика.

Револьвер был удобен, хорошо лежал в руке благодаря смещенному вперед центру тяжести, имел своеобразную балансировку, к которой нужно было привыкнуть. Канал ствола хромированного покрытия, как у современных образцов, естественно, не имел. Уже впоследствии вычитал, что при батюшке царе на изготовление револьверных стволов шли бракованные стволы винтовок.

Учитывая значительные габариты «нагана», его вес и, главное, немалые проблемы с перезаряжанием, остается только удивляться, что этим оружием еще и воевали.

Магазины:

Москва:
- м. «Новогиреево», м. «Выхино», ул. Кетчерская, 16; тел.: (495) 375-70-70
- м. «Семеновская», Измайловское ш., 11; тел.: (495) 366-00-91
- м. «Свиблово», м. «Ботанический сад», ул.Снежная, 13; тел.: (499) 180-03-11
- м. «Пр-т Вернадского», пр-т Вернадского, 64А; тел.: (499) 133-51-08
- м. «Динамо», ул. Новая Башиловка, 3; тел.: (495) 612-55-23
- м. «Братиславская», ул. Перерва, 52; тел.: (495) 345-10-01
- м. «Улица Подбельского», Открытое ш., 17 корп.1; тел.: (499) 167-15-11
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18А; тел.: (495) 741-33-06

Санкт-Петербург:
- м. «Нарвская», Наб. Обводного канала, 156; тел.: (812) 325-36-45, 786-97-75
- м. «Лесная», Лесной пр-т, 69; тел.: (812) 324-63-30, 596-36-52
- м. «Елизаровская», пр-т Обуховской обороны, 97А; тел.: (812) 365-23-70
- м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 61; тел.: (812) 273-49-15
- пл. «Сортировочная», пр-т Славы, 52; тел.: (812) 453-03-82

Нижний Новгород:
- ул. Белинского, 49; тел.: (831) 278-34-66

Тверь:
- пр-т 50 лет Октября, 45; тел./факс: (4822) 44-87-38

Казань:
- ул. Московская, 17; тел.: (843) 291-80-01

Екатеринбург:
- ул. Малышева, 6; тел.: (343) 203-19-85

Ростов-на-Дону:
- ул. Варфоломеева, 89; тел.: (863) 290-79-62, факс: (863) 291-79-81

Калининград:
- ул. Пролетарская, 84; тел.: (4012) 53-09-58

Воронеж:
- Ленинский пр-т, 117; тел.: (4732) 44-68-31

Ярославль:
- ул.Свердлова, д.53; тел./факс: (4852) 74-60-41

ТЕРМОБЕЛЬЕ

POLARTEC

ACTIVE 865 руб.*

Белье ACTIVE предназначено для любителей активного отдыха, предполагающего высокие физические нагрузки и длительное пребывание на открытом воздухе.

расцветки: черный, хаки

POLARTEC

ARCTIC 950 руб.*

Очень теплое белье ARCTIC для настоящей русской зимы. Отлично согревает и отводит влагу.

расцветки: черный, синий, military, french roast, eucaliptus

CLASSIC 820 руб.*

Легкое и тонкое белье CLASSIC предназначено для тех, кто предпочитает относительно спокойный отдых на открытом воздухе. Оптимальное содержание хлопка придает ткани комфортные свойства.

расцветки: черный, woodland

* Цена указана за одну часть комлекта: брюки или фуфайку

Оптовый отдел Компании «Сплав»:

111402, Москва, ул. Кетчерская, д. 16
тел.: (495) 72-72-72-1
факс: (495) 918-72-03
электронная почта: splav@splav.ru

Рассылка продукции почтой по России:

тел.: (495) 918-65-11
электронная почта: post@splav.ru
www.splav.ru

Телефон для справок:
(495) 77-00-77-1

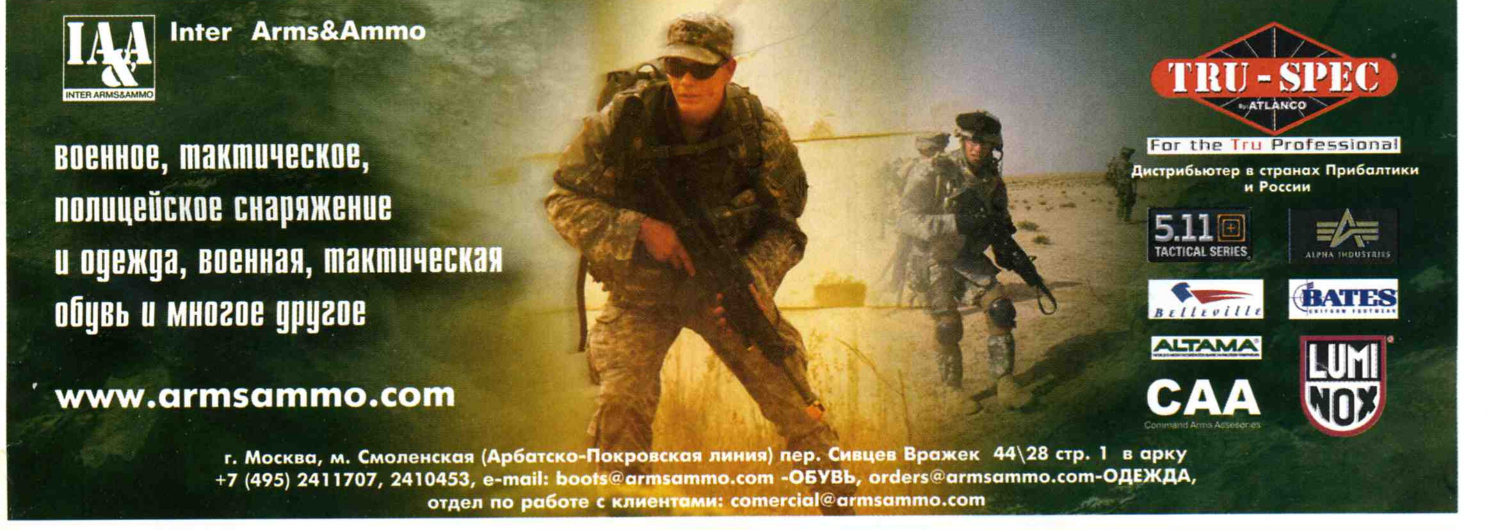
SURVIVAL CORPS
КОРПУС ВЫЖИВАНИЯ
СНАРЯЖЕНИЕ ДЛЯ ГРУПП АНТИТЕРРОРА
Тел: (495) 730-3270; 798-0109; Факс: (495) 225-7986
WWW.SURVIVALCORPS.RU Info@survivalcorps.ru
PROPPER HATCH CRISPI Black Diamond 5.11 TACTICAL SERIES MATTERHORN CAMELBAK
CARINTHIA ESS Aimpoint bollé Corcoran LEDWAVE QUIKSTEP

КВЦ «СОКОЛЬНИКИ»
павильон №2
23-26 апреля 2009

За справками обращаться в оргкомитет выставки:
Тел.: (495) 780-67-81
www.exponica.ru

19-Я МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА-ПРОДАЖА
КЛИНОК
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ВСЕГДА В ГОТОВНОСТИ, ВСЕГДА В ФОРМЕ!

Специализированный магазин форменной одежды и снаряжения для структур безопасности оперативных служб и антитеррористических подразделений

ВОЕНТОРГ №2

Широкий ассортимент тактической одежды от ведущих производителей

Официальный диллер

Официальный диллер

Официальный дистрибьютор

Москва, ул. Ферсмана, д.9, тел./факс: (499) 124-0530

Фото Виталия Анькова

СОЛДАТ УДАЧИ